

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 17-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 17-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич - доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культур, профессор, РГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич — кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственной университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул. Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, earinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет" , Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miuskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa **P.** Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of

Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management

(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadijevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejikh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city,

ul. Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadijevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Попов Е.А., Сытых О.Л., Стерляева Н.А., Бондаренко Д.С., Браницкая А.Л., Демишева Р.Р., Любарская М.А., Черемисина М.С., Прохоров Б.А., Кода Е.А. Роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта (на примере ЗАО «Курорт Белокуриха»)	1
Замятина О.Н., Пустовалова Е.В., Колегаева Е.А., Желдакова А.В., Маслов В.С., Перин С.А., Цодикова Я.И., Ахмедова А.Р., Григорьев Д.И. Социальный портрет самозанятого (по материалам социологического исследования в городе Барнауле)	24
Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Тренды формирования нового социального миропорядка	45
Карпов Г.А. Семья и брак в современной Великобритании	69
Рагулина М.В. Оленеводство тофов: социально-географические аспекты преимущества практик в период перехода к оседлости	85
Англоязычные метаданные	96

Contents

Popov E.A., Sytykh O.L., Sterlyadeva N.A., Bondarenko D.S., Branitskaya A.L., Demisheva R.R., Lyubarskaya M.A., Cheremisina M.S., Prohorov B.A., Koda E.A. The Role of a City-Forming Enterprise in the Social Development of a Modern Resort City (Based on the Example of ZAO Kurort Belokurikha)	1
Zamyatina O.N., Pustovalova E.V., Kolegaeva E.A., Zheldakova A.V., Maslov V.S., Perin S.A., Tsodikova Y.I., Ahmedova A.R., Grigor'ev D.I. Social portrait of the self-employed (based on materials from sociological research in the city of Barnaul)	24
Dekhanova N.G., Kholodenko Y.A. Trends in the Formation of a New Social Order	45
Karpov G. Family and marriage in modern Britain	69
Ragulina M.V. Reindeer herding of the Tofalars: socio-geographical aspects of the continuity of practices during the transition to sedentism	85
Metadata in english	96

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Попов Е.А., Сытых О.Л., Стерляева Н.А., Бондаренко Д.С., Браницкая А.Л., Демишева Р.Р., Любарская М.А., Черемисина М.С., Прохоров Б.А., Кода Е.А. Роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта (на примере ЗАО «Курорт Белокуриха») // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76206 EDN: MREZVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76206

Роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта (на примере ЗАО «Курорт Белокуриха»)

Попов Евгений Александрович

ORCID: 0000-0003-3324-8101

доктор философских наук

профессор; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520

✉ popovea@mc.asu.ru

Сытых Ольга Леонидовна

ORCID: 0000-0001-8654-3986

доктор философских наук

профессор; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, офис 515

✉ sytykh@yandex.ru

Стерляева Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук

доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 520

✉ sterlyadeva@socio.asu.ru

Бондаренко Дмитрий Сергеевич

магистр; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 219

✉ bondarenko.81011@stud.asu.ru

Браницкая Арина Леонидовна

магистрант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 520

✉ arina.branitskaya@mail.ru

Демишева Райяна Руслановна

магистрант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 520

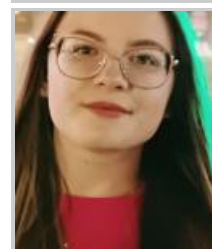
✉ rayanademisheva@yandex.ru

Любарская Мария Александровна

магистр; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб, кв. 520

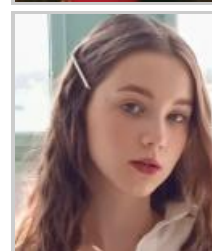
✉ maria20032301@gmail.com

Черемисина Мария Сергеевна

магистрант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 520

✉ cms.2003@yandex.ru

Прохоров Богдан Александрович

магистрант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, кв. 520

✉ prohorovbogdan0806@mail.ru

Кода Егор Александрович

ORCID: 0009-0003-0682-1096

Алтайский государственный университет, институт гуманитарных наук, аспирант.
656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520

✉ kodaegor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76206

EDN:

MREZVO

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2025

Дата публикации:

16-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта. Выявляются ключевые социальные функции градообразующего предприятия, а также характеризуется социально-экономическая значимость такого предприятия в рамках жизнедеятельности современного города-курорта. Полученные данные, в ходе проведения социологического исследования позволили выявить как объективные компоненты роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта, так и субъективные оценки населения относительно таковой роли градообразующего предприятия. Более того, в рамках данного социологического исследования будут рассмотрены ключевые социальные функции градообразующего предприятия в рамках жизнедеятельности города-курорта на территории Алтайского края. Градообразующее предприятие имеет позитивно симбиотические взаимоотношения с городом-курортом, всесторонне способствуя его социальному развитию. Методологическая база данной работы представлена структурным функционализмом Т. Парсонса и системным подходом. Был проведен анкетный опрос населения, а также экспертный опрос в форме глубинного интервью руководителей градообразующего предприятия, представителей местной власти. Выборочная совокупность составила 287 респондентов из них 275 респондентов для проведения анкетного опроса населения г. Белокуриха, а 12 – участники экспертного опроса в форме глубинного интервью. Полученные данные эмпирического характера стали основой для определения роли градообразующего предприятия в социальном развитии города-курорта. Автор пришел к выводу, что градообразующее предприятие формирует фундаментальные условия для социентального развития города: создает рабочие места, финансирует проекты и мероприятия местного значения, совершенствует инфраструктуру городской среды, способствует увеличению туристической привлекательности территории в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. Кроме того, градообразующее предприятие формирует достаточную инвестиционную привлекательность данной территории для всестороннего дальнейшего развития города и городской среды. Дальнейшие исследования в данной области необходимы, во-первых, очень важно найти те универсальные компоненты роли градообразующего предприятия, что позволит экстраполировать методику социологического исследования на другие регионы, а также подобные исследования позволяют оперативно выявлять и разрешать социальные проблемы города-курорта.

Ключевые слова:

Моногород, Социология города, Градообразующее предприятие, Город-курорт, Структурный функционализм, Социальные функции, Социальная роль, Алтайский край, Белокуриха, Санаторно-курортное учреждение

Введение. В настоящее время интерес к исследованию моногородов, в том числе моногородов-курортов заметно увеличивается. Во-первых, возрос интерес россиян к путешествиям внутри страны, посещению курортов и санаториев, что способствует развитию таких городов. Во-вторых, жизнь в современном мегаполисе оказывается непосильной в финансовом плане или психологическом плане для многих людей, и они выбирают для постоянного места жительства небольшие города, например, с активно

развивающейся курортной зоной. Все это не только способствует развитию моногородов в краткосрочной и среднесрочной перспективах, но и совершенствованию системы экономической безопасности государства в целом и отдельного региона, в частности. С другой стороны, по мнению Е.В. Балацкого, развитие моногородов является закономерным процессом, ведь крупнейшие города в России, являющиеся центрами промышленного и экономического развития, практически достигли своего пика, а значит, пришла очередь современной провинции активно развиваться и наверстывать упущенное [\[1, с. 80-81\]](#). Учитывая совокупность внешнеполитических и внешнеэкономических реалий, становится очевидно, что переориентация на собственное, независимое производство, на собственные курорты и места отдыха является достаточно верным решением, способствующим развитию всей страны в целом. Ведь если всё производство сконцентрировано на территории России, а соответствующий рекреационный потенциал реализуется на полную мощность, значит, все возможные денежные средства останутся на территории страны, что повысит ВВП, ВНП и уровень жизни граждан в целом.

В условиях реализации принципов командной экономики существование моногородов по ряду причин было несколько более устойчивым в отличие от условий рыночной экономики. Соответственно, после развала Советского Союза часть таких городов пришла в упадок, а рыночные механизмы были не способны восстановить утраченный потенциал, была необходима патерналистская помощь государства. По мнению С.В. Березина, за последние три десятилетия совокупными усилиями федеральной, региональной и местной властей моногородов удалось достичь их определенного социального и экономического роста [\[2, с. 41\]](#). В особенности это отражается на жизнедеятельности города-курорта, где предприятия санаторно-курортного профиля составляют основу функционирования местной экономической и социальной системы. В таком контексте градообразующее предприятие одновременно выполняет несколько функций: с одной стороны, оно предоставляет рабочие места жителям, формирует их уверенность в завтрашнем дне, привлекает денежные средства в моногород, с другой стороны, такое предприятие проявляет определенную степень социальной ответственности, формируя инфраструктуру города-курорта, влияет на улучшение качества жизни населения.

Градообразующее предприятие на территории города-курорта вынуждено совершенствовать городскую среду по разным причинам. Во-первых, от состояния городской среды зависит потенциальная привлекательность данной территории для отдыхающих, во-вторых, благоприятная городская среда способствует тому, что большинство профессионалов своего дела продолжают жить на этой территории, трудясь на благо и города, и самого градообразующего предприятия. Более того, современное градообразующее предприятие является жизненно необходимым компонентом жизнедеятельности моногорода, ведь вся экономика и социальное благополучие базируются исключительно на успешной деятельности такого предприятия [\[4\]](#). В результате данный тип предприятия на территории города-курорта вступает в систему симбиотических взаимоотношений, поскольку развивается само предприятие, развивается город, а также вся среда жизнедеятельности удачно формируется как под запросы отдыхающих, так и под запросы местного населения. Тем не менее очень важно разобраться в том, какова же роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта, какие механизмы способствуют формированию комфортной городской среды, развитию города и самого предприятия. В этом заключается актуальность данной работы.

Обзор литературы. Теоретическая разработанность научной темы обнаруживает несколько исследовательских ракурсов как в рамках классического социологического знания, так и в рамках современного социологического осмысления проблемы. В своих трудах основоположник органицизма Г. Спенсер рассматривал социальную среду как компонент гомеостаза социального организма, а также он определил ключевые компоненты социальной среды в социологическом знании [\[17\]](#). В свою очередь М. Вебер также рассматривал социальную среду как базовый компонент жизнедеятельности социума [\[3\]](#), а Т. Парсонс, представляя структурный функционализм, рассматривал социальную среду как совокупность структурных компонентов, активно взаимодействующих между собой [\[8\]](#). При этом Ф. Тённис обращал внимание на взаимосвязь между характеристиками социальной среды и особенностями взаимодействия социальных субъектов. Кроме того, Ф. Тённис четко определил, что социальная среда напрямую влияет на процесс формирования социально-экономических детерминант существования локального социума.

Между тем в трудах отечественного социолога Ж.Т. Тощенко произошла объективация феномена социальной среды и было определено три уровня социальной среды, а именно: микросреда, мезосреда и макросреда. Более того, исследователь выявил взаимосвязь состояния социальной среды и процессов социальной интеграции и социальной адаптации индивидов, социальных групп и других субъектов в ней [\[19\]](#).

Сущность и социальное предназначение города-курорта были описаны в трудах В.В. Смирновой, а Н.Е. Суханова охарактеризовала социальный образ современного города-курорта [\[16; 18\]](#). При этом С.В. Розова описала ключевые компоненты социального и экономического благополучия городов-курортов, а В.В. Савельев рассматривал совокупность феноменологических особенностей жизнедеятельности местного населения в городе-курорте на территории Российской Федерации [\[12; 13\]](#). Отдельное внимание исследователи уделяют балансу интересов местного населения и отдыхающих людей, об этом речь идет, например, в трудах С.И. Петровой и А.В. Крашенинникова [\[5; 9\]](#).

Современная отечественная социология не оставила без внимания феномен градообразующего предприятия, его структуру и функции. Так, С.В. Березин в своих трудах описал сущность градообразующего предприятия с точки зрения современной социологии; при этом П.А. Гончаров выявил совокупность структурно-функциональных компонентов предприятия такого типа [\[2; 4\]](#). Взаимосвязь деятельности градообразующего предприятия и моногорода была описана в трудах Е.Ю. Поповой, О.В. Колесник и Г.В. Наумовой [\[7; 10\]](#).

Новизна данного социологического исследования обусловлена следующим аспектом. Путем удачной гибридизации качественных и количественных методов социологического исследования удастся определить роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта, причем как с точки зрения системы объективных показателей, так и с точки зрения оценки местного населения. Благодаря такому подходу удастся обнаружить те фундаментальные особенности и закономерности, которые напрямую детерминируют взаимосвязь градообразующего предприятия и социального развития современного города-курорта.

Целью данной работы является изучение роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта.

Методологический раздел. Теоретико-методологическая база данной работы построена

на совокупности структурно-функционального подхода и системного подхода. Структурный функционализм позволяет рассмотреть сущность и структуру феномена социального развития, общие характеристики современного города-курорта, а также обнаружить взаимосвязи между деятельностью градообразующего предприятия и жизнедеятельностью города-курорта. Системный подход необходим для того, чтобы объединить совокупность качественных и количественных методов в рамках единого социологического исследования, тем самым комплексно охарактеризовать роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта. Как представляется, такая методологическая связка позволит получить эвристически ценные результаты исследования.

Теоретический раздел о городе-курорте. Прежде всего охарактеризуем, что же представляет собой современный город-курорт и каковы его ключевые особенности.

Город-курорт является уникальным местом; по замечанию А.В. Крашенинникова, уникальность города-курорта заключается в том, что с одной стороны, формируется вся необходимая инфраструктура и соответствующая среда для полноценного отдыха приезжих граждан, но, с другой стороны, данная территория в своем развитии придерживается именно урбанистических принципов, которые характеризуют сущность и особенности городской жизни [\[5, с. 333\]](#). В самом деле, феномен города-курорта во многом кумулятивен, то есть по ряду компонентов, например, по климатическим особенностям, географическому месторасположению, совокупности рельефных особенностей, наличию целебных источников и водных ресурсов город-курорт будет отличаться от любого другого среднестатистического города нашей страны.

При этом жизнедеятельность города-курорта уникальна: с одной стороны, в городе реализуется совокупность феноменологических практик постоянных жителей данной территории, в которых могут отражаться определенные проблемы, несовершенства городской среды, а, с другой стороны, город-курорт существует для отдыхающих, и в данном случае всевозможные проблемы отходят на второй план, а все ресурсы концентрируются на максимально комфортном пребывании отдыхающих граждан на конкретной территории [\[11\]](#).

Кроме того, город-курорт включает в себя совокупность лечебных и оздоровительных учреждений, а также всевозможных рекреационных учреждений, направленных на удовлетворение потребностей приезжих граждан. В целом вся инфраструктура города курорта также оказывается направленной на удовлетворение потребностей отдыхающих: город активно застраивается всевозможными пансионатами, домами отдыха, учреждениями санаторно-курортного типа [\[7, с. 115\]](#). В результате современный город-курорт предлагает отдыхающему не только полноценное лечение или профилактику определенных болезней, но и качественный отдых, направленный на полноценное восстановление ментального здоровья, трудового потенциала.

С учетом ориентации на интересы приезжих граждан повышается уровень социальной привлекательности данной территории для отдыха. По мере увеличения количества отдыхающих формируется все больше сезонных рабочих мест в туристической сфере или постоянных рабочих мест, если курорт круглогодичный, а также формируется миграционная привлекательность данной территории, ведь люди из других районов и регионов страны рассматривают вариант трудоустройства вахтовым методом в городах-курортах. При этом бюджет города-курорта активно пополняется благодаря тем денежным средствам, которые расходуются отдыхающими гражданами на территории

курорта [12]. Более того, местные налоги, например, курортные сборы, позволяют поддерживать инфраструктуру города-курорта в надлежащем состоянии [10]. В результате как отдыхающие получают более комфортные условия для проведения отпуска, так и местные жители получают более комфортную среду для постоянного проживания на данной территории [16]. При таких исходных данных развивается местная торговля, постепенно совершенствуется рекреационная индустрия конкретного города, развивается система общественного питания, муниципального транспорта и ряд других аспектов жизнедеятельности современного города-курорта.

Итак, под городом-курортом следует понимать городское поселение с уникальными климатическими, рельефными, гидрологическими и иными особенностями, ориентированное в первую очередь на развитие туристической среды и предоставление соответствующих услуг туристам. Система экономических взаимоотношений в современном городе-курорте, особенно в моногороде-курорте, характерна для постиндустриального общества, ведь основа экономического благосостояния данной территории – сфера услуг, при этом какого-либо существенного производства, как правило, здесь не имеется [9]. Вся производственная индустрия местного рынка также ориентирована на циркулирующий туристический поток; речь идет об изготовлении сувенирной продукции, отражающей колорит и особенности данной территории. При этом моногороду-курорту, как правило, хватает тех финансовых ресурсов, которые расходуются туристами [23].

Раздел о градообразующем предприятии. Градообразующее предприятие является фундаментальным компонентом жизнедеятельности моногорода-курорта. Так, например, С.Г. Михайлов считал, что градообразующее предприятие рассматривается в качестве организации, ведущей активную предпринимательскую деятельность, направленную на получение прибыли, предоставляющей большинство рабочих мест для местного населения, а также способствующей всестороннему социально-экономическому и социально-культурному развитию этой территории [6, с. 47]. Отметим, что градообразующее предприятие выполняет целый ряд социально-значимых функций. В первую очередь, речь идет о повышении качества жизни населения, постоянно проживающего на данной территории. Как правило, градообразующее предприятие заинтересовано в том, чтобы удерживать действительно грамотных и востребованных специалистов на своем рабочем месте. Следовательно, предприятие вынуждено вкладывать ресурсы в социальную сферу для повышения качества жизни прежде всего работников. Во-вторых, следует отметить еще одну значимую социальную функцию современного градообразующего предприятия, а именно участие в социальных программах, которые направлены на поддержку местного населения и местных инициатив. Сложно переоценить роль и значимость предприятия, ведь, как правило, градообразующее предприятие формирует множество таких инициатив и всевозможных мероприятий, направленных на улучшение социального самочувствия жителей городской среды [18]. Также стоит отметить, что современное градообразующее предприятие способствует развитию системы общественного транспорта в городе, качественному ремонту дорожного полотна, озеленению общегородских территорий. В своих трудах Д.Ю. Файков отмечал, в частности, что особенно активно данная функция проявляется в курортных городах, когда имеется определенная необходимость создавать положительный имидж населенного пункта для туристов [21, с. 16-18].

Экономическая функция двойственна: с одной стороны, градообразующее предприятие становится основным источником формирования материального благополучия населения

путем выплаты заработных плат и премий [\[13\]](#). С другой стороны, предприятие становится источником формирования материального благополучия местного бюджета, что позволяет местной власти оперативно решать те или иные проблемы, связанные с жизнедеятельностью современного города [\[20, с. 47\]](#). Кроме того, градообразующее предприятие активно создает новые рабочие места, чтобы молодые кадры пополняли ряды трудовых ресурсов города-курорта. Ведь если не проводит активную политику привлечения молодых кадров, то рано или поздно градообразующее предприятие столкнется с тотальным дефицитом рабочей силы, что приведет не только к кризисному состоянию всего предприятия, но и к кризисному состоянию всего города в целом [\[22\]](#).

Следует отметить, что современное градообразующее предприятие выполняет также индикаторную функцию. Исходя из того, как обстоят дела в рамках экономической деятельности градообразующего предприятия, можно судить об уровне реального благосостояния населения в краткосрочной перспективе. Руководство градообразующего предприятия, как правило, сотрудничает с местной властью, тем самым ведется поиск баланса интересов между запросами на развитие предприятия, интересами приезжих людей и местными жителями [\[25\]](#). Также деятельность градообразующего предприятия способствует совершенствованию и развитию спортивной, досуговой, рекреационной и иной инфраструктуры моногорода. В самом деле, градообразующее предприятие выполняет множество социальных функций, которые являются ключевыми для развития современного города-курорта.

Обоснование кейса ЗАО «Курорт Белокуриха». Прежде чем рассматривать ЗАО «Курорт Белокуриха» в качестве градообразующего предприятия, важно убедиться в том, что система санаториев, в которую он включен, действительно является градообразующей. Во-первых, «Курорт Белокуриха» является самым крупным предприятием на территории города Белокуриха [\[14, с. 35\]](#). Фактически все лечебные учреждения, здравницы, санатории и профилактории так или иначе находятся под контролем закрытого акционерного общества. Во-вторых, свыше 20% экономически активного населения города-курорта трудоустроено на данном предприятии, а именно 1334 человека по данным на сентябрь 2025 года. Практически половина доходной части местного бюджета г. Белокуриха формируется благодаря деятельности ЗАО «Курорт Белокуриха» [\[15\]](#). Закрытое акционерное общество предоставляет целый комплекс услуг для отдыхающих, начиная от практик оздоровления и улучшения интегральных показателей здоровья граждан, заканчивая всевозможными практиками рекреационной деятельности, системой общественного питания, наличием собственного внутригородского транспорта, который доставляет как сотрудников, так и организованные группы отдыхающих. Более того, ЗАО «Курорт Белокуриха» является не только важным элементом жизнеобеспечения города Белокуриха Алтайского края, но и одним из ключевых туристических достояний Алтайского края, ведь в регионе это единственный круглогодичный курорт, предлагающий столь существенное разнообразие всевозможных услуг для туристов [\[24, с. 42\]](#). Отсюда, не возникает никаких сомнений, что «Курорт Белокуриха» является градообразующим предприятием одноименного города, поскольку отвечает всем требованиям предприятия такого типа.

Методика социологического исследования роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта основывалась на совокупности количественных и качественных методов. Необходимость использования количественных и качественных методов в рамках данного социологического исследования обусловлена предметной сложностью исследования, важностью полноценной характеристики роли

градообразующего предприятия в рамках социального развития современного города-курорта. Кроме того, совместное использование качественных и количественных методов позволяет нивелировать недостатки каждого из методов по отдельности, а также усиливать имеющиеся их достоинства.

Количественный метод социологического исследования представлен массовым анкетным опросом среди населения г. Белокуриха. Анкетный опрос призван в данном случае охарактеризовать роль градообразующего предприятия с позиции среднестатистического гражданина, горожанина, выявить субъективный компонент роли градообразующего предприятия. Другими словами, необходимо понять, ощущает ли население позитивные изменения в условиях системной деятельности градообразующего предприятия или нет. Выборочная совокупность квотная, основными квотами выступили пол, возраст и уровень образования респондента. В рамках заранее определенных квот респонденты отбирались стихийно по принципу доступности. Таким образом, выборка для проведения анкетного опроса составила 275 респондентов. Анкетирование проводилось в классическом, очном формате по месту работы респондентов, а также в общественных местах г. Белокуриха. Обработка результатов социологического исследования осуществлялась с помощью пакета программ SPSS 22.0.

Качественный метод социологического исследования представлен экспертным опросом в форме глубинного интервью с представителями руководства градообразующего предприятия, представителями местной власти г. Белокуриха, руководителями социально-значимых предприятий города-курорта. Качественный метод социологического исследования призван охарактеризовать мнение экспертов относительно роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта с позиции системы объективных показателей. Было проведено 12 экспертных опросов в форме глубинного интервью. Экспертные опросы проводились до достижения информационной насыщенности. Гайд опроса состоял из шестнадцати развернутых вопросов, распределенных на следующие блоки: общая характеристика роли градообразующего предприятия в развитии социальной среды города-курорта, оценка качества социальной среды города-курорта и блок, описывающий непосредственное влияние градообразующего предприятия на развитие социальной среды. Обработка результатов опроса осуществлялась с использованием транскрипционной технологии и с помощью отечественного свободного распространяемого программного обеспечения, находящегося в открытом доступе – TextAnalyst 2.0.

Эмпирический раздел. Перейдем к ключевым результатам данного социологического исследования. Прежде всего рассмотрим оценку населением г. Белокурихи влияния градообразующего предприятия на жизнедеятельность среднестатистического горожанина. Дело все в том, что градообразующее предприятие не только предоставляет рабочие места для населения, но и финансирует множество местных проектов и инициатив, выступает ключевым спонсором в организации праздников и всевозможных районных мероприятий, стремится совершенствовать городскую инфраструктуру. При этом участники экспертного опроса отмечали: *«Курорт Белокуриха принимает активное участие в жизнедеятельности нашего города. Мы это можем видеть на примере многочисленных мероприятий, фестивалей, а также на примере тех реальных позитивных изменений, что заметны невооруженным взглядом. Посмотрите, как преобразилась улица Академика Мясникова: идеальное дорожное покрытие, зеленые зоны, лавочки, пешеходные дорожки – все это заслуга исключительно градообразующего предприятия...»*. На вопрос «Если говорить в целом, то как

деятельность градообразующего предприятия влияет на жизнь среднестатистических жителей г. Белокуриха?» были получены следующие ответы (см. рис. 1). Больше трети опрошенных респондентов отметили определенно положительное влияние деятельности санатория на жизнь простых граждан, в то же время 38% опрошенных отметили, что влияние скорее положительное. Следовательно, 72% опрошенных отмечают положительное влияние деятельности градообразующего предприятия на жизнедеятельность граждан. При этом 27% опрошенных отметили, что какого-либо влияния практически нет. Это связано с тем, что не весь город-курорт еще преобразился в лучшую сторону благодаря деятельности градообразующего предприятия. Стоит отметить тот факт, что среди опрошенных респондентов не встретилось ни одной оценки отрицательного влияния деятельности градообразующего предприятия на жизнь простых граждан.

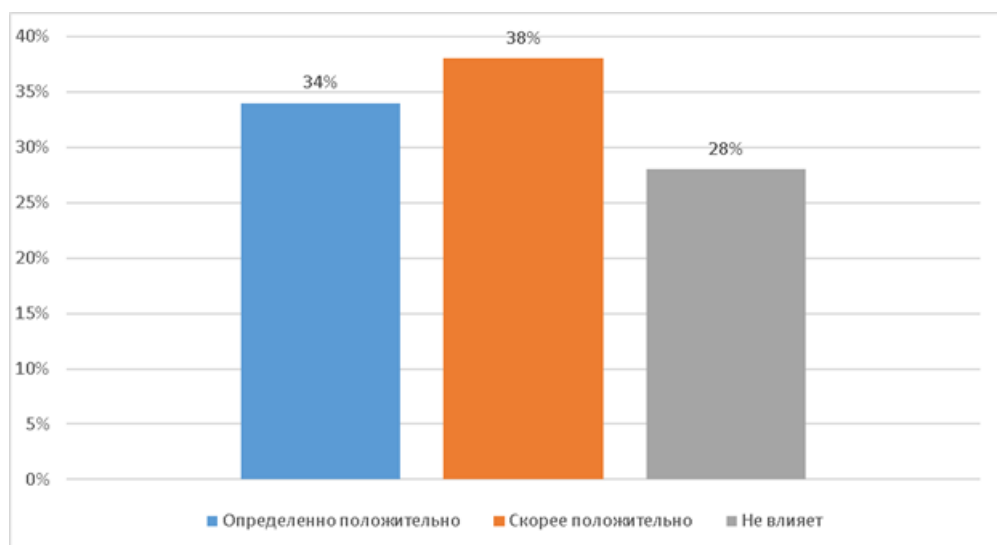

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если говорить в целом, то как существование градообразующего предприятия в форме санатория влияет на жизнь простых граждан?», %.

Взаимоотношения градообразующего предприятия ЗАО «Курорт Белокуриха» и моногорода являются симбиотическими, ведь, с одной стороны, население концентрирует свои трудовые усилия для развития предприятия, с другой стороны, само предприятие не остается безучастным в процессе решения всевозможных проблем, связанных с развитием города и городской среды. Участники экспертного опроса отмечали: «Пример Белокурихи – уникальный пример, ведь у нас получилось объединить все конструктивные усилия социально-ответственного бизнеса и ресурсы местной власти в единый конгломерат, который позволяет совершенствовать все сферы жизнедеятельности нашего города...», «Безусловно ЗАО заинтересовано в том, чтобы решать проблемы нашего города. Ведь привлекательность Белокурихи для жизни и туризма – это и их привлекательность как санатория и места для отдыха, лечения...». Аналогичные оценки были получены со стороны местного населения. На вопрос «Как Вы считаете, градообразующее предприятие ЗАО «Курорт Белокуриха» заинтересовано во всестороннем развитии города и городской среды, решении ключевых проблем?» – были получены следующие ответы (см. рис. 2). Больше половины опрошенных респондентов отметили, что градообразующее предприятие определенно заинтересовано в развитии города и решении ключевых проблем – 56%, при этом 35% опрошенных респондентов отметили, что градообразующее предприятие скорее заинтересовано во всестороннем развитии города и решении ключевых проблем. Лишь каждый двадцатый опрошенный респондент отметил, что предприятие скорее не заинтересовано в решении проблем

города, а 4% участников исследования отметили отсутствие какой-либо заинтересованности градообразующего предприятия в решении ключевых проблем города и городской среды.

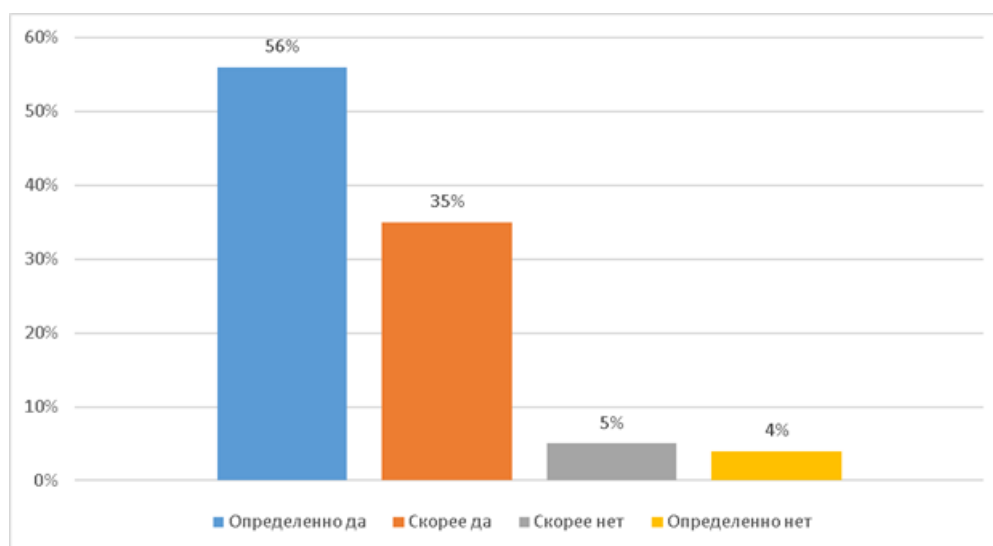

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, градообразующее предприятие ЗАО «Курорт Белокуриха» заинтересовано во всестороннем развитии города и городской среды, решении ключевых проблем?», %.

Роль градообразующего предприятия в социальном развитии г. Белокуриха заключается в комплексной поддержке всех сфер жизнедеятельности современного города-курорта, начиная от системы культурно-массовых мероприятий, заканчивая системой городского благоустройства. Причем градообразующее предприятие не берет на себя все обязанности по содержанию городской среды или организации культурно-массовых мероприятий, скорее оно направляет свои ресурсы на те сферы, где местная власть в силу дефицита определенных ресурсов не успевает решить имеющиеся проблемы. Участники экспертного опроса отмечали: *«Основа помощи градообразующего предприятия в жизнедеятельности города – это всевозможные культмассовые мероприятия, а также городское благоустройство и система общественного транспорта, здесь мы ощущаем существенную поддержку со стороны «Курорта Белокуриха».*, *«Сейчас сложно выделить конкретную сферу, где ЗАО больше всего проявляет себя, способствуя развитию города Белокуриха в целом. По моему мнению, основа – это улучшение качества жизни граждан, что проявляется через систему выплаты заработной платы в срок, совершенствовании качества дорожного полотна, проведении всевозможных мероприятий...».*

В большинстве своем население Белокурихи отмечало, что градообразующее предприятие позитивно влияет в целом на качество жизни – 86%, при этом 54% опрошенных отметили благоприятное воздействие деятельности градообразующего предприятия на систему общественного транспорта, а каждый третий опрошенный респондент отметил положительные изменения в образовательной сфере – 32%, ведь ЗАО проводит регулярно просветительские мероприятия как для школьников, так и для всех жителей города (см. рис 3). Половина опрошенных респондентов отметила, что благоприятное воздействие оказывается на спортивные мероприятия, а 77% опрошенных отметили положительные изменения в рамках системы культурно-массовых мероприятий. При этом 43% опрошенных отметили позитивное и существенное влияние на систему дорожного хозяйства, а 30% участников исследования – на экологические благополучие городской среды. Следовательно, деятельность ЗАО «Курорт-Белокуриха»

находит свое отражение во всех сферах жизнедеятельности современного города-курорта. Причем стоит отметить, что градообразующее предприятие системно оказывает спонсорскую помощь детским творческим и спортивным коллективам. Соответственно, у молодых спортсменов, а также представителей творческих коллективов появляется реальная возможность самореализоваться в условиях современного города-курорта. Причем помощь оказывается самая разнообразная, начиная от приобретения за счет средств градообразующего предприятия костюмов для выступления на сцене или спортивной формы, заканчивая финансированием поездок на фестивали, всероссийские соревнования, мероприятия иного масштаба. Следовательно, меры поддержки градообразующего предприятия распространяются не только на сотрудников данного предприятия, но и на всех горожан, проживающих на территории Белокурихи.

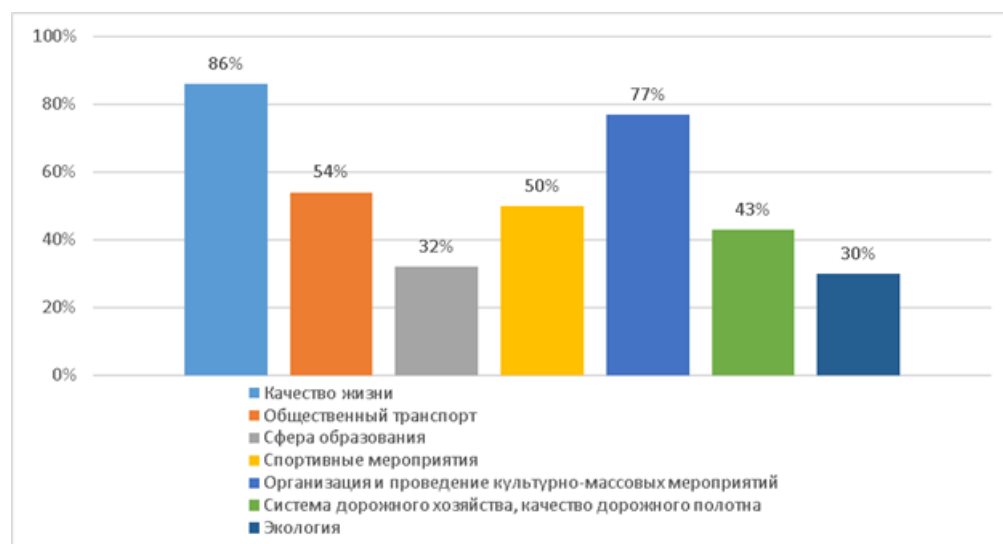

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Выберите те сферы, на которые градообразующее предприятие в городе Белокуриха оказывает существенное влияние?», %.

Стоит отметить, что градообразующее предприятие, пусть и косвенно, но влияет определенным образом на систему здравоохранения города-курорта. Дело все в том, что санаторно-курортное лечение предполагает наличие как общих медицинских специалистов (например, терапевтов) на территории санатория, так и наличие узких медицинских специалистов, которые консультируют отдыхающих по определенным вопросам. Благодаря достаточно высоким заработным платам, врачи продолжают проживать на территории Белокурихи, успевая вести прием как в условиях государственной городской больницы, так и в качестве консультаций на территории ЗАО «Курорт Белокуриха». Следовательно, местное население имеет возможность обратиться к узким специалистам на территории города-курорта, не выезжая за его пределы. Такое положение дел не могло не найти отражения в системе оценок работы и состояния сферы здравоохранения в городе Белокурихе. Так, 16% опрошенных респондентов оценивают состояние системы здравоохранения как определенно положительное, а 49% опрошенных респондентов как скорее положительное (см. рис 4). Конечно, встречаются и негативные оценки, ведь полностью преодолеть дефицит медицинских работников только за счет деятельности ЗАО «Курорт Белокуриха» попросту невозможно. Фактически каждый третий опрошенный оценивает систему здравоохранения города как скорее отрицательную – 34%, и лишь 1% опрошенных – абсолютное меньшинство, оценивают состояние системы здравоохранения города как определенно отрицательное.

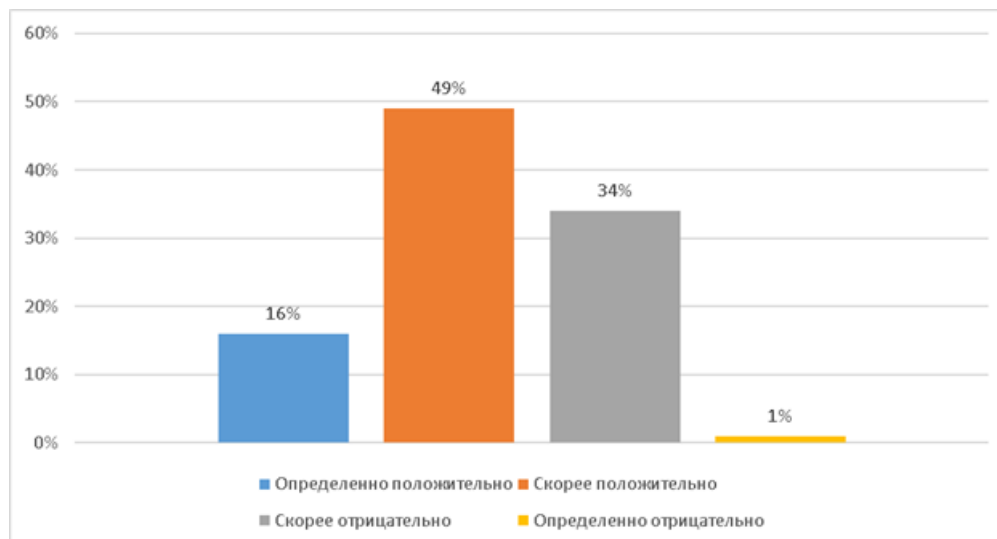

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили работу и состояние систему здравоохранения города Белокуриха?», %.

Наиболее важной и значимой функцией градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта является предоставление рабочих мест и достойной заработной платы для населения. Участники экспертного опроса отмечали: *«В санаториях хорошие заработные платы для сотрудников. Я бы сказала, несколько выше, чем в среднем по региону. Более того, всегда есть определенное количество вакансий, которые актуальны как для узкопрофильных специалистов, так и для людей без образования...»*, *«Заработные платы в санатории достойные. Знаю немало примеров, когда в санатории работает вся семья, то есть муж, жена и сын после окончания университета. По-моему, это существенный показатель благоприятного положения дел...»*. Учитывая тот факт, что ЗАО «Курорт Белокуриха» является практически единственным надежным работодателем после государственных структур, то местное население активно стремится трудоустроиться на это предприятие. Важно отметить, что существование градообразующего предприятия детерминирует относительно благоприятное положение на рынке труда города Белокуриха. Для моногородов данный показатель является фундаментально важным.

Так, на вопрос «Как бы Вы оценили ситуацию на рынке труда в г. Белокуриха с точки зрения простого гражданина?» – были получены следующие ответы (см. рис. 5). Каждый пятый опрошенный житель города Белокуриха отметил, что ситуация достаточно благоприятная, вакансий много, имеется выбор профессий – 22%, при этом 43% опрошенных респондентов отметили, что ситуация на рынке труда скорее благоприятная, вакансий много, но разнообразия вакансий не хватает, маленький выбор. Действительно, учитывая специфику Белокурихи как моногорода – требуются врачи, медицинский персонал, а также обслуживающий персонал по типу официантов, слесарей, садовников и т.д.

Представителям рабочих специальностей найти работу оказывается достаточно сложно. При этом 33% опрошенных респондентов отметили, что ситуация скорее неблагоприятная, вакансий мало, а выбора практически нет. Лишь 2% опрошенных – абсолютное меньшинство – отметили, что ситуация на рынке труда в городе Белокуриха совершенно неблагоприятная, вакансий практически нет, как и нет выбора среди вакансий. Оценка населением положения дел на рынке труда в городе Белокуриха в значительной степени зависит от уровня образования респондента, так люди с высшим медицинским образованием оценивают ситуацию более оптимистично, нежели чем люди

со средне-специальным образованием без медицинского уклона. А самые негативные оценки дают те респонденты, кто не имеет никакого образования, кроме основного общего и полного среднего образования. Тем не менее, благодаря деятельности градообразующего предприятия, ситуация на рынке труда оказывается достаточно благоприятной.

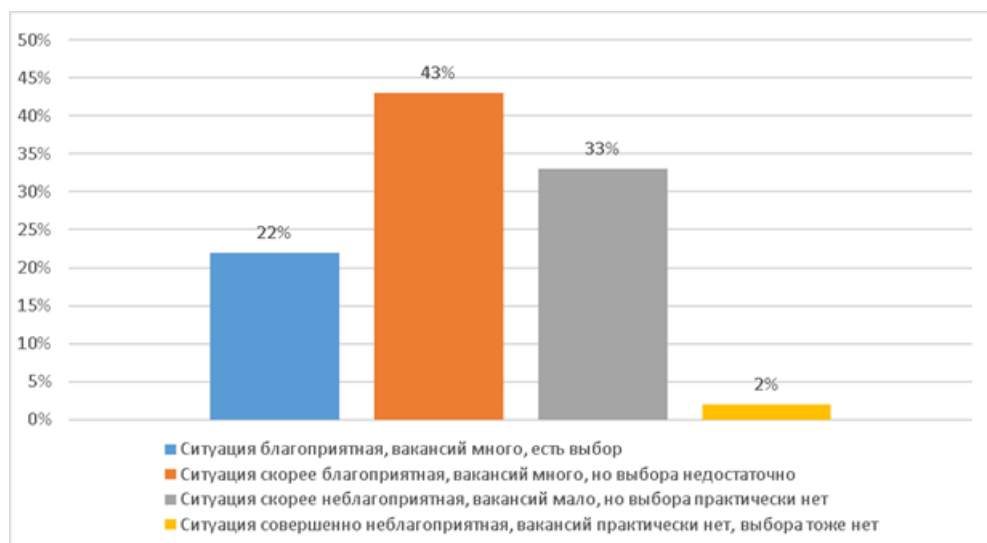

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили ситуацию на рынке труда в г. Белокуриха с точки зрения простого гражданина?», %.

Интерпретационный раздел. Таким образом, роль градообразующего предприятия в социальном развитии Белокурихи оказывается заметной и многоаспектной. Фактически градообразующее предприятие влияет на большинство сфер жизнедеятельности жителей города-курорта, формируя основу для позитивных преобразований в экономической, социальной или духовной сфере жизни горожан. Заработные платы в ЗАО «Курорт-Белокуриха» оказываются не рекордными, но все же заметно выше, чем в среднем по городу или Алтайскому краю в целом. Более того, градообразующее предприятие формирует комплекс социальных гарантий для сотрудников, например, санаторно-курортное лечение по низкой цене, что создает дополнительные основания отсутствия текучки кадров. В таких условиях население, трудоустроенное на градообразующем предприятии не имеет оснований для того, чтобы переехать или перейти работать на другое предприятие. Стабильная заработная плата, развитая корпоративная культура, стремление решить многие проблемы Белокурихи – все это является залогом успешной деятельности градообразующего предприятия, а также его стабильного функционирования в любое время. Вакансию для человека немедицинского образования найти достаточно сложно с достойным уровнем оплаты труда, все же специфика деятельности градообразующего предприятия накладывает свои определенные ограничения. Тем не менее рабочих мест достаточно и практически каждый желающий сможет устроиться на работу с приемлемым уровнем заработной платы. Получается, что градообразующее предприятие платит заработную плату несколько выше, чем средняя по городу и региону, а значит и другие предприятия начинают постепенно повышать оплату труда, чтобы не допустить оттока кадров и кадрового голода в перспективе. В таком контексте градообразующее предприятие задает некую экономическую планку уровня заработных плат для других предприятий. В результате такое положение дел позитивно сказывается на качестве жизни среднестатистического жителя Белокурихи.

Взаимоотношения градообразующего предприятия и моногорода заключаются в том, что население готово исправно трудиться на благо ЗАО «Курорт Белокуриха», а само

предприятие готово предоставить населению соответствующие социальные гарантии для полноценной уверенности в завтрашнем дне. Также стоит отметить, что деятельность градообразующего предприятия формирует основания, которые необходимы для перманентного повышения качества жизни населения. Решение инфраструктурных, финансовых или организационных проблем городской жизни постепенно улучшает качество жизни хотя бы на субъективном уровне восприятия окружающей реальности. В то же время совершенствование городской среды позволяет сделать город в оценках приезжих туристов более привлекательным для отдыха и лечения, следовательно, в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет расти туристический поток.

Отчасти роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города курорта заключается в реализации патерналистских начал решения проблем городской среды и постепенного совершенствования всех отраслей жизнедеятельности. При этом градообразующее предприятие в моногороде – это не только социально ответственное предприятие, но и нечто большее – патерналистское предприятие, способствующее комплексному развитию и совершенствованию современного города. Благодаря деятельности градообразующего предприятия развивается система общественного транспорта, реализуются всевозможные культурно-массовые мероприятия, в которых принимают участие как туристы, так и местные жители города-курорта. Градообразующее предприятие достаточно активно вкладывает ресурсы в развитие городской инфраструктуры: озеленение территорий, создание пешеходных дорожек, качественного дорожного полотна на подъезде к ЗАО «Курорт Белокуриха». Фактически градообразующее предприятие является неким помощником в решении проблем для местной администрации. Учитывая специфику деятельности градообразующего предприятия, а именно курортно-санаторное лечение – экологическое благополучие города Белокуриха можно оценивать как высокое. Действительно, состояние окружающей среды положительно сказывается не только на здоровье отдыхающих граждан, но и на всей жизнедеятельности жителей города Белокуриха.

Заключение и рекомендации. Отсюда следует, что роль градообразующего предприятия в социальном развитии Белокурихи оказывается ключевой. С одной стороны, перманентно решаются различные проблемы, характерные для жизнедеятельности города-курорта, например, дефицит рабочих мест, слабо развитая транспортная, спортивная и культурная инфраструктура, с другой стороны, формируется позитивный образ самого градообразующего предприятия в оценках туристов, что в перспективе способно увеличить туристический поток и, как следствие, прибыль градообразующего предприятия и города в целом. Такие симбиотические взаимоотношения являются итогом многолетней плодотворной совместной работы местной власти, региональной власти и собственников градообразующего предприятия. Данный пример можно считать действительно уникальным, так как все усилия градообразующего предприятия катализируются усилиями местной власти, местного населения и наоборот – градообразующее предприятие способствует совершенствованию всех сфер жизнедеятельности моногорода.

На основании проведенного социологического исследования были сформулированы следующие рекомендации, призванные повысить роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта.

1. Основа благосостояния Белокурихи – туристическая сфера. Соответственно, нужно создать все условия для того, чтобы как можно больше туристов ежегодно приезжало на отдых и лечение в Белокуриху. В первую очередь, необходимо решить вопрос с

транспортной доступностью, целесообразно запустить дополнительные комфортабельные автобусы из г. Барнаула и г. Новосибирска до Белокурихи, а также из других районов Алтайского края, чтобы отдыхающим было проще добраться до мест отдыха. Соответственно, улучшение транспортной доступности приведет к увеличению потока туристов. В долгосрочной перспективе совместно с региональным руководством РЖД, Правительством края и Алтайским краевым Законодательным Собранием следует проработать вопрос создания железнодорожной ветки Барнаул-Белокуриха, что окончательно снимет проблему транспортной доступности курорта для граждан.

2. Представителям местной власти г. Белокурихи и руководству ЗАО «Курорт Белокуриха» следует разработать совместный план развития города и городской среды, соответствующий, с одной стороны, интересам местного населения, а, с другой стороны, соответствующий запросам туристов, которые приезжают на отдых и лечение в Белокуриху. Совместный план развития города и городской среды должен включать дополнительное озеленение общественных пространств, создание пешеходных дорожек, спортивных площадок, освещения на улицах, совершенствование дорожного полотна, системное проведение культурно-массовых мероприятий для того, чтобы в конечном итоге повысить качество жизни местного населения города Белокурихи.

3. Градообразующему предприятию ЗАО «Курорт Белокуриха» следует при наличии соответствующей финансовой возможности расширить практики поддержки для проведения спортивных, оздоровительных и культурно-массовых мероприятий. Более того, следует активно поддерживать творческие, спортивные и иные коллективы города при поездке на всевозможные соревнования. Так, на форме спортсменов или творческих коллективов могут быть соответствующие эмблемы градообразующего предприятия, что станет настоящей «живой» рекламой на территории всего Сибирского федерального округа, а также на территории всей России, ведь нередко творческие и спортивные коллективы города участвуют в соревнованиях всероссийского и международного уровней. В результате будет повышена туристическая привлекательность Белокурихи, а градообразующее предприятие получит дополнительный поток денежных средств для собственного развития.

Библиография

1. Балацкий, Е. В. Аномальные эффекты в социальной среде мегаполисов / Е. В. Балацкий // Мониторинг. 2022. № 1. С. 71-83.
2. Березин, С. В. Влияние градообразующих предприятий на социально-экономическое положение моногородов / С. В. Березин // Градообразующие предприятия: назад в будущее или вперед в прошлое? : Сборник тезисов докладов и статей международной интерактивной онлайн видеоконференции, Москва, 10 апреля 2023 года / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательский Дом "Третьяковъ", 2023. – С. 40-42.
3. Вебер, М. Избранные произведения. – М.: Издательство, 2018. – 538 с.
4. Гончаров, П. А. Формирование туристических зон в регионе: социальные и экономические эффекты / П. А. Гончаров // Россия молодая : Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, Кемерово, 21-24 апреля 2021 года. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2020. – С. 801-804. EDN: XKWUXJ
5. Крашенинников, А. В. Социальная интеграция в моделях городской среды / А. В. Крашенинников // АМІТ. 2022. № 4 (45). С. 329-338.
6. Михайлов, С. Г. Социальная среда как потенциал саморазвития человека / С. Г. Михайлов // Телескоп. 2023. № 3. С. 45-49.

7. Наумова, Г. В. Методы изучения социальной среды моногородов / Г. В. Наумова, О. В. Колесник // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 2. С. 112-117.
8. Парсонс, Т. Профессия и социальная структура. – М.: Академический проект, 2002. – 364 с.
9. Петрова, С. И. Взаимосвязь личности и социальной среды / С. И. Петрова // Символ науки. 2024. № 2. С. 81-86. EDN: SMMSIU
10. Попова, Е. Ю. Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов / Е. Ю. Попова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – № 4. – С. 113-118.
11. Праздников, Н. Н. Население Алтайского края как социальная база развития туризма и туристской деятельности / Н. Н. Праздников, Е. В. Праздников, О. С. Винник // География и природопользование Сибири. – 2019. – № 21. – С. 153-162.
12. Розова, С. В. Градообразующее предприятие как важная составляющая экономического развития региона / С. В. Розова, А. Г. Бойкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2022. – № 4 (31). – С. 77-84. DOI: 10.46573/2409-1391-2022-4-77-84 EDN: PHNCJG
13. Савельев, В. В. Исторические аспекты формирования санаторно-курортной индустрии в России и на Алтае / В. В. Савельев // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края : Сборник статей. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2024. – С. 20-33.
14. Середина, Е. В. Анализ деятельности курорта Белокуриха как туристского кластера / Е. В. Середина // Вестник РМАТ. – 2023. – № 3. – С. 34-40.
15. Середина, Е. В. Пути оптимизации деятельности курорта на примере туристского кластера "Белокуриха" (Алтайский край) / Е. В. Середина // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2024. – № 1. – С. 247-251.
16. Смирнова, В. В. Социальная среда города: терминологический аспект / В. В. Смирнова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 4. С. 52-56.
17. Спенсер, Г. Основания социологии. – Москва: Издательство, 2023. – 169 с.
18. Суханова, Н. Е. Актуальные проблемы организации социальной среды туризма / Н. Е. Суханова // Власть. 2025. № 3. С. 112-116.
19. Тощенко, Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 106-116.
20. Ульянычев, М. А. Моногорода как социальный феномен: особенности их функционирования и развития / М. А. Ульянычев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 2 (58). – С. 46-49.
21. Файков, Д. Ю. "Большой Саров": о не самых очевидных стратегиях развития моногородов / Д. Ю. Файков, Д. Ю. Байдаров // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 10-26. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2 EDN: AQGGZD
22. Хайсанова, А. И. Градообразующие предприятия. Экологический кризис в моногородах / А. И. Хайсанова // Психологические и педагогические аспекты научного становления личности : сборник статей международной научно-практической конференции, Уфа, 13 марта 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2023. – С. 196-198.
23. Хапаева, А. А. Перспективные направления социально-экономического развития городов-курортов / А. А. Хапаева // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2022. – № 9-2. – С. 185-189.

24. Харламов, С. В. Культурно-историческое наследие аграрных территорий как туристический ресурс Алтайского края / С. В. Харламов, Н. Ф. Харламова // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2020. – № 1 (4). – С. 41-44. DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-41-44 EDN: VKZLAQ
25. Чистова, М. В. Перспективное территориальное планирование – залог успешного социально-экономического развития курортной территории / М. В. Чистова, Г. Е. Концевич // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 56-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает влияние градообразующего предприятия ЗАО «Курорт Белокуриха» на социальное развитие моногорода-курорта Белокуриха, включая его вклад в инфраструктуру, качество жизни населения и экономическую стабильность. Научная актуальность работы обусловлена растущим интересом к внутреннему туризму в России, развитием моногородов в условиях экономической переориентации на отечественные ресурсы и необходимостью государственной поддержки таких территорий после постсоветского упадка. В связи с этим возникает потребность в понимании механизмов устойчивого развития моногородов-курортов, экономическое благополучие которых зависит от единственного крупного предприятия санаторно-курортного профиля. Практическая значимость заключается в формулировке рекомендаций по улучшению транспортной доступности, совместному планированию развития города и расширению поддержки культурно-спортивных мероприятий, что может способствовать повышению туристической привлекательности и социально-экономического благополучия подобных моногородов. Результаты исследования могут быть использованы администрациями других моногородов-курортов и руководством градообразующих предприятий для выработки стратегий социально-экономического партнерства, направленных на повышение качества городской среды и конкурентоспособности курортных территорий. Теоретико-методологической базой исследования, согласно заявлениям самого автора, выступила «совокупность структурно-функционального подхода и системного подхода». Автор применил стратегию триангуляции, сочетая анкетный опрос жителей Белокурихи (n=275, квотная выборка по полу, возрасту и образованию) с экспертными глубинными интервью представителей власти и бизнеса (n=12, до достижения информационной насыщенности). Количественные данные обрабатывались в SPSS 22.0 для выявления статистических распределений мнений, а качественные – с использованием TextAnalyst 2.0 для контент-анализа высказываний экспертов. Такое сочетание позволило соотнести объективные показатели деятельности предприятия (данные о численности занятых, доле в бюджете города) с субъективными оценками жителей, однако в тексте отсутствует описание методики конструирования выборки и проверки её репрезентативности, что СУЩЕСТВЕННО снижает научную ценность полученных результатов. И без подробного описания генеральной совокупности, доверительного интервала и прочих атрибутов представления опросного социологического исследования, делать выводы о его достоверности представляется преждевременным. А заявления автора о том, что «такая выборка является необходимой и достаточной для комплексной оценки населением роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта»

просто потому, что ему так «представляется», – недостаточным и неубедительным. Выборку следует аргументировать и раскрывать все её параметры. Некоторое недоумение вызывает также тот факт, что автор, потратив время и ресурсы на анкетный опрос, ограничился частотным анализом полученных данных, не потрудившись сделать даже корреляционный анализ, чтобы получить представления о связях между переменными (иначе зачем было делать выборку квотной?) Тем не менее, несмотря на (временные – до доработки статьи) трудности с определением достоверности полученных результатов, им не откажешь в наличии научной новизны. Прежде всего, речь идёт об обнаруженной в процессе исследования специфике симбиотической модели взаимодействия между градообразующим санаторно-курортным предприятием и моногородом, при которой предприятие выполняет не только экономическую функцию работодателя, но и патерналистскую роль соинвестора городской инфраструктуры, что отличается от классических моногородов промышленного типа. Выявлены конкретные сферы, где деятельность предприятия оказывает наибольшее влияние (культурно-массовые мероприятия, благоустройство, транспорт, рынок труда), и показано, что это влияние воспринимается населением преимущественно положительно. Кроме того, автором установлено, что 91% жителей Белокурихи положительно оценивают заинтересованность градообразующего предприятия в развитии города, что демонстрирует высокий уровень социального капитала и доверия между бизнесом и местным сообществом в условиях курортной специализации территории. Обнаружен эффект «экономической планки»: уровень заработных плат, задаваемый предприятием, стимулирует другие организации города к постепенному повышению оплаты труда, что способствует общему росту качества жизни. Наконец, по результатам исследования определена многофункциональная структура влияния градообразующего предприятия на городскую среду, в которой наиболее значимыми, по оценкам респондентов, являются вклад в качество жизни (86%), организацию культурно-массовых мероприятий (77%) и развитие общественного транспорта (54%), что отражает специфику курортного хозяйствования, ориентированного на создание комфортной среды для туристов и резидентов одновременно. В структурном плане рецензируемая работа производит не очень хорошее впечатление: несмотря на то, что её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования, автор мог бы поработать и над рубрикацией текста, что существенно улучшило бы его восприятие читателем. Условно в тексте можно выделить следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность изучения моногородов-курортов через призму роста внутреннего туризма, описываются преимущества устойчивого функционирования таких городов при государственной поддержке и характеризуются симбиотические отношения между градообразующим предприятием и городской средой; - «Обзор литературы», где раскрываются теоретические основания исследования через анализ классических социологических концепций социальной среды (Спенсер, Вебер, Парсонс, Тённис, Тощенко) и современных российских работ о городах-курортах (Смирнова, Суханова, Розова) и градообразующих предприятиях (Березин, Гончаров, Попова); - «Методологический раздел», где формулируется цель исследования, а также обосновывается теоретико-методологический выбор автора; - «Теоретический раздел о городе-курорте», где характеризуется уникальность таких поселений через сочетание урбанистических принципов с рекреационной инфраструктурой, описывает двойственность городской жизни (для резидентов и туристов) и экономическую модель, основанную на сфере услуг, а не на промышленном производстве; - «Раздел о градообразующем предприятии», где анализируются социальные, экономические и индикаторные функции таких организаций, подчеркивается их роль в обеспечении занятости, финансировании социальных программ, развитии инфраструктуры и создании

положительного имиджа города для привлечения туристов; - «Обоснование кейса ЗАО "Курорт Белокуриха"», где демонстрируется градообразующий статус предприятия через количественные показатели (концентрацию всех санаторно-курортных учреждений города, трудоустройство 20% экономически активного населения (1334 человека) и формирование половины доходной части местного бюджета); - «Эмпирический раздел», где представлены результаты социологического исследования в виде количественного анализа распределения ответов респондентов (с диаграммами) и качественных данных из экспертных интервью; - «Интерпретационный раздел», где объясняются механизмы влияния градообразующего предприятия на различные сферы городской жизни (культуру, транспорт, образование, здравоохранение, дорожное хозяйство) и обосновывается его косвенное воздействие на доступность медицинских услуг через привлечение и удержание узких специалистов высокими зарплатами; «Заключительный аналитический раздел», где обобщается роль градообразующего предприятия как многоаспектного фактора социального развития, обеспечивающего стабильные заработные платы выше среднерегиональных, социальные гарантии для сотрудников, решение инфраструктурных проблем и формирование позитивного образа территории в глазах туристов; - «Заключение и рекомендации», где формулируются три практических предложения: улучшение транспортной доступности курорта (включая перспективу железнодорожной ветки), разработка совместного плана развития городской среды властью и бизнесом и расширение поддержки спортивных и творческих коллективов с использованием их выступлений для продвижения бренда Белокурихи. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается избыточное количество грамматических и стилистических погрешностей (например, повторы слов и некоторых выражений (выражение «градообразующее предприятие» повторяется в тексте 38 раз (!), причём, нередко в одном и том же или в соседних предложениях; «моногород» 29 раз; дериваты слова «позитивный» – 11 раз (вот, в самом деле, насколько необходима с точки зрения стиля следующая конструкция предложения, выбранная автором: «Половина опрошенных респондентов отметила, что позитивное влияние оказывается на спортивные мероприятия, а 77% опрошенных отметили позитивное влияние в рамках системы культурно-массовых мероприятий. При этом 43% опрошенных отметили позитивное и существенное влияние на систему дорожного хозяйства...»? – автор не знает других слов, кроме «позитивный»? слово «влияние» никак нельзя заменить синонимами?); или пробел перед запятой в предложении «... Значимость градообразующего предприятия, ведь ,как правило, градообразующее предприятие...»; или плеоназмы вроде «представители социологического знания»; или просто стилистически неуклюжие конструкции вроде описания новизны работы: «Новизна данного социологического исследования, несмотря на достаточно существенную теоретико-методологическую разработанность проблемы, обусловлена следующим аспектом»; или злоупотребление выражением «и т.д.», что снижает точность и ёмкость академического текста; или технические пометки, которые остались в тексте и КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО УДАЛИТЬ ДО ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ: «Кроме того, Ф. Тётченко четко определил, что социальная среда напрямую влияет на процесс формирования социально-экономических детерминант существования локального социума ССЫЛКА?»; и др.), что и стало основной причиной отправки статьи на доработку: в актуальном виде текст выглядит слишком сыро и неряшливо; его нужно тщательно вычитать на предмет устранения грамматических и стилистических ошибок. Имеются и фактические ошибки. Так, название программы, которой пользовался автор, на сайте её разработчика указывается как «TextAnalyst», а не «Text Analysts». Библиография насчитывает 25 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счёт включения источников на

иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место в разделе, посвящённом обзору литературы. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющей оптимистично оценивать её публикационные перспективы, следует отметить эмпирическую обоснованность выводов (хотя и с некоторыми погрешностями в описании методики их получения), а также практическую применимость полученных результатов. Автор не ограничивается теоретическими рассуждениями, а подкрепляет все основные утверждения конкретными статистическими данными из анкетирования и прямыми цитатами из глубинных интервью с экспертами, что придает исследованию убедительность. Например, утверждение о положительном восприятии роли предприятия подтверждается количественными показателями (72% отмечают положительное влияние, 91% признают заинтересованность в развитии города), а тезис о симбиотических отношениях иллюстрируется развернутыми высказываниями представителей власти и бизнеса. Исследование завершается не общими призывами, а конкретными, реалистичными рекомендациями, вытекающими из выявленных проблем: предложение о запуске дополнительных автобусных маршрутов адресует проблему транспортной доступности, идея размещения логотипов предприятия на форме спортсменов предлагает экономически эффективный инструмент продвижения территориального бренда, а концепция совместного плана развития города отвечает на запрос балансирования интересов резидентов и туристов.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода.

Полученные автором результаты будут интересны для исследователей городской социологии и региональной экономики, изучающих специфику моногородов постиндустриального типа; для представителей муниципальных администраций малых и средних городов-курортов, ищущих модели государственно-частного партнерства для развития территорий; для руководителей градообразующих предприятий санаторно-курортного профиля, заинтересованных в выстраивании конструктивных отношений с местными сообществами; а также для студентов и аспирантов социологических и экономических специальностей, специализирующихся на проблематике территориального развития и корпоративной социальной ответственности. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика» и после устранения высказанных замечаний может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является роль градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта на примере ЗАО «Курорт Белокуриха».

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках структурно-функционального и системного подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросные методы, а также, как отмечается

в статье, были в сочетании применены количественные и качественные методы, а именно, метод анкетного опроса и экспертный опрос в форме глубинного интервью, методы математической статистики и статистического анализа с использованием необходимого программного обеспечения для обработки данных.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социально-экономического развития городских поселений градообразующие предприятия имеют важное значение. Особенно это актуально для городов-курортов, которые отличаются уникальными природными и климатическими условиями, а также ориентированной на туристов и отдыхающих инфраструктурой. В этом контексте изучение роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта на примере ЗАО «Курорт Белокуриха» представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональных сообществах.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение роли градообразующего предприятия в социальном развитии современного города-курорта на примере ЗАО «Курорт Белокуриха». В исследовании приняли участие 275 респондентов и 12 экспертов.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом, можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, обзор литературы, методологический раздел, теоретический раздел о городе-курорте, раздел о градообразующем предприятии, обоснование кейса ЗАО «Курорт Белокуриха», эмпирический раздел, интерпретационный раздел, заключение и рекомендации, библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие глазами респондентов сферы, на которые градообразующее предприятие в городе Белокуриха оказывает существенное влияние, что наглядно представлено на рисунке 3 рукописи.

Библиография содержит 25 источников, включающих в себя только отечественные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности градообразующего предприятия, а также его роль и значение в социальном развитии современного города-курорта. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся очень краткие выводы, представленные в заключении, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается ключевая роль и основополагающее значение градообразующего предприятия для социально-экономического и культурного развития современного города-курорта и его инфраструктуры, что подробно описано в статье на примере ЗАО «Курорт Белокуриха».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками администраций городов-курортов, моногородов и градообразующих предприятий, специалистами туристической сферы, урбанистами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно

было бы большее внимание уделить выводам по проведенному исследованию, изложить их более ёмко и подробно, а не ограничиваться их очень кратким описанием в рамках заключения. Рекомендации можно было бы «встроить» в текст рукописи, а не заканчивать ими исследование. В качестве завершающего элемента можно было бы представить именно обобщающее заключение, поскольку только оно создает впечатление законченности и логической завершенности исследования. При оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. В качестве рекомендации следует предложить, что при подготовке рукописи можно было бы использовать и зарубежные источники, сослаться на них и включить в библиографию. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и внести соответствующие уточнения и дополнения в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Замятина О.Н., Пустовалова Е.В., Колегаева Е.А., Желдакова А.В., Маслов В.С., Перин С.А., Цодикова Я.И., Ахмедова А.Р., Григорьев Д.И. Социальный портрет самозанятого (по материалам социологического исследования в городе Барнауле) // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76418 EDN: JXTDYZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76418

Социальный портрет самозанятого (по материалам социологического исследования в городе Барнауле)

Замятина Ольга Николаевна

ORCID: 0000-0002-3240-0098

кандидат социологических наук

доцент, институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66каб, кв. 520д

✉ olga_zamjtina@mail.ru**Пустовалова Елена Валерьевна**

ORCID: 0000-0002-4078-8897

кандидат философских наук

доцент, институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66

✉ pustovalova@mail.asu.ru**Колегаева Елизавета Александровна**

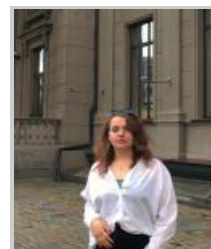
студент, кафедра региональной экономики и управления; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Центральный р-н, Социалистический пр-кт, зд 68

✉ liza.lizochka03@mail.ru**Желдакова Арина Владимировна**

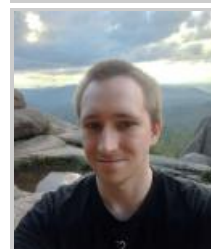
студент, кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66каб, кв. 520

✉ arina.zheldakova@gmail.com**Маслов Владислав Сергеевич**

студент, кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ agutsyarutsrfao@mail.ru**Перин Сергей Александрович**

студент; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ Ssaynirov@mail.ru

Цодикова Яна Игоревна

студент; кафедра социологии и конфликтологии; ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66

✉ ytsodikova@bk.ru

Ахмедова Ангелина Рустамовна

студент; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ axmedovaangelina@mail.ru

Григорьев Данил Игоревич

магистр; кафедра социологии и конфликтологии; ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66

✉ dani45.05@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76418

EDN:

JXTDYZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию социального портрета самозанятых граждан на примере города Барнаула. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом численности самозанятых в России и их возрастающей ролью в

формировании гибкого рынка труда, при этом региональные аспекты данной социальной группы остаются недостаточно изученными. Предметом исследования выступают социально-демографические характеристики, материальное положение, профессиональные траектории и мотивационные факторы самозанятых жителей Барнаула. Цель работы заключается в том, чтобы составить комплексный социальный портрет данной группы, выявить ее специфику и определить ключевые факторы, влияющие на успешность профессиональной деятельности в рамках этого статуса. Эмпирической базой послужило социологическое исследование, позволившее получить репрезентативные данные для анализа и верификации теоретических положений. В качестве основного метода сбора эмпирических данных использовалось анкетирование. Выборочная совокупность составила 100 респондентов – жителей Барнаула, имеющих официальный статус самозанятого. Анкетирование позволило получить репрезентативные количественные данные для построения социального портрета. Научная новизна исследования заключается в эмпирическом построении комплексного социального портрета самозанятого в специфическом региональном контексте города Барнаула. Ключевые выводы свидетельствуют, что типичный представитель этой группы – это человек в возрасте 30–40 лет (51%) с высшим образованием (55%), находящийся в незарегистрированных отношениях (44%) и обладающий стажем самостоятельной работы от 1 до 3 лет (55%). Установлено, что ведущими мотивами выбора самозанятости являются не столько экономическая необходимость, сколько стремление к самореализации через любимое дело (63%) и ценность автономии – возможность работать в гибком графике (55%) и удаленно (62%). Выявлена прямая корреляция между длительностью пребывания в статусе, уровнем дохода и психологической удовлетворенностью. Результаты работы имеют практическое значение для органов региональной власти и служб занятости при разработке целевых программ поддержки и стимулирования самозанятости, а также для образовательных учреждений в части развития soft skills, критически важных для успеха в самостоятельной профессиональной деятельности.

Ключевые слова:

Самозанятость, Социальный портрет, Социологическое исследование, Барнаул, Рынок труда, Мотивация, Социально-демографические характеристики, Профессиональная автономия, Гибкая занятость, Региональный аспект

Введение: Переход от модели централизованного планирования к рыночной системе в России спровоцировал глубокую трансформацию в сфере трудоустройства. Изменение рынка труда сопровождалось падением покупательной способности населения, увеличением уровня безработицы, нестабильностью трудовых отношений и ослаблением социальной защиты работников. В сложившихся обстоятельствах значительная часть граждан, работающих по найму, оказалась неудовлетворена как результатами своей профессиональной деятельности, так и текущим уровнем жизни, что подталкивало к поиску альтернативных путей профессионального роста. Одним из таких направлений стало самостоятельное трудоустройство (самозанятость).

В период существования Советского Союза любая индивидуальная трудовая активность, осуществляемая вне государственных структур, считалась нарушением законодательства. Только с началом экономических реформ конца 1980-х годов и появлением первых элементов рыночной экономики стартовал процесс легитимизации

независимых форм занятости [1]. Многие люди, стремясь компенсировать снижение доходов, начинали заниматься мелкорозничной торговлей, предоставлением бытовых услуг, удалённой работой на дому, мелким ремонтом и другими видами деятельности, не требующими крупных инвестиций. Именно в этот период индивидуальная занятость обрела статус реальной альтернативы работе по найму и стала важным источником дохода.

Современный рынок труда характеризуется повышенной гибкостью и технологической трансформацией. Стремительное развитие IT-сферы, цифровых платформ и удалённых форм взаимодействия создало благоприятные условия для появления новых форм самозанятости - фриланса, дистанционной и гибридной занятости, проектной работы и аутсорсинга [2]. Благодаря цифровизации труда, появлению специализированных онлайн-сервисов и маркетплейсов, значительно упростились процессы поиска заказов, коммуникации и получения дохода вне традиционных трудовых отношений. Всё больше работников осознанно отказываются от формальной занятости, стремясь к профессиональной автономии.

В связи с этим исследование феномена самозанятости приобретает исключительную научную и практическую значимость. Несмотря на усилия государства по легализации данного вида деятельности, его социальная структура, мотивационные факторы и экономическое поведение остаются недостаточно изученными. Город Барнаул, являясь крупным административным, образовательным и промышленным центром Алтайского края, представляет особенный интерес для анализа. Здесь, как и в большинстве регионов России, наблюдается активное развитие сферы услуг, дистанционной занятости и малого бизнеса при одновременном снижении занятости в традиционных сегментах. Изучение социального портрета самозанятых жителей Барнаула позволит выявить специфику регионального рынка труда и оценить значимость самозанятости как фактора социально-экономической устойчивости региона и страны в целом.

Теоретическая часть: В начале исследования важно уточнить ключевые понятия, лежащие в основании анализа самозанятости, начиная с категории «социальный портрет». Как отмечает П.О. Ермолаев, несмотря на широкое применение в социологическом дискурсе, это понятие остаётся довольно размытым и определяется в каждом исследовании по-своему [3]. В рамках данного исследования под социальным портретом подразумевается комплексное описание общественной сущности объекта, включающее системную характеристику всех его составляющих. Он формируется на основе социально-демографических, экономических и культурных характеристик. К социально-демографическим признакам относятся возраст, пол, образование, семейное положение. Экономические характеристики отражают уровень дохода и материальное положение, что позволяет оценить место группы в социальной стратификации общества. Социальный портрет включает также социокультурные показатели, такие как мировоззрение, отношение к жизни, правила поведения и ценности, объединяющие членов группы в социальную общность [4].

Занятость является значимым показателем социально-экономического положения общества, показывающим, насколько результативно реализуются государственные программы в данной сфере, какова материальная и социальная обеспеченность народа. По определению Д.А. Черных, занятость представляет собой систему экономических, управленческих и правовых отношений между людьми в ходе производственной деятельности [4].

Одной из особых форм занятости является самозанятость, при которой человек самостоятельно организует свою трудовую деятельность, без привлечения наёмных работников, несёт ответственность за итоги своей работы и принимает на себя риски, связанные с предпринимательской инициативой. Например, дизайнер-фрилансер, выполняющий заказы через интернет-платформу, сам выбирает проекты, устанавливает сроки и цену работы, несёт ответственность за качество услуги и самостоятельно уплачивает налоги. В сельской местности фермер может самостоятельно выращивать овощи и продавать их на местном рынке без участия наёмных работников. В сфере бытового обслуживания мастер по ремонту техники организует выездные услуги, заключает договора с клиентами и несёт ответственность за результат работы. Независимые работники представляют собой неоднородную группу, включающую несколько социальных типов, различающихся по мотивации, жизненным установкам и профессиональному поведению. По данным социологических работ (Е. Глотова, Д. Черных, Н. Никулина и др.), можно выделить три основных типа самозанятых. Первый – вынужденные, которые выбрали этот путь из-за отсутствия стабильной работы или низкой заработной платы. Для них это способ выживания, а не самореализации. Второй – рационально-ориентированные, осознанно выбравшие самостоятельную занятость ради гибкости, контроля над временем и доходом. Третий – предпринимательски-инициативные, для которых самозанятость – средство профессионального развития и шаг к собственному делу. Мотивация самостоятельной трудовой деятельности отражает сочетание экономических и ценностных факторов. Помимо стремления к финансовой независимости, многие из них отмечают желание работать «на себя», реализовывать личные способности и сохранять свободу выбора. Самозанятый – это не просто налогоплательщик, а активный субъект, формирующий вокруг себя пространство личной и профессиональной автономии, вносящий вклад в развитие современного общества [\[5\]](#).

Формирование данной трудовой активности определяется как общими, так и специфическими факторами. К общим относятся стремление к автономии, желание реализовать предпринимательский потенциал, поиск гибких условий труда и возможность совмещать профессиональную деятельность с личной жизнью. Специфические факторы включают экономические положения (низкая заработная плата, сокращение штата, несвоевременные выплаты), технологические инновации (онлайн-платформы, цифровые сервисы), а также психологические особенности личности, такие как инициативность, креативность и склонность к независимым решениям [\[6\]](#).

Социально-экономическое значение самозанятости заключается в том, что она интегрирует граждан в структуру рынка труда, снижает нагрузку на государственные социальные выплаты и способствует росту среднего класса. Независимые работники формируют собственный доход, участвуют в налоговых поступлениях и развивают конкурентные навыки, стимулируют предпринимательскую культуру и формируют профессиональные и личностные компетенции: информационную грамотность, навыки коммуникации, способность к непрерывному обучению и саморегулированию.

Предпринимательство и самозанятость тесно взаимосвязаны, однако имеют различия. П. Сорокин выделяет предпринимателей как экономически независимых хозяев, организующих собственное дело и контролирующих работников [\[7\]](#). Например, владелец небольшой кофейни, самостоятельно формирующий бизнес-модель, контролирующий производство и наём персонала, выступает типичным примером предпринимателя, поскольку осуществляет организацию и управление хозяйственной деятельностью на основе собственности и экономической инициативы. В то время как частное лицо, изготавливающее торты на заказ без привлечения наёмных работников и реализующее

продукцию через онлайн-платформы, представляет собой пример самозанятого, чья деятельность основана на личном труде и индивидуальной ответственности, но не включает элементы предпринимательского управления и капиталоборота.

В российском законодательстве самозанятые граждане регулируются специальным налоговым режимом – «Налог на профессиональный доход» (НПД). Данный статус предусматривает определённые ограничения и особенности: годовой доход не должен превышать 2,4 млн рублей (около 200 тыс. рублей в месяц), запрещён найм работников, требуется регулярная уплата налогов, при этом социальные гарантии ограничены [\[8\]](#).

Несмотря на указанные ограничения, ёмкость данной группы людей в России демонстрирует устойчивый рост. По официальным данным, к 2022 году количество граждан, оформивших статус самозанятых и применяющих налог на профессиональный доход, составило более 4 млн человек [\[9\]](#). Особенно ярко положительная динамика проявляется в регионах. Так, по данным официального сайта Алтайского края, численность зарегистрированных самозанятых в регионе выросла более чем в два раза [\[10\]](#).

Развитие информационных технологий и цифровых платформ усилило привлекательность самостоятельности в работе. Дистанционная работа, фриланс, проектная деятельность и онлайн-предпринимательство позволяют выполнять работу в удобное время и самостоятельно выбирать направления занятости. Пандемия COVID-19 продемонстрировала надёжность данной формы занятости: миллионы людей по всему миру, потерявшие работу, стали самозанятыми, а платформы фриланса показали резкий рост числа пользователей – в Японии на 513%, в Испании на 329% и в Великобритании на 300% [\[11\]](#). Аналогичные тенденции наблюдаются и в России, где использование интернет-технологий открывает новые возможности для профессиональной самореализации, особенно в сфере IT, цифрового маркетинга, веб-дизайна и онлайн-образования.

Таким образом, самозанятость является важным инструментом современного рынка труда и инновационной экономики, позволяя гражданам самостоятельно строить профессиональную карьеру, развивать личные и предпринимательские навыки, а государству – формировать легальный рынок труда и повышать социально-экономическую устойчивость общества. Но несмотря на существующие исследования по данной проблематике, региональные аспекты – в частности, особенности социальной структуры и мотивации самозанятых Барнаула – изучены недостаточно, что определяет новизну данного исследования. Понимание истории формирования, законодательной базы, социально-экономических и психологических факторов жизненно важно для разработки эффективной стратегии поддержки этой категории граждан как на федеральном, так и на региональном уровне.

Методика и методы: для изучения отношения населения к самозанятости в исследовании были применены количественный и качественный методы исследования: анкетирование и глубинное интервью.

Анкетирование (количественный метод исследования) представляет собой письменную форму опроса, осуществляющуюся без прямого и непосредственного контакта интервьюера с респондентом. Такой метод позволяет опросить большое число респондентов за относительно короткое время. В условиях анкетирования респонденты тщательно могут обдумать свои ответы, имея в своем распоряжении вопросник.

Глубинное интервью – метод качественного исследования в форме беседы с респондентом один на один по заранее подготовленному сценарию с записью на диктофон. Метод предназначен для изучения нюансов отношения респондентов к обсуждаемому объекту, выявления ощущений и убеждений респондента по поводу обсуждаемой темы, детального выяснения мотивации его действий в этой области.

Генеральную совокупность исследования составляет население г. Барнаула разного пола и разного возраста. Исследование проводилось с использованием выборочного метода. Выборочная совокупность составляет 100 респондентов. Объем выборки определен возможностями исследователя и является достаточным для проведения первичного описательного анализа социального портрета самозанятых в городской среде. Тип выборки – целенаправленная. В исследовании был использован метод стихийного отбора.

В глубинном интервью выбор респондентов осуществлялся методом типичных представителей. Главными критериями отбора являлись: опыт и уровень достижения в деятельности по самозанятости. Таким образом, было отобрано: 20 человек. Численность группы респондентов в данном случае оценивается не столько количественными, сколько качественными показателями.

Анализ результатов опроса: Нами было проведен анонимный опрос, в котором приняли участие горожане г. Барнаула, обладающие статусом самозанятого, в результате нами были получены сведения для составления социального портрета самозанятых и характеристики специфики этой группы населения.

При составлении портрета самозанятых крайне важно начать с анализа их социально-демографических характеристик, так как именно они формируют базовый контекст для понимания поведения, мотивации и профессиональных предпочтений этой группы. Эти данные позволяют выявить закономерности распределения самозанятых по полу, возрасту, образованию и семейному положению, что, в свою очередь, помогает понять, кто чаще всего выбирает самостоятельную трудовую деятельность, какие ресурсы и ограничения влияют на их профессиональный путь.

Половой состав выборки оказался почти сбалансированным – 52% мужчин и 48% женщин, что свидетельствует о примерно равной привлекательности статуса самозанятого для представителей обоих полов. Однако характер выбранных сфер деятельности различается: мужчины чаще задействованы в технических и сервисных направлениях, тогда как женщины – в дизайне, маркетинге и консалтинге, где важны коммуникативные и креативные навыки. Это говорит о гендерной дифференциации внутри индивидуальной деятельности, сохраняющейся даже при формальном равенстве участия.

Возрастной анализ показал преобладание респондентов 30–40 лет (51%). Эта группа людей уже обладает накопленным опытом и устойчивыми профессиональными связями, что повышает их способность к самостоятельной трудовой деятельности. Далее следуют молодые специалисты до 30 лет (23%), которые чаще воспринимают данный вид работы как возможность карьерного старта и способ личного самовыражения. Для людей среднего возраста 40–60 лет (21%) это путь сохранения занятости при снижении привлекательности традиционного найма. Пожилые респонденты старше 60 лет составили всего 5% (Рисунок 1). Такая структура указывает на активное включение людей в возрасте физиологического и профессионального пика в экономическую деятельность в формате самозанятости. В то же время представители старшего возраста

сталкиваются с определёнными ограничениями: сложнее выдерживать интенсивность проектов и осваивать новые технологии.

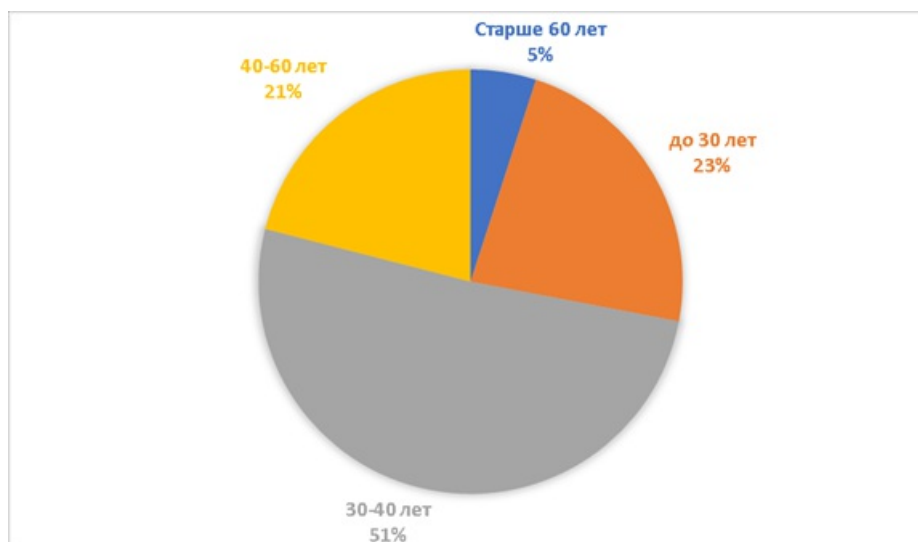

Рисунок 1. Распределение представителей выборки по возрасту

Высокий образовательный уровень респондентов является одной из характерных особенностей этой группы работников: 55% имеют высшее образование, 34% – неполное высшее, 6% – среднее, и 5% указали наличие научных степеней или дополнительных курсов (Рисунок 2). Примечательно, что среди опрошенных не выявлено лиц без образования, что отражает определённый отбор: для успешного функционирования в формате самостоятельной трудовой деятельности знание, базовые навыки и способность к самоорганизации оказываются критически важными.

Люди с высшим образованием чаще выбирают интеллектуально ёмкие виды деятельности – IT, дизайн, консалтинг, маркетинг, – где востребованы аналитическое мышление и цифровые компетенции. Более низкий уровень образования чаще связан с деятельностью в сфере услуг, курьерской работе и бытовом ремонте, где меньше требований к профессиональной квалификации. При этом образование выступает не только как инструмент профессионального успеха, но и как фактор мировоззренческой ориентации: более образованный круг склонен воспринимать труд как средство самореализации, а не только источник дохода.

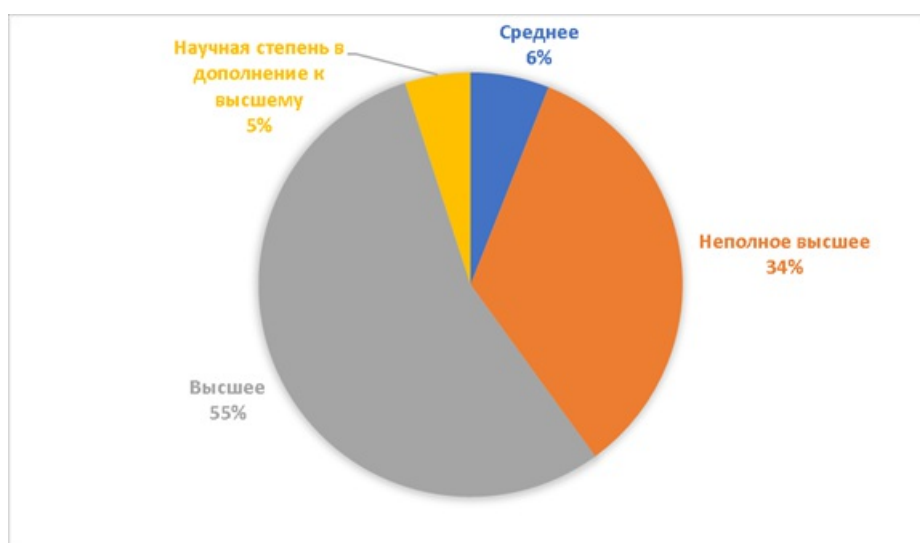

Рисунок 2. Распределение представителей выборки по образованию

Анализ семейного положения показал, что лишь 18% респондентов состоят в официальном браке, 40% находятся в незарегистрированных отношениях, 20% – разведены, 4% – вдовствуют, а 18% – без партнёра (Рисунок 3). Такая структура отражает общие демографические тенденции, характерные для современных мегаполисов и крупных региональных центров, где институциональные формы семьи постепенно уступают место более гибким и индивидуализированным форматам. Отсутствие жёстких семейных обязательств облегчает принятие рискованных решений, способствует географической и профессиональной мобильности, а также формирует внутреннюю готовность к неопределённости – качеству, крайне важному для фриланса и проектной занятости. Люди, живущие без партнёра или в свободных отношениях, чаще выбирают творческие, креативные и цифровые профессии, где высокая степень автономности компенсируется нестабильностью дохода. Для них самозанятость становится не просто способом заработка, а выражением ценностей индивидуальной свободы и самореализации.

Напротив, наличие семьи и детей вносит в трудовую стратегию элемент предсказуемости: приоритетом становится стабильность, надёжность дохода и возможность долгосрочного планирования. Это отражается в предпочтении более устойчивых форм самозанятости – постоянных заказов, долгосрочных контрактов или комбинированных форм работы.

В совокупности эти данные указывают, что личная жизнь и структура семьи становятся важным фоном для формирования социально-психологического портрета самозанятых и влияют на их экономическую стратегию не меньше, чем образование или стаж.

Рисунок 3. Распределение представителей выборки по семейному положению

Как показывает социологическая практика, именно финансовая устойчивость часто становится как причиной выбора самозанятости, так и её логичным результатом. Анализ материального положения отвечающих показал, что большинство (55%) имеют доход, позволяющий вести обеспеченный образ жизни, хотя без возможности больших покупок; 34% ограничены в потреблении и не могут позволить себе дорогие товары, тогда как 8% не испытывают финансовых затруднений вовсе. Этот разрыв в уровне материальной удовлетворённости иллюстрирует не только экономическое неравенство внутри группы самозанятых, но и социально-психологические механизмы, определяющие их стратегическое поведение. Финансовая устойчивость напрямую связана с возрастом и опытом работы: молодые и средние по возрасту специалисты с высоким уровнем образования быстрее достигают финансовой стабильности благодаря цифровым компетенциям, гибкости и готовности к множественным проектным нагрузкам. Их успех часто обусловлен не только профессиональными навыками, но и психологической готовностью к риску и управлению неопределённостью.

Традиционные признаки «статусного» благополучия, такие как наличие семьи, стажа или

стабильного работодателя уходят на второй план. Представители «новой экономики» – образованные молодые специалисты, ориентированные на гибкость и цифровые навыки – чаще достигают финансовой устойчивости в сфере независимой занятости. Это отражает более широкий социальный сдвиг: на смену модели «карьера – семья – стабильность» приходит модель «самореализация – гибкость – проектная занятость», где экономический успех строится не на принадлежности к организации, а на индивидуальных компетенциях и способности адаптироваться.

Продолжая рассуждение о материальном положении, важно отметить, что финансовая устойчивость тесно связана с опытом и длительностью пребывания в статусе независимого специалиста. Это закономерно: самозанятость в России как социально-экономическое явление начала активно развиваться лишь в последние годы, поэтому в выборке преобладают те, кто сравнительно недавно перешёл на этот формат работы, что отражает общенациональные тенденции роста сектора. Стаж пребывания в статусе самозанятого распределился следующим образом: менее года – 20%, от 1 до 3 лет – 55%, более 3 лет – 25% (Рисунок 4). Большинство участников опроса располагаются на стадии накопления опыта и формирования устойчивых клиентских связей. Чем дольше человек находится в статусе самозанятого, тем выше его финансовая удовлетворённость и уверенность в собственных профессиональных возможностях. Это отражает не только эффект накопления клиентской базы и профессионального опыта, но и более глубокий социопсихологический процесс – переход от «поисковой» модели труда к устойчивой самореализации в рамках индивидуальной деятельности.

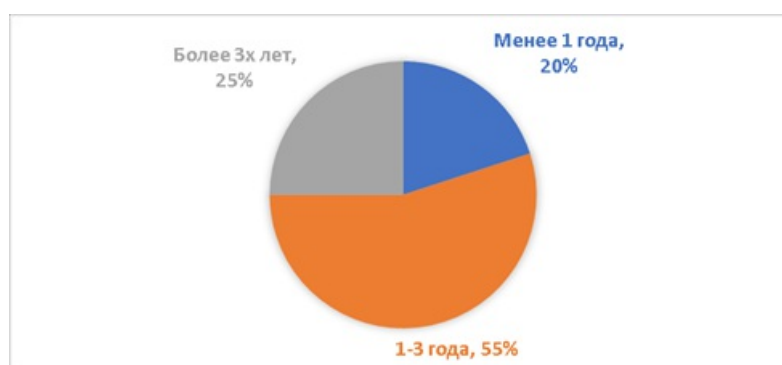

Рисунок 4. Распределение представителей выборки по стажу зарегистрированного статуса самозанятого

Мотивация в выборе самозанятости является ключевым элементом, который объясняет, почему люди уходят от традиционной наёмной занятости и какие факторы определяют их поведение в экономическом и социальном пространстве. Ведущими причинами выбора статуса самозанятого являются возможность заниматься любимым делом (63%), работать откуда угодно (62%), самостоятельно выстраивать расписание (55%) и получать больше, чем в найме (40%) (Таблица 1). Можно выделить три ключевых мотивационных блока: «самореализация и творчество», «финансовая независимость» и «гибкость рабочего графика». Каждый из них имеет свои социодемографические взаимосвязи. Молодые специалисты с высшим образованием и ограниченными семейными обязательствами чаще ориентированы на творческие и креативные задачи, ценят гибкость графика и возможность работать удалённо, рассматривая труд как инструмент личного развития и профессионального роста. Для более зрелых или семейных людей ключевым мотиватором становится финансовая стабильность и предсказуемость дохода, что отражает необходимость совмещения профессиональной активности с другими обязательствами. Мотивация не является простой реакцией на экономические стимулы, а

представляет собой интеграцию личных целей, социальных условий и возможностей рынка, где каждый фактор усиливает или ограничивает другой, формируя уникальную стратегию профессиональной деятельности и подход к распределению времени и ресурсов.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Укажите причину выбора самозанятости» (в % к числу ответивших)

Причина	% ответов
Возможность самостоятельно выстраивать рабочий график	55%
Возможность заниматься любимым делом	63%
Возможность зарабатывать больше, чем в найме	40%
Возможность не посещать офис и «работать откуда угодно»	62%
Возможность ни перед кем не отчитываться	26%
Возможность выбирать, с кем сотрудничать	22%
Другие причины	10%

Эмоциональный аспект обнаружил, что большинство опрошенных полагают статус самозанятого престижным и благотворно воздействующим на самооценку: 66% отметили повышение убежденности в собственных силах. Другая большая часть (63%) не желает менять статус даже при предложении более выгодного труда по найму, что свидетельствует о ценности социально-экономической независимости и психологической удовлетворённости от самостоятельного трудового статуса. В совокупности данный аспект формирует своего рода «психологический капитал» самозанятых – внутренний ресурс, который поддерживает настойчивость, готовность к самостоятельному принятию решений и способность адаптироваться к рыночным условиям. Именно этот капитал часто оказывается решающим фактором в удержании статуса.

Исследование позволило обнаружить ключевые личностные черты, определяющие успешность в формате самостоятельной занятости. Более половины респондентов (58%) указали желание к самореализации, 47% – способность принимать решения и нести ответственность, 42% – наличие предпринимательской жилки, тогда как менее трети отметили важность образования (35%) и коммуникативных навыков (32%), а ещё меньше – готовность к риску и инновациям (23%) или особый склад ума (10%) (Таблица 2). Эти результаты показывают, что успешность в деятельности вне наемного труда во многом определяется внутренними мотивационными и волевыми качествами, а не формальными признаками вроде внешних условий. Стремление к самореализации и готовность брать ответственность выступают центром психологического капитала независимого работника напрямую влияя на его способность к принятию независимых профессиональных решений, к адаптации к нестабильной экономической среде и к управлению проектами с высокой степенью автономии. Предпринимательская жилка, хотя и менее выражена, обеспечивает дополнительный ресурс для поиска возможностей на рынке и расширения клиентской базы, выступая связующим элементом между внутренней инициативностью и экономической эффективностью.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие качества, на Ваш взгляд, должны быть у человека, выбравший самозанятость?» (в % к числу ответивших)

Необходимое качества	% ответов
Наличие предпринимательской жилки	42%
Стремление к самореализации	58%
Способность принимать решения и нести ответственность за их выполнение	47%
Умение общаться с людьми; заводить связи, знакомства	32%
Хорошее образование	35%
Умение организовать дело, идти на инновации и рисковать	23%
Наличие особенного склада ума, действий и личностных устремлений	10%
Другие причины	12%

Если рассматривать противостоящую сторону личностных характеристик, то среди обстоятельств, затрудняющих профессиональную самореализацию, респонденты чаще всего называли безынициативность (44%), отсутствие смежных профессий (39%) и низкую квалификацию (38%). Несколько реже отмечались недостаточное образование (36%), отсутствие предпринимательской жилки (32%) и слабые коммуникативные навыки (24%). Примерно пятая часть опрошенных (20%) признала, что неумение ориентироваться в рыночной ситуации также может стать серьезным барьером для развития в формате самозанятости (Таблица 3).

Сопоставление этих данных с результатами анализа личностных качеств, способствующих успеху, выявляет отчетливую зеркальную зависимость: те компетенции, которые способствуют самореализации – инициативность, готовность к риску, профессиональная гибкость, – при их отсутствии становятся основными ограничителями роста. Любопытно отметить, что фактор «отсутствие смежных профессий» указывает не только на узость профессиональных навыков, но и на дефицит адаптивности к современным экономическим условиям, где успешность зачастую требует многопрофильности и постоянного самообучения. Это особенно заметно в сфере цифровых услуг и творческих индустрий, где границы профессий размыты, а успех напрямую зависит от способности совмещать различные компетенции.

Низкая квалификация и недостаточное образование, хотя и не названы доминирующими факторами, оказывают косвенное воздействие на уверенность в собственных силах и способность ориентироваться в рыночной среде. Здесь проявляется своеобразный «порочный круг»: отсутствие профессиональной уверенности снижает инициативность, а нехватка активности, в свою очередь, мешает накоплению опыта и развитию компетенций.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие качества, на Ваш взгляд, мешают человеку реализоваться в статусе самозанятого?» (в % к числу ответивших)

Мешающие качества	% ответов
-------------------	-----------

Неумение ориентироваться в рыночной ситуации	20%
Низкая квалификация	38%
Отсутствие смежных профессий	39%
Безынициативность	44%
Отсутствие предпринимательской жилки	32%
Неумение общаться с людьми; заводить связи, знакомства	24%
Недостаточное образование	36%
Другие качества	12%
Затруднились ответить	10%

Анализ результатов глубинного интервью: прежде всего, респондентам было предложено кратко рассказать о себе. Среди участников – жители Барнаула в возрасте от 24 до 67 лет, зарегистрированные в статусе самозанятых. В выборке представлены различные социальные и профессиональные категории: бывшие служащие, специалисты с высшим образованием, фрилансеры, предприниматели, пенсионеры и студенты. Большинство имеют высшее образование и демонстрируют активную жизненную позицию, что указывает на высокий человеческий и профессиональный капитал участников.

На вопрос о профессиональной самореализации большинство опрошиваемых признались, что до конца себя не воплотили, однако процесс поиска воспринимается ими не как неудача, а как постоянное движение к самоактуализации. Здесь проявляется характерная для современного постиндустриального общества установка на «жизнь в развитии» – ориентация на гибкость и переосмысление профессиональной идентичности. Неслучайно многие респонденты рассматривали смену профессии как источник внутреннего обновления и способ сохранить психологический баланс в условиях нестабильного рынка труда.

Мотивационная структура выбора индивидуальной деятельности отражает глубинные социальные тенденции. Основные мотивы – стремление к независимости, самореализации, гибкости, контролю над временем – демонстрируют переориентацию ценностей от внешней стабильности к внутренней автономии. Для более молодых участников переход в новый статус оказался естественным: они выросли в цифровой среде, где индивидуальные формы занятости воспринимаются как норма.

Реакция окружения преимущественно носила одобрительный характер: поддержка семьи и друзей способствовала закреплению новой идентичности. При этом общественное признание выступает важным фактором психологического комфорта самозанятого. Те, кто получал одобрение близких, демонстрировали более высокую удовлетворенность своей деятельностью.

Большинство участников интервью не меняли кардинально сферу деятельности, переходя из найма в автономную практику. Для меньшинства, радикально сменивших профессию, определяющим мотивом выступало желание выйти за рамки профессионального выгорания и конвертировать хобби в источник дохода. Здесь переход к самостоятельной деятельности выполняет терапевтическую функцию – восстанавливает утраченный смысл труда, возвращая ощущение личного участия и

контроля над результатом.

В психологическом плане почти все респонденты отметили рост уверенности, появление чувства свободы и независимости. Подобное смещение соотносится с концепцией «внутреннего локуса контроля» – установки на восприятие себя как субъекта, управляющего собственной жизнью и профессиональной траекторией.

Материальное положение большинства респондентов можно охарактеризовать как стабильное, но без избыточного благополучия. Однако, как показал анализ, экономическая устойчивость в данной группе обусловлена не столько высоким доходом, сколько умением рационально распоряжаться ресурсами и способностью адаптироваться к изменению спроса.

Среди трудностей выделяются дефицит специальных знаний, неумение выстраивать отношения с клиентами, слабая правовая осведомленность. Эти проблемы указывают на ограниченность социальной инфраструктуры поддержки данного типа работников и недостаточную институционализацию этого сектора. Негативное восприятие законодательства и низкий уровень доверия к государственным механизмам регулирования демонстрируют разрыв между формальными институтами и реальными практиками труда, характерный для переходных экономик.

Несмотря на существующие барьеры, подавляющее большинство респондентов не готовы вернуться к найму. Это свидетельствует о формировании нового типа профессиональной идентичности – автономного, ориентированного на самоуправление, гибкость и ответственность. Самозанятость становится не просто формой трудовой деятельности, а частью культурной трансформации, отражающей переход общества от коллективистской модели труда к индивидуализированной, где ценится не принадлежность к организации, а личная компетентность и способность адаптироваться.

Заключение: Проведённое исследование позволило выявить комплексный социальный портрет самозанятых жителей города Барнаула и проследить взаимосвязь социально-демографических, экономических, мотивационных и личностных факторов, определяющих их поведение и профессиональные стратегии.

Социально-демографическая структура выборки показала, что ядро самозанятых составляют мужчины и женщины в возрасте 30–40 лет с высшим образованием, что отражает зрелость их человеческого капитала и наличие профессиональных ресурсов для самостоятельной занятости. Образование здесь выполняет не только инструментальную, но и культурно-мировоззренческую функцию, формируя установку на самореализацию, самостоятельность и развитие цифровых компетенций. Семейное положение и наличие детей выступают важными регуляторами трудовых стратегий: отсутствие устойчивых обязательств способствует мобильности и готовности к риску, тогда как семейные связи усиливают ориентацию на стабильность и предсказуемость дохода.

Материальное положение самозанятых демонстрирует разноуровневую, но в целом позитивную динамику. Финансовая устойчивость в данной группе опирается не столько на величину дохода, сколько на способность гибко управлять ресурсами и адаптироваться к колебаниям спроса. Опыт и длительность пребывания в статусе самозанятого выступают факторами накопления не только экономического, но и символического капитала.

Мотивационная структура отражает сдвиг от утилитарной логики труда к ценностно-

личностной. Для большинства респондентов самостоятельная деятельность - это способ реализовать себя, контролировать время и пространство работы. Глубинные интервью подтвердили, что мотив «работать на себя» тесно переплетается с поиском смысла и психологического комфорта, а не только с финансовыми расчетами. Главными оказываются внутренние, а не внешние мотивы.

Изучаемый рабочий статус укрепляет самооценку и чувство личной значимости. Данный выбор считается престижным. Многие не готовы отказаться от него даже при альтернативных предложениях найма.

Личностные характеристики, ценящиеся при данном виде работы - инициативность, ответственность, внутренняя мотивация и способность к самоорганизации. Они выступают ключевыми элементами психологического капитала. Отсутствие этих качеств, напротив, становится барьером для профессиональной самореализации.

В целом исследование показало, что самозанятые представляют собой социально активную, адаптивную и ориентированную на развитие группу, находящуюся в авангарде новой трудовой культуры. Их деятельность отражает переход к экономике индивидуальной ответственности, где успех определяется не институциональными гарантиями, а способностью собственноручно управлять временем, знаниями и ресурсами. Для Барнаула и Алтайского края эти процессы имеют особое значение: они свидетельствуют о постепенном формировании новой региональной идентичности труда, в которой самостоятельность становится ключевым инструментом развития. В условиях ограниченного числа крупных работодателей и централизации рынка труда именно данный тип создает новые формы занятости, стимулирует локальные сервисы, формирует креативные ниши и вносит вклад в устойчивость региональной экономики.

Библиография

1. Ахматова Д.Р., Кабакова В.М. Анализ последствий введения специального налогового режима для самозанятых граждан. – М.: Дело, 2019. – 60 с.
2. Байтемиров Д.Т. Факторы развития рынка самозанятости // Вестник университета "Туран". – 2018. – № 1(77). – С. 246-252. EDN: YVINGD
3. Варакосова В.В. Правовой статус самозанятых граждан // Социологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 88-93.
4. Камарова Т.А. Понятия, виды и формы нестандартной занятости: нормативно-правовая основа их применения // Human Progress. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 14-30. EDN: VASJWJ
5. Карпенко М.П., Лапшов В.А., Кобакин М.В. Социальный портрет студента негосударственного вуза. – М.: Дело, 2020. – 71 с.
6. Киришева А.В., Киселица Е.П. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан: практика и перспективы развития // Символ науки. – 2023. – № 1. – С. 92-98.
7. Королева Е.В. Самозанятость населения как фактор снижения уровня безработицы в стране // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – № 12 (3). – С. 111-122.
8. Пустынникова Д.С. Анализ налогового режима для самозанятых граждан // Социологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 45-49.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 359-366.
10. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики / под ред. П.О. Ермолаева, Е.П. Носкова, М.Р. Зайнуллина, А.И. Купцова, А.М. Нагимова. – Казань: Артефакт, 2014. – 92 с.
11. Степанова Ю.О. Самозанятость в Российской Федерации // Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 6(34). – С. 18-25.

12. Шевчук А.В. Границы автономии: феномен "зависимой" самозанятости // Социологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 36-50. EDN: PBDSPH
13. Schor J.B. After the gig: how the sharing economy got hijacked and how to win it back. – University of California Press, 2020. – 240 p.
14. Wood A.J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy // Work, Employment and Society. – 2019. – Vol. 33, No. 1. – Pp. 56-75.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает социальный портрет самозанятых жителей Барнаула, включая их социально-демографические характеристики, мотивационные факторы, личностные качества и экономическое поведение в контексте регионального рынка труда. Научная актуальность работы обусловлена быстрым ростом самозанятости в России, особенно в регионах вроде Алтайского края, где цифровизация и экономические изменения стимулируют переход к независимым формам занятости. В этих условиях трансформации российского рынка труда и активной легализации самозанятости через введение налога на профессиональный доход региональные особенности данного феномена остаются малоизученными, тогда как понимание социальной структуры самозанятых необходимо для разработки эффективной политики поддержки этой категории граждан на уровне субъектов федерации. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении данных для разработки региональных стратегий поддержки самозанятых, включая образовательные программы, правовые меры и психологическую помощь, что может способствовать снижению безработицы, укреплению среднего класса и повышению социально-экономической устойчивости Барнаула и подобных городов. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти Алтайского края при разработке программ поддержки самозанятости, образовательными учреждениями для формирования программ предпринимательской подготовки, а также для корректировки социальной и налоговой политики в отношении данной категории населения с учетом выявленных особенностей их профессиональных компетенций и мотивационных установок. В работе применен количественный метод сбора данных – анкетирование жителей Барнаула. Хотя автор декларирует использование «интегративного подхода, сочетающего экономико-социологический [что это вообще может означать? – рец.], стратификационный и социокультурный уровни анализа», фактически в тексте реализован дескриптивный частотный анализ результатов опроса без применения сложных статистических процедур или качественных методов интерпретации. Исследование опирается на первичные эмпирические данные, полученные через структурированную анкету, включающую вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов, их мотивации выбора самозанятости, оценке личностных качеств и барьеров профессиональной реализации. Выборка составила всего 100 респондентов, и автор не привел необходимые данные, которые бы позволили оценить степень репрезентативности выборки: он упоминает генеральную совокупность, но не описывает ее количественно; не приводит значения доверительной вероятности и доверительного интервала при такой выборке, а также другие атрибуты опросного

исследования. Да и ограничиваться частотным анализом, имея на руках базу анкетного опроса, означает микроскопом забивать гвозди: даже анализ сопряжений мог бы дать гораздо больше информации, не говоря уже о факторном, регрессионном и др. видах статистического анализа. В тексте автор несколько раз упоминает якобы проведенные им корреляционный и регрессионный виды анализа, утверждая, что они «что-то там показали», однако никаких данных об этих видах анализа не приводит – ни таблицы сопряжений, ни коэффициенты корреляции, регрессии и т.д.; все данные в таблицах и на графиках приводятся только частотные, поэтому нет оснований считать, что в статье использовались иные методы анализа, кроме частотного. Теоретическая рамка исследования задана через обзор существующих концепций самозанятости, типологизацию самозанятых и анализ законодательного регулирования данного статуса, однако связь теоретических конструктов с эмпирическим инструментарием прослеживается недостаточно четко. Все сказанное не может не снижать научной ценности полученных результатов, а также не вызывать сомнений в их достоверности. Поэтому автору следует устранить методологические и методические лакуны ДО ПУБЛИКАЦИИ статьи. Тем не менее, в рецензируемом исследовании имеется некоторая научная новизна. Прежде всего, речь идет о полученных по результатам этого исследования эмпирических данных о социально-демографической структуре самозанятых граждан города Барнаула, включающих возрастной состав, уровень образования, семейное положение и длительность пребывания в статусе самозанятого, что позволяет зафиксировать региональную специфику данной социальной группы в одном из крупных административных центров Сибирского федерального округа. Кроме того, на основе частотного анализа эмпирических данных установлено, что самозанятые жители Барнаула с высшим образованием преимущественно выбирают деятельность по профильной специализации или в смежных областях, что демонстрирует связь между образовательным капиталом и направлением профессиональной самореализации в условиях самостоятельной занятости, а также зафиксированы различия в самооценке финансовой устойчивости в зависимости от стажа работы в статусе самозанятого. Наконец, выявлена зеркальная зависимость между позитивными личностными качествами, способствующими успеху самозанятых (инициативность, решительность, коммуникабельность), и факторами, препятствующими их профессиональной реализации при отсутствии этих качеств, что подтверждает значимость психологического капитала как ресурса, сопоставимого по важности с материальными и образовательными активами. Однако в силу описанных выше недостатков в методологии, достоверность полученных результатов пока следует ставить под вопрос, до прояснения автором теоретико-методологических оснований, на которые опираются эти результаты. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где описывается исторический контекст возникновения самозанятости в России как следствие перехода от плановой экономики к рыночной, характеризуются трансформация рынка труда в постсоветский период и современные условия развития самозанятости в эпоху цифровизации, обосновывается актуальность изучения данного феномена на примере города Барнаула; - «Теоретическая часть», где представлен теоретико-методологический фундамент исследования через уточнение понятий «социальный портрет», «занятость» и «самозанятость», приводится типология самозанятых по мотивационным характеристикам, раскрываются факторы формирования самозанятости, анализируется законодательное регулирование статуса самозанятых в России, а также приводятся статистические данные о динамике роста численности самозанятых на федеральном и региональном уровнях; - «Методика и методы», где в излишне лаконичной форме

содержится лишь указание на использование количественного метода – анкетирования, без детального описания выборки, процедуры сбора данных, характеристик инструментария и способов обработки полученной информации; - Эмпирическая часть («Анализ результатов»), где последовательно представлены результаты анкетирования по блокам социально-демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение), продолжительности работы в статусе самозанятого, источникам дохода, мотивации выбора самозанятости, оценке личных качеств, способствующих успеху, и барьеров профессиональной реализации; - «Заключение», где обобщаются полученные результаты, характеризуется типичный социальный портрет самозанятого жителя Барнаула как образованного человека 30–40 лет с накопленным профессиональным опытом и развитыми личностными компетенциями, подчеркивается значимость психологического капитала для успешности самозанятых и формулируются рекомендации о необходимости комплексной поддержки данной категории населения. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается большое количество стилистических (например, плеоназмы, в роли которых нередко выступают целые предложения («Создание социального портрета самозанятых граждан требует опоры на теоретико-методологические подходы, раскрывающие суть данного явления» – какую информацию несет это предложение?); или повторение одних и тех же слов в соседних, а иногда даже в одном и том же предложении (так, производные слова «самозанятый» встречаются в тексте почти 80 раз; дериваты слова «форма/формировать» – почти 50 раз; слова «социум/социальный» – более 40 раз; только в шестом абзаце встречается 9 слов с корнем «социал»; при этом найти синонимы данным словам не составляет труда); и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Изменение рынка труда сопровождалась падением покупательной способности населения, увеличением уровня безработицы, нестабильностью трудовых отношений и ослаблением социальной защиты работников», «Нами было проведен анонимный опрос, в котором приняли участие...», «...Степень образования положительно связан с видом деятельности...»; или пропущенная точка в конце предложения «...В частности, особенности социальной структуры и мотивации самозанятых Барнаула — изучены недостаточно, что определяет новизну данного исследования»; и др.) погрешностей, что и стало решающим аргументом в пользу необходимости доработки статьи. Библиография насчитывает 14 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в «теоретической части» статьи. В числе безусловных достоинств рецензируемой работы, позволяющих оптимистично оценивать ее публикационные перспективы, можно отметить следующие. Статья демонстрирует убедительное историческое обоснование феномена самозанятости через последовательное прослеживание эволюции этой формы занятости от периода советской экономики (когда индивидуальная трудовая деятельность была запрещена) через переходный период 1990-х годов к современному этапу цифровизации и легализации, что создает прочный контекст для понимания актуальности темы и позволяет читателю увидеть, каким образом самозанятость трансформировалась из вынужденной стратегии выживания в осознанную форму профессиональной самореализации. Кроме того, автор успешно сочетает теоретическое осмысление проблемы с эмпирическими данными, приводя конкретные примеры из практики самозанятых (дизайнер-фрилансер, фермер, мастер по ремонту, владелец кофейни), что делает абстрактные теоретические конструкты более наглядными и понятными, а также использует актуальную статистику по России и Алтайскому краю, подкрепляя свои рассуждения количественными показателями роста численности самозанятых и данными о влиянии пандемии на развитие этой формы занятости в разных

странах. Однако лакуны в методологии пока не позволяют признать полностью достоверными полученные результаты.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе ее подготовки можно квалифицировать в качестве научной работы, не полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Недостаточная проработка методологии, а также избыточное количество стилистических и грамматических погрешностей вынуждают рецензента рекомендовать статью к доработке. В целом, полученные автором результаты будут интересны социологам, изучающим структуру современного рынка труда и процессы социальной стратификации, экономистам и специалистам в области трудовых отношений, исследующим альтернативные формы занятости, региональным органам власти и специалистам центров занятости населения, разрабатывающим программы поддержки самозанятых граждан, а также преподавателям и студентам социологических и экономических специальностей, интересующимся проблематикой предпринимательства и профессиональной самореализации в современных социально-экономических условиях. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является социальный портрет самозанятого на примере материалов социологического исследования в городе Барнауле.

В качестве методологии предметной области исследования в данной научной работе были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в статье, были применены методы анкетирования со стихийным отбором и глубинного интервью.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных реалиях экономической нестабильности, многочисленных кризисных последствиях этого процесса, оптимизацией штатной численности некоторых организаций с последующими сокращениями самозанятость граждан обеспечивает ряд возможностей как для самих самозанятых, так и для государства. Развитию самозанятости способствуют также, и такие факторы, как цифровизация многих сфер общественной жизни и активное внедрение информационных технологий. Как социальная группа самозанятые имеют ряд социально-психологических особенностей, представляющих научно-исследовательский интерес. В этом контексте изучение социального портрета самозанятого на примере материалов социологического исследования в городе Барнауле представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе. Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике социологического исследования, направленного на изучение социального портрета самозанятого, а также в описании полученных результатов. В рамках исследования в анкетировании приняли участие 100 респондентов из числа самозанятых города

Барнаула, а для глубинного интервью было отобрано 20 человек с учетом их опыта и имеющихся достижений в самозанятости.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также авторским анализом, наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов.

Структуру статьи, в целом, можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены следующие элементы: введение, теоретическая часть, методика и методы, анализ результатов исследования (опроса и глубинного интервью), заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные и отмеченные в ходе исследования тенденции, характеризующие причины выбора самозанятости, указанные респондентами, что наглядно представлено в таблице 1 рукописи.

Библиография содержит 14 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты самозанятости, а также самозанятых граждан как социальной группы. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В данной работе содержатся выводы, касающийся предметной области исследования, представленные в заключении. В частности, отмечаются выявленные в ходе исследования основные индивидуальные характеристики самозанятых, такие, как «инициативность, ответственность, внутренняя мотивация и способность к самоорганизации», которые позволяют этой социальной группе проявлять активность, быть адаптивной и ориентироваться на постоянное развитие, что дает много возможностей и обеспечивает нахождение «в авангарде новой трудовой культуры».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками центров карьеры и профориентационной работы, специалистами служб занятости, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно было большее внимание уделить обсуждению результатов исследования. При оформлении рисунков и таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Также следует обратить внимание на то, что кроме сделанного обобщающего заключения можно было бы сформулировать отдельно самостоятельные и более развернутые выводы по проведенной научно-исследовательской работе, а не встраивать их в само заключение. Кроме того, нужно учитывать правила использования пунктуации, в частности, использование двоеточия после названий структурных элементов рукописи («Введение:», «Теоретическая часть:», «Методика и методы:» и т.д. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям подачи материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Тренды формирования нового социального миропорядка // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76575 EDN: EARVRK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76575

Тренды формирования нового социального миропорядка

Деханова Наталья Геннадьевна

ORCID: 0009-0004-8784-4309

кандидат социологических наук

доцент, кафедра социологии государственного управления, социологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр.33, оф. 503

✉ ndehanova@mail.ru

Холоденко Юрий Александрович

кандидат экономических наук

доцент, кафедра социологии государственного управления; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр.33, оф. 503

✉ hol.u@mail.ru

[Статья из рубрики "Трансформации в политических процессах"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76575

EDN:

EARVRK

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Дата публикации:

12-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является выявление трендов глобальных социальных изменений в условиях трансформации мирового социально-экономического и политического порядка. В качестве объекта исследования авторами обозначен

сложившийся по итогам Второй мировой и «холодной» войны мировой порядок, который в настоящее время переживает глубочайший кризис. Авторы подробно рассматривают такие аспекты в рамках избранной проблематики как причины этого кризиса «порядка, основанного на правилах», включая идеологию неокOLONиализма, углубление глобального неравенства и дисфункцию международных институтов регулирования. Особое внимание уделяется анализу утраты коллективным Западом морального лидерства и экономического доминирования, а также фундаментальному изменению экономического баланса сил между Глобальным Севером и Глобальным Югом, обусловленному ростом стран БРИКС, в первую очередь Китая. В качестве методологической основы исследования выступили фундаментальные труды российских и зарубежных ученых. В процессе работы использовались такие общетеоретические методы, как анализ и синтез, а также межстрановой анализ актуальной статистической информации международных организаций и вторичный анализ эмпирических исследований ООН. Основными выводами проведенного исследования являются положения о том, что современный мир является свидетелем не просто кризиса, а принципиальной трансформации сложившегося социально-экономического порядка. Мировой порядок, основанный на правилах, разработанный мировым меньшинством для поддержания гегемонии, уходит в прошлое. Особым вкладом авторов в исследование темы является обоснование того тезиса, что деструктивные попытки Запада сохранить доминирование, используя санкционное давление, лишь ускоряют крах этой системы. Новизна исследования заключается в доказательстве объективного характера этих социальных изменений, которые опираются на прочный экономический базис: окончательную утрату Западом экономического лидерства и усиление конкурентных позиций стран Глобального Юга, стремящихся к формированию более справедливого и равноправного мироустройства. Обоснован вывод авторов о значимости в современных реалиях политики российского государства, направленной на укрепление национального суверенитета, в том числе в сфере экономического развития.

Ключевые слова:

Глобальные социальные изменения, Глобальное неравенство, Мир-система, Глобальная конкуренция, НеокOLONиализм, Неолиберализм, Деглобализация, Социальная трансформация, Социальная стратификация, Система ценностей

Введение

Сложившийся по итогам Второй мировой и «холодной» войны мировой экономической и политический порядок переживает глубочайший кризис. Формально основанный на нормах международного права, а фактически – на сформулированных коллективным Западом правилах и принципах, главными из которых выступали идеология и практика неокOLONиализма, подавление стремления развивающихся стран проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику, защита интересов транснационального капитала, политика двойных стандартов, он не мог существовать вечно в условиях глобальных социальных изменений, так как игнорировал интересы мирового большинства. Результатом мирового порядка, «основанного на правилах», стало углубление глобального неравенства, рост масштабов бедности и крайней нищеты в странах «третьего мира», обострение противоречий между Севером и Глобальным Югом, усиление глобальной нестабильности. Динамика глобальных социальных трансформаций усиливается на фоне острого кризиса международных институтов регулирования

мирохозяйственных связей, деятельность которых на протяжении десятилетий обеспечивала некоторую упорядоченность сложившегося миропорядка. В настоящее время эти своего рода «скрепы» постепенно разрушаются (не без участия государств, стоявших у истоков их создания). Это обстоятельство становится одним из важнейших факторов углубления кризиса современной модели «либеральной» глобализации. Цель данной статьи – выявить тренды глобальных социальных изменений в условиях трансформации мирового социально-экономического и политического порядка, сложившегося в послевоенные годы.

Теоретическая база исследования

Теоретической основой данного исследования выступают труды российских и зарубежных ученых, посвященные анализу сложившейся системы международных социально-экономических и политических отношений. Среди них следует выделить работы И. Валлерстайна [\[1\]](#), Э. Гидденса [\[2\]](#), Т. Грэма [\[3\]](#), В. Розова [\[4\]](#), Ф. Фукуямы [\[5\]](#), С. Хантингтона [\[6\]](#).

Кризису сложившегося мирового социально-экономического и политического порядка, его причин и факторов посвящены труды российских ученых С.О. Елишева [\[7\]](#), И.В. Ильина и О.Г. Леоновой [\[8\]](#), О.О. Комолова [\[9\]](#), В.И. Локтионова [\[10\]](#), В.С. Мартынова [\[11\]](#), Н.Г. Осиповой [\[12\]](#), А.Н. Чумакова [\[13\]](#).

В исследованиях В. Варнавского [\[14\]](#), С.Ю. Глазьева [\[15\]](#), В.С. Загашвили [\[16\]](#), А.В. Кузнецова [\[17\]](#), П.Ногеяра Батисты [\[18\]](#), А.В. Холопова [\[19\]](#) анализируются процессы в мировой экономике, которые привели к изменению соотношения сил между странами «золотого миллиарда» и Глобального Юга.

В работах К.В. Асмолова, К.В. Бабаева [\[19\]](#), О.В. Бирюкова [\[20\]](#), Н. Вонга [\[21\]](#), Л.Е. Гринина [\[22\]](#), А.А. Мальцева, С.В. Чичилимова [\[23\]](#), В.Д. Миловидова Н.В., Аскер-Заде [\[24\]](#), Д. Лэйна [\[25\]](#), Ю.Н. Саямова [\[26\]](#), Paul T.V. [\[33\]](#), Lamy P., Köhler-Suzuki N. [\[34\]](#), Witt M.A. [\[35\]](#), Livesey, F. [\[36\]](#) представлен анализ возможных сценариев развития событий, связанных с трансформацией сложившейся системы глобальных экономических и политических отношений.

Методы исследования

В процессе написания статьи использовались общенаучные методы (системный и структурно-функциональный анализ), а также междисциплинарный подход, сочетающий методы макроэкономического анализа, сравнительной политологии и социологии международных отношений. Основу эмпирической базы исследования составляет вторичный статистический анализ данных (преимущественно частотный анализ описательной статистики) о динамике мирового ВВП, структуре международной торговли, объемах прямых иностранных инвестиций и изменениях в глобальной валютно-финансовой системе за период с 1990-х годов по 2024 год. Используется метод межстранового сравнения макроэкономических показателей (динамики ВВП, доли государств в мировом экспорте и импорте, международных валютных резервах) для выявления изменений в соотношении сил между промышленно развитыми и развивающимися странами. В ходе работы использовались официальные данные органов государственной статистики России и зарубежных государств, ряда международных организаций и институтов.

Для подтверждения отдельных выдвинутых авторами положений был проведен вторичный анализ эмпирических исследований специализированных учреждений ООН, в которых обозначены тренды происходящих в мировой экономике и политике изменений. Применялись контент-анализ документов международных организаций и концептуальный анализ ряда существующих теорий глобализации, включая концепцию «центр-периферия», представленных в работах И. Валлерстайна, Э. Гидденса, С. Хантингтона и российских исследователей. Значительное внимание было уделено современным публикациям, в которых представлен анализ социально-экономических и политических факторов глобальных социальных изменений. Предпринята попытка оценить происходящие изменения с позиции политико-экономического структурализма, рассматривающего современные глобальные процессы через призму конфликта интересов между центром и периферией мировой системы.

Результаты исследования

Действующий в современном глобальном мире социально-экономический порядок сложился в результате распада в 1991 году СССР и краха мировой социалистической системы. Политическая и идеологическая победа капитализма обеспечила включение бывших стран реального социализма в сферу влияния объединённого Запада во главе с США. Стремительная и малозатратная «виктория» сформировала у победителей атмосферу всеобщей эйфории. Известное крылатое выражение «Победитель получает всё» стало лейтмотивом действий объединённого Запада, направленных на создание нового миропорядка, де-юре основанного на нормах международного права, признанных глобальным сообществом наций, а де-факто – базирующихся на правилах, продиктованных США и их союзниками. Миропорядок, «основанный на правилах», как результат всемирно-исторической победы идей западной демократии и экономического либерализма, по мнению ряда известных западных учёных, должен был стать фундаментом всеобщего глобального благоденствия, без конфликтов, войн, нищеты и неравенства. На фоне всеобщей эйфории предложенную Ф. Фукуямой гипотезу о безальтернативности путей мирового развития и «конце истории», движущей силой которой, по его мнению, выступало противостояние между ценностями либерализма и коммунизма [\[5\]](#), поддержала значительная часть научного, в том числе российского, сообщества. Действительно, ещё тридцать-сорок лет назад во многих государствах фактически был достигнут консенсус между политической элитой, бизнесом и обществом по вопросу выбора пути общественного развития. В рамках сложившейся в тех исторических условиях парадигмы безальтернативность неолиберальных ценностей считалась аксиомой, не требовавшей доказательств. Образ успешного профессионала, живущего в процветающем правовом социальном государстве, пользующегося преимуществами демократического устройства общества, укоренился в мировом общественном мнении и оказался столь привлекательным, что альтернативы даже широко не обсуждались. Как мы отмечали ранее, «стандарты материальной и духовной культуры общества потребления, социальные практики, нормы и принципы управления, применяемые в индустриально развитых странах, стали почти повсеместно внедряться (не без участия, а нередко в результате прямого давления) во многих государствах, граждане которых не всегда были готовы к их восприятию» [\[26, с.170\]](#).

Идеи либерализма стали идеологической основой для формирования либерального мирового социального порядка. Либеральная глобализация интенсифицировала процессы трансграничного сближения государств, придавала новый импульс глубоким социальным изменениям в большинстве развивающихся стран, ускорив реализацию комплексных реформ, направленных на модернизацию общественных отношений в

экономике, политике, социальной сфере и превратившись в один из важнейших факторов социально-экономической трансформации. До недавнего времени казалось, что либеральная глобализация безальтернативна, а потому необратима. Глобальное социальное взаимодействие приобрело всеобъемлющий характер.

Как известно, победителей не судят. Однако история не знает случаев, когда победители могли вечно пользоваться плодами победы. Как отмечают специалисты, сложившаяся модель, несмотря на то, казалось бы, объективный характер глобальных процессов, это в целом западный проект или «американская глобализация». В этой связи О.Г. Леонова высказывает мнение, что кризис сложившегося миропорядка – это кризис гиперглобализации. «Появившиеся разговоры о деглобализации – это реакция на гиперглобализацию и накопившаяся усталость от нее. Гиперглобализация последних десятилетий в определенной степени исказила мировую экономику, вознаграждая капитал гораздо больше, чем труд, и порождая высокий уровень неравенства внутри стран» [\[27, с.7\]](#). Вместе с тем гиперглобализация динамизировала процессы развития мировой экономики, способствовала формированию глобальных рынков труда, капитала, технологий, потребительских товаров и услуг, обеспечила масштабный рост международной торговли. Она помогла производителям в различных регионах мира получить доступ к технологическим и управленческим инновациям, а потребителям – к высококачественным товарам и услугам известных мировых производителей. Как отмечают специалисты, «Глобализация обеспечила опережающие темпы роста догоняющих стран, общее ускорение роста производительности труда, широкое распространение передовых технологий, сокращение бедности и повышение качества жизни практически во всех странах» [\[16, с.13\]](#). Позитивная глобальная социально-экономическая динамика актуализировала идеи образования единого глобального общества, основанного на общей системе «общечеловеческих ценностей», «заката суверенитета» и снижения роли государства как ведущего актора международных отношений (достаточно вспомнить концепцию «государства – пустышки» Э. Гидденса), объективного размывания национальной идентичности и формирования планетарно мыслящей личности – «гражданина мира».

Конечно, позитивные социальные изменения затронули в каждой из стран не общество в целом, а лишь наиболее активную, продвинутую, способную к кардинальным переменам его часть. Не все элиты и социальные группы, в том числе в силу ментальных особенностей и сложившегося традиционного социального порядка, позитивно восприняли перемены, не без основания увидев в них скрытую угрозу привычному жизненному укладу. Ведь для большинства было очевидно, что положительная в целом социально-экономическая динамика не способствовала гармонизации общественных отношений, а лишь трансформировала накопившиеся в обществе проблемы, придавая им новые свойства и интернациональный характер, обостряя социальные риски на фоне углубления глобального неравенства.

Более того, отнюдь не все представители научного сообщества однозначно позитивно восприняли глобальные социальные изменения и переход к мировому социальному порядку, созданному странами «золотого миллиарда», представляющими мировое меньшинство, во имя собственных интересов и интересов транснационального западного капитала. Ряд известных учёных-обществоведов акцентировали внимание на негативных последствиях глобальной социальной динамики, важнейшим фактором которой выступил основанный на принципах колониализма, а впоследствии – экономического неоколониализма, социальный миропорядок. В частности, на его эксплуататорский характер указывал И. Валлерстайн. По мнению известного американского социолога,

ц е л ь ю формирования существующей мир-системы было расширение системы капиталистических отношений, основанных на эксплуатации и выкачивании прибыли, до масштабов глобального сообщества за счет искусственного создания для стран «золотого миллиарда» несправедливых преференций путём «концентрации определённых типов производства (сравнительно монополизированного и потому высокоприбыльного) в определённых ограниченных зонах, которые именно в силу этого становятся центрами наиболее высокого накопления капитала»^[1, с.30]. Подчеркивая ущербность действующего миропорядка и даже превращение в непреодолимый барьер для глобального развития, он спрогнозировал, что «современная мир-система близится к своему концу. Потребуется, однако, по меньшей мере ещё пятьдесят лет предсмертного кризиса, т.е. «хаоса», прежде чем мы сможем надеяться выйти к новому социальному порядку» ^[1, с.140].

Действительно, современное общество, как его не назови – это адаптировавшийся к изменившимся историческим условиям капитализм, базовые экономические принципы которого в XVIII столетии сформулировал А. Смит: экономическая свобода, частная собственность, рыночная конкуренция и предпринимательская инициатива. Поэтому сложившийся глобальный социально-экономический порядок имеет капиталистический характер. И иным он быть не может. Суверенные государства и национальные границы, в свою очередь, рассматриваются крупным бизнесом в качестве барьера на пути достижения главной цели капиталистического производства – расширения масштабов хозяйственной деятельности и максимизации прибыли за счёт вовлечения в сферу своих интересов новых рынков сбыта. Логика глобальных социальных изменений подтверждает объективный характер процессов интернационализации производства и капитала, движимой действиями ведущих акторов социально-экономической динамики – западных транснациональных компаний и международных организаций, стоящих на защите их бизнес-интересов.

«Американская» глобализация, несмотря на внешне привлекательные лозунги о необходимости рационального использования ресурсов в масштабах глобальной системы хозяйства, эффективном включении всех национальных экономик в международное разделение труда и преимуществах такого шага для достижения целей роста национального благосостояния, лишь обострила проблему углубления международной конкуренции и привела к возникновению рынков глобальной конкуренции. Это обусловлено тем обстоятельством, что эти лозунги использовались для прикрытия хозяйственных интересов крупнейших западных, прежде всего американских корпораций, стремившихся не просто сохранить, но и усилить свое доминирующее положение в рамках сложившегося мирового социально-экономического порядка. Конкуренция – это экономическое противоборство, в котором побеждает сильнейший. Она никогда не была идеально честной. Бизнес, прежде всего, крупный, всегда опирался на властные ресурсы, которым обладает государство. Объединение властных ресурсов государства с возможностями институтов глобального управления (МВФ, ВТО, группа Всемирного банка и других международных организаций) привело к возникновению своего рода синергетического эффекта формирования глобальных конкурентных преимуществ для западного транснационального капитала.

Сложившийся мировой социально-экономический порядок, изначально несправедливый, но обеспечивший формирование глобального экономического пространства и динамичное развитие международных экономических связей, постепенно превратился в фактор сдерживания глобальной социальной динамики. Основанный на неолиберальных практиках, он более не устраивает ведущих акторов международных отношений, в том

числе инициаторов его создания и главных архитекторов, прежде всего США. Более того, созданные в рамках сложившегося миропорядка «планетарные структуры» оказались неспособными к эффективному ответу на глобальные вызовы и показали слабую адаптированность к происходящим в мире социальным изменениям.

Социальный миропорядок, основанный на правилах и нормах мирового меньшинства, не помог мировому сообществу решить ни одной из накопившихся в мире острых социальных проблем. На время смягчив отдельные конфликты, он породил новые риски, обусловленные обострением глобальной конкуренции, цифровой революцией и переходом к новому технологическому укладу. Изначально призванный закрепить глобальную гегемонию коллективного Запада, он не достиг главной цели – формирования общей ценностной основы мирового сообщества, без чего потенциал глобального доминирования резко уменьшается и постепенно стремится к нулю. Решить проблему можно лишь при условии отказа мирового большинства от традиционных базовых ценностей и национальных норм общежития и укоренения в мировом общественном сознании системы общечеловеческих (а де-факто - неолиберальных) ценностей современного западного общества потребления как цивилизационной основы всего мирового сообщества. Именно на это обстоятельство акцентирует внимание Н.Г. Осипова, указывая на действия правящих глобалистских элит, которые «усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления» [\[12, с.125\]](#). Однако на бесперспективность подобных попыток ещё в конце прошлого столетия указывал С. Хантингтон, концепция которого о «расколотости цивилизаций» [\[6, с.33\]](#) получает всё более активное подтверждение.

Одним из факторов, обеспечивших формирование современного социально-экономического миропорядка, выступает международный бизнес, который заинтересован в снижении внешнеторговых барьеров и либерализации мирохозяйственных связей. Ведущие акторы экономической глобализации – транснациональные корпорации – нацелены на расширение масштабов производств, усиление конкурентных позиций на международных рынках и повышение прибыльности хозяйственной деятельности. Это нормальная логика поведения предпринимателя при капитализме. Его цель – рост доходов компании, а не решение общественных проблем, несмотря на попытки реализовать в практиках международных компаний принципов социально ответственного бизнеса. Принятый в 2000 году ООН Глобальный договор о корпоративной социальной ответственности был призван изменить подход к оценке природы предпринимательства. Договор должен был стать механизмом вовлечения бизнеса в достижение целей устойчивого развития. Для этого необходимо отказаться от философских основ предпринимательства, нацеленного на извлечение прибыли и совместно с обществом и государством работать в интересах человека и природы.

На наш взгляд, Глобальный договор о социальной ответственности бизнеса – это типичный пример реализации принципа «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». Ранее мы уже отмечали, что он «представляет собой декларацию о намерениях сделать мир лучше и призван сформировать у обывателя положительный имидж глобального капитализма, которому на самом деле безразличны острые проблемы, угрожающие самому существованию человечества. Обострение экологических проблем, рост напряженности между странами Севера и Юга и, в конечном счете, угроза устойчивому развитию – вот далеко неполный перечень негативных последствий глобализации» [\[28, с.172; 29\]](#).

Сложившийся в мире социально-экономический порядок не способствует преодолению глобального неравенства. Проблема обостряется, ибо под влиянием глобальных факторов меняется конфигурация данного явления, оно трансформируется, приобретает новое качество и структуру. До недавнего времени граница глобального неравенства проходила по оси «Север – Юг». Оно однозначно трактовалось как социально-экономическое неравенство между развитыми государствами «золотого миллиарда» и остальными странами. Данная трактовка по-прежнему актуальна, однако либеральная глобализация кардинальным образом трансформировала традиционный уклад и систему социальных связей практически во всех странах – как промышленно развитых, так и развивающихся. В рамках либерального миропорядка интенсифицировались потоки международного движения капитала как в форме прямых, так и портфельных инвестиций. Сформировано по сути единое социэкономическое пространство. Изменились механизмы участия национальных компаний в системах международного производства. Последствием подобных социальных изменений, кроме обострения конкуренции на национальных и международных рынках, стала трансформация всей системы социального взаимодействия, социальной стратификации и социальной структуры общества, которые определяются включенностью в глобальные процессы. Границы глобального социального неравенства приобретает все более сложный характер: проживающий в стране Глобального Юга инженер может жить лучше, нежели его коллега в промышленно развитом государстве, активно участвуя в международном производстве.

Фоном происходящих глобальных социальных изменений выступают глубинные, периодически перерастающие в конфронтационные, противоречия между Севером и Югом. Это следует рассматривать как одно из негативных последствий экономического неокOLONIALИЗМА, закрепившего отношения экономической и политической зависимости бывших колониальных территорий от своих метрополий. Неравноправие – характерная черта и принцип действующего миропорядка. Любые шаги в направлении создания более справедливой системы международных отношений, основанных на равноправии и партнерстве, наталкиваются на противодействие со стороны государств, образующих «ядро» сложившейся мир – системы, которые фактически закрепили за собой право на любые действия по её реформированию. В противном случае им придётся лишиться ряда преференций, что неизбежно приведёт к утрате конкурентных преимуществ, а в конечном счёте – к необходимости пересмотра стандартов собственной жизни, в том числе в области социального обеспечения.

Между тем в сознании как «цивилизованного» западного сообщества в целом, так и его управленческого класса прочно укоренились идеи европоцентризма и некоей богоизбранности (бремени «белого человека»), которые и в период глобальных трансформаций доминируют в политике коллективного Запада. На этой мировоззренческой основе построен современный миропорядок, фундаментом которого выступают отношения экономической и финансовой зависимости большинства стран Глобального Юга от своих бывших метрополий, которая породила эффективные каналы давления на формально суверенные государства при минимальном финансовом обеспечении.

Кроме того, на наш взгляд, демократизация не затронула область межгосударственного взаимодействия, для которой по-прежнему актуальны жёсткая иерархия и методы регулирования с использованием экономического и неэкономического принуждения. Гуманистические лозунги о свободе, демократии и правах человека – это всего лишь прикрытия для распространения в сообществе наций чуждых глобальному большинству

«общечеловеческих» ценностей в их западной трактовке и фактически реализации политики «выкручивания рук», включая меры по силовому устранению неугодных Западу режимов в случае неготовности эти ценности принять.

В настоящее время комфортный для западного общества либеральный миропорядок и связанный с ним размеренный, привычный образ жизни людей испытывает глубочайший кризис. В прах превращаются принципы и нормы международного права и основанные на них идеалистические представления о правовом характере действующего миропорядка. Рассматривавшийся его создателями как основа для процветания всего человечества, он рассыпается как карточный домик. Не в последнюю очередь это связано с утратой коллективным Западом морального лидерства. Современное западное общество – это общество двойных стандартов. Оно более не является для большинства стран и народов образцом для подражания и тем более – универсальной основой для будущего мироустройства. Как справедливо отмечает В.С. Мартьянов, «все чаще западные гегемоны демонстрируют образцы пронизанных двойными стандартами технологий демократии, рынка и надзорного капитализма, которые становятся для остального мира антиидеалами – примерами того, как не надо жить, к чему не стоит стремиться, и негативных практик, побуждающих поиск альтернатив» [\[11, с.62\]](#).

О моральных вызовах сложившемуся миропорядку пишет американский исследователь Т. Грэм. По его мнению, коллективный Запад во главе с США сможет сохранить ведущие позиции в мировом сообществе только в том случае, если превратится в морального лидера и сможет возглавить движение, направленное на реформирование системы международных социально-экономических и политических отношений. В этой связи он пишет: «Вопреки распространенному в Соединенных Штатах мнению, эффективная деятельность в многополярном мире не должна непременно заключаться в циничном манипулировании другими странами и ловких дипломатических маневрах. Здесь есть место для морального лидерства, особенно если мы говорим о великой державе, первой среди равных на мировой арене» [\[3, с.33\]](#).

В настоящий период подобная позиция выглядит нереалистичной. Моральные принципы отброшены вследствие ненужности как препятствие для осуществления реальной международной политики. Социальный миропорядок, созданный тектоническим напряжением сил западных политических элит «на века», ими же упорно разрушается. США и их союзники шаг за шагом демонтируют его фундамент – глобальную институциональную систему регулирования международных отношений. Это позволило отдельным исследователям предположить, что «мир входит в эру посткапитализма и даже постэкономики» [\[31, с.8\]](#).

Такое объяснение происходящих в мире социальных изменений представляется небесспорным. Действия западных правящих элит – это попытка сохранить действующий социально-экономический миропорядок, используя все имеющиеся в их распоряжении властные ресурсы, включая методы внеэкономического принуждения и санкционного давления. А это разрушает основы глобальной рыночной системы хозяйства, одной из которых выступает конкуренция производителей при минимальном государственном регулировании экономических процессов. Подобные действия оцениваются специалистами как неомеркантилизм [\[25, с.38\]](#). Так, отдельные авторы пишут о формировании «глобального протекционистского режима», последствием которого может стать снижение темпов роста международной торговли и рецессия мировой экономики [\[24, с.6\]](#).

Конечно, либеральный миропорядок, основанный на ценностях свободного рынка и нормах международного права – это иллюзия. В реальной жизни его никогда не было. А была иерархическая система отношений, жёстко регулируемая действовавшими в интересах мирового меньшинства военно-политическими блоками, интеграционными объединениями и институтами глобализации. Попытки глобалистских элит её сохранить рефлексивны и плохо продуманы. Основанные на принуждении, они малопродуктивны и реально не сдерживают, а ускоряют процессы трансформации современного социального миропорядка.

Деструктивные решения западных политических элит продиктованы интересами трансграничного капитала и направлены на сохранение его доминирования. Однако перемены неизбежны, ибо они носят объективный характер. Прежде всего, изменилось соотношение сил в международной экономике между странами глобального Севера и Юга, что, на наш взгляд, и является глубинной причиной кризиса современного социального миропорядка. Роль развивающихся стран в глобальных экономических процессах заметно возросла. В то время как западные элиты решали важные проблемы глобального потепления, гендерного разнообразия и социальной поддержки массовой нелегальной миграции, крупный «социально ответственный» транснациональный капитал искал возможности более прибыльного использования инвестиций и находил их в странах с развивающимися рынками, низкими налогами, менее жёстким экологическим законодательством и более привлекательными условиями для ведения бизнеса.

Это привело к интенсификации процессов межгосударственного перемещения капитала в форме прямых производственных инвестиций и созданию современных промышленных предприятий в развивающихся странах. На первых этапах они были связаны с переводом массового промышленного производства. Подобные действия глобальных компаний способствовали развитию экономик и темпов роста экономической динамики стран-реципиентов зарубежного капитала, многие из которых, прежде всего Китай, Индия, Бразилия воспользовались предоставленным им «окошком возможностей». Они смогли модернизировать традиционные отрасли промышленности, создать современные высокотехнологичные производства, опираясь на продуктовые, технологические, организационные инновации и соответствующие управленческие компетенции. Это позволило им провести эффективные реформы, многократно увеличить экономический потенциал, смягчить острые социальные проблемы.

В 2007 году страны Глобального Юга достигли паритета с Севером по масштабам экономики, а в 2023 году благодаря более высоким темпам экономической динамики их доля в производстве глобального ВВП достигла 58,8% [\[32\]](#). Индустриально развитые страны утратили своё экономическое лидерство и перестали выполнять роль локомотива глобальной экономики. Если в 1992 году страны G7 производили 45.5% мирового ВВП, а государства, входящие сейчас в БРИКС, – 16.7%, то в 2023 году эти показатели составляли 29.3 и 37.4% соответственно. В 2004–2022 гг. в глобальном производстве продукции обрабатывающей промышленности доля G7 снизилась с 57.5 до 33.6%, тогда как удельный вес государств БРИКС+ вырос с 14.6 до 39.0%, а стран АСЕАН – с 2.9 до 4.7% [\[24, с.6,7\]](#). Китай ещё в 2016 году занял ведущее место среди крупнейших экономик мира, а в 2022 году его ВВП уже заметно превышал соответствующий показатель США – \$31,559 млрд. против \$23,149 млрд [\[32\]](#).

Китай – ведущий в мире производитель и экспортер промышленной продукции. Ещё в 2015 году на его долю приходилось 90% мобильных телефонов, 80% кондиционеров, 60% цветных телевизоров, 28% автомобилей, 41% морских судов, 80% компьютеров,

50% холодильников, [\[14, с.31\]](#). Он же превратился в ведущего актора международной торговли, увеличив в 1990 – 2022 г.г. долю в мировом экспорте с 1,8 до 14,4%, а в импорте – с 1,5 до 10,6%. При этом вклад промышленно развитых стран в мировой экспорт снизился с 77,7 до 54,7%, а в мировой импорт – с 79,8 до 59,5%. [\[11, с.7\]](#).

Динамика международных торговых потоков и санкционная политика, проводимая Западом в отношении России и её торговых партнеров, привели к изменениям в области валютно-финансовых отношений. В 2023 году китайский юань занял вторую позицию в международных расчетах, потеснив общеевропейскую валюту. Доллар США сохраняет своё ведущее положение как международное платежное средство, однако его доля в международных резервах за последние 25 лет сократилась с 71,1 до 57,8% [\[19, с.11\]](#). При этом А.В. Холопов подчёркивает, что «наличие у Китая огромных валютных резервов (3.2 трлн долл. на начало 2025 г.) позволяет не допускать резких колебаний курса национальной валюты. В результате, по некоторым данным, уже более 80 центральных банков в мире имеют резервы в юанях» [\[19, с.12\]](#). Это также свидетельствует о кризисе современного социального миропорядка и его неизбежной трансформации.

Несмотря на позитивные социальные изменения, большинство развивающихся стран не решили стоявшие перед ними проблемы. Глобальная проблема «Север – Юг» не ушла в прошлое. Масштабы глобального неравенства растут. Более того, попытки преодолеть зависимость от стран коллективного Севера государствами Глобального Юга жестко пресекаются. Предпринимаются меры по сдерживанию развития развивающихся стран, снижению их конкурентоспособности. Очевидно, что тенденция к изменению баланса сил в международной экономике носит устойчивый характер, а сложившийся миропорядок превратился в один из факторов глобальной нестабильности. Попытки его сохранить малопродуктивны и даже деструктивны. Санкционное давление на бывших «вассалов», ужесточение в отношении них тарифных ограничений лишь обостряют противоречия между основными акторами мирохозяйственных связей и приближают крах мирового социального порядка, создание которого стало результатом либеральной глобализации. Стремление США сохранить и даже укрепить доминирование в области политики при утрате экономического лидерства ускоряют процессы дезинтеграции. Это позволило ряду ученых-глобалистов сделать вывод о «конце глобализации» и начале процесса «деглобализации» [\[13, с.20\]](#).

Действительно, социальный порядок, основанный на правилах, продиктованных коллективным Западом, распадается, ибо разрушается единое глобальное экономическое и политическое пространство. В настоящий момент сложно точно определить контуры будущего миропорядка. Большинство исследователей считают переход к многополярному миру неизбежным. Так, В.С. Загашвили считает, что «что мы наблюдаем сейчас, правильнее считать не деглобализацией, а временным замедлением глобализационной динамики» [\[16, с.13\]](#). Ю.Н. Саямов отмечает, что «формирование многополярного мира – не деглобализация, а переход к новому этапу глобализации» [\[27, с.43\]](#). По мнению В.Н. Розова, «процессы глобализации отнюдь не прекратились, несмотря на многократные объявления о ее конце. Вместе с тем отчетливее проявляются глубинные цивилизационные разломы» [\[4, с.104\]](#). К.В. Асмолов и К.В. Бабаев, подчеркивая, что происходит «деглобализация, или, более конкретно, кластеризация мира и международных экономических отношений, основанная на политических предпочтениях», выдвигают гипотезу о формировании «триполярного мира» [\[20, с. 165 - 166\]](#). И.В. Ильин и О.Г. Леонова формулируют гипотезу о переходе глобального

социального порядка от стадии «мультилатерализма», предполагающего всеобщий характер процессов экономического, политического сближения стран и народов, к «минилатерализму», предполагающему укрепление сотрудничества на региональном уровне [8, с.15 - 16]. А это свидетельствует об определённой «фрагментации» единого для всех акторов социального миропорядка. Согласно концепции британского учёного Д. Лэйна, распад сложившейся мировой системы может привести как к формированию «ультракапиталистического империализма», так и «раздвоенной мировой системы, состоящей из гегемонистского капиталистического ядра и конкурирующего контрядра» и даже «глобализированному социализму - новой общественной формации, превосходящей капитализм» [26, с.48]. Конечно, вряд ли мировое сообщество готово в настоящий момент к объединению усилий для построения глобального социализма. Иные сценарии, включая иррациональные и даже деструктивные, в современном динамично меняющемся мире возможны. А вот возврат к прежнему социальному миропорядку – нет, ибо глобальные изменения носят объективный характер.

Выводы.

Проведённое исследование подводит нас к однозначному выводу: мы являемся свидетелями не просто кризиса сложившейся модели социально-экономического и политического порядка с последующим «выздоровлением», а его принципиальной трансформации с неочевидными последствиями. Возможны различные сценарии будущего развития событий. Сейчас трудно определить контуры нового мироустройства. Однако очевидно, что миропорядок, основанный на правилах, разработанных мировым меньшинством для поддержания глобальной гегемонии и выкачивания необходимых для поддержания уровня национального благосостояния ресурсов по всему миру, постепенно уходит в прошлое.

Формирование многополярного равноправного мира как тенденция общественного развития неизбежно, но в ближайшей перспективе оно представляется нам маловероятным. Государства «золотого миллиарда» вряд ли без боя откажутся от политики ограбления Глобального Юга. Ведь трансформация социального миропорядка на принципах международного права, равенства и справедливости угрожает сложившимся западным социальным практикам, а в конечном счете – позициям глобалистских политических элит. Промышленно развитые страны Запада по-прежнему сохраняют некоторые конкурентные преимущества в сфере экономического, социального и технологического развития. Однако эти преимущества становятся всё менее очевидными. Не в последнюю очередь это обусловлено нарастанием экономических противоречий между такими центрами силы в глобальной экономике, как США и Европейский Союз. Роль последнего как одного из ведущих акторов международных отношений в силу ряда причин, включая неспособность лидеров объединенной Европы просчитывать последствия принимаемых решений, неуклонно снижается. Падение политического веса ЕС в рамках сложившегося миропорядка неуклонно ведет к снижению глобальной конкурентоспособности экономик европейских стран, ранее активно опиравшихся на властный ресурс. Наблюдается усиление конкурентных позиций в мирохозяйственных связях стран глобального Юга, стремящихся к ослаблению зависимости от промышленно развитых государств и формированию более справедливого международного политического и социально-экономического порядка, основанного не на правилах, а понятных всем акторам принципах международного права. Следовательно, происходящие в мире социальные изменения имеют объективную основу, ибо опираются на постоянно укрепляющийся экономический базис. В этих условиях все более значимой становится политика российского государства,

направленная на укрепление национального суверенитета, в том числе в сфере экономического развития.

Библиография

1. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
3. Грэм Т. Перестройка мирового порядка // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 23-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-23-34 EDN: ZMLMXF
4. Розов В. Н. Возможно ли правовое самоограничение западной гегемонии? // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 1. С. 102-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-102-112 EDN: NMTTAM
5. Фукуяма Ф. Конец истории? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (дата обращения: 10.09.2025)
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33. EDN: EQVQMD
7. Елишев С. О. Осмысление сущности "Большой Игры" классиками русской школы геополитики (Окончание) // Вестник МГУ. Сер. Социология и политология. 2025. № 1. С. 21-43. DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-21-43 EDN: ABJLMQ
8. Ильин И. И., Леонова О. Г. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов // Вестник МГУ. Сер. Глобалистика и геополитика. 2023. № 3. С. 3-19.
9. Комолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2. С. 34-47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47 EDN: ZCLMIZ
10. Локтионов В. И. Фрагментация глобального социального капитала // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 7. С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14 EDN: TJYBES
11. Мартыанов В. С. Шанс России на обновление глобальной современности // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 56-67. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-56-67 EDN: FVLPGG
12. Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119-141. EDN: SFMMNT
13. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3. С. 19-34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02 EDN: UJAYDK
14. Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 25-33. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33 EDN: YWWRGH
15. Глазьев С. Ю. О вызовах экономическому развитию России и ЕАЭС в условиях структурных изменений Мир-Системы // Век глобализации. 2024. № 4. С. 3-19. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.01 EDN: FSPDSQ
16. Загашвили В. С. Мировая торговля в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-5-14 EDN: CLOMVT
17. Кузнецов А. В. Механизмы международных финансовых отношений в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-5-13 EDN: LEJXLN
18. Ногейра Батиста П. Альтернативные валюты и платёжные системы: БРИКС и не только

- // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 46-64. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-46-64 EDN: SAAEBA
19. Холопов А. В. Резервные валюты: перемены возможны? // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 9. С. 5-15. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-5-15 EDN: IRAUDT
20. Асмолов К. В., Бабаев К. В. Трёхполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 165-181. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181 EDN: IRHZPK
21. Бирюкова О. В. Трансформация парадигмы торговой политики: теоретический и институциональный аспекты // Вопросы экономики. 2024. № 10. С. 142-155. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-142-155 EDN: RQMWSE
22. Вонг Н. Неизведанным курсом в эпоху великих перемен // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 72-79. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-72-79 EDN: SXZUBG
23. Гринин Л. Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 90-115. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.07 EDN: RIWWRT
24. Мальцев А. А., Чичилимов С. В. Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 4. С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14 EDN: AYTOQY
25. Миловидов В. Д., Аскер-Заде Н. В. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 37-45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45 EDN: NLEJDE
26. Лэйн Д. Империализм: вчера и сегодня // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 5. С. 45-58.
27. Саямов Ю. Н. Глобализация и деглобализация: две стороны одной медали // Век глобализации. 2025. № 1. С. 39-49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03 EDN: VABIAK
28. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Глобальные социальные изменения: риски для «государства всеобщего благосостояния» // Социодинамика. 2024. № 1. С. 41-52. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.69248 EDN: LCDQNH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69248
29. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Глобальные социальные изменения: риски для «государства всеобщего благосостояния» // Социодинамика. 2024. № 1. С. 41-52. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.69248 EDN: LCDQNH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69248
30. Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2. С. 3-19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01 EDN: ICPMUP
31. Евстафьев Д. Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8-21. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21 EDN: SJQIJN
32. Баланс сильных: доля развивающихся стран в мировом ВВП превысит 60% к 2026 году. – Известия. 16.01.2024. URL: <https://iz.ru/1634618/mariia-kolobova/balans-silnykh-dolia-razvivaiushchikhsia-stran-v-mirovom-vvp-prevysit-60-k-2026-mu> (дата обращения: 10.09.2025)
33. Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // International Affairs. 2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-019-00219-7> (дата обращения 04.11.2025)
34. Lamy P., Köhler-Suzuki N. Deglobalization is Not Inevitable: How the World Trade Organization Can Shore up the Global Economic Order // Foreign Affairs. 2022. June 9. URL:

<https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-06-09/deglobalization-not-inevitable> (дата обращения 04.11.2025)

35. Witt M.A. De-globalization: Theories, predictions, and opportunities for international business research // Journal of International Business Studies. 2019. Vol. 50. Pp. 1053–1077. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-019-00219-7> (дата обращения 04.11.2025) DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7 EDN: PGNYEO

36. Livesey F. Unpacking the Possibilities of Deglobalisation // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. No. 11. Pp. 177–187.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает трансформация глобального социально-экономического и политического порядка, проявляющаяся в изменении соотношения экономических сил между развитыми странами Запада и государствами Глобального Юга, сопровождающаяся деградацией международных институтов регулирования и формированием альтернативных центров экономической и политической власти. Научная актуальность работы обусловлена наблюдаемым глубочайшим кризисом существующего миропорядка, усугубляемым обострением противоречий между Севером и Югом, ростом глобального неравенства, нестабильностью международных институтов и необходимостью анализа объективных процессов трансформации в условиях, когда традиционные модели глобализации терпят крах. Выбранная авторами тема приобретает особую актуальность в контексте распада однополярной системы международных отношений и необходимости осмысления объективных процессов перераспределения экономического влияния в пользу развивающихся стран, что определяет траектории будущего глобального развития и требует переосмысления устоявшихся концепций мирового порядка. Практическая значимость темы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности России в условиях формирования многополярного мира, а также при прогнозировании сценариев развития международных экономических отношений и выработке мер по укреплению национального суверенитета. Методологическая база построена на междисциплинарном подходе, сочетающем применение теоретических и эмпирических методов. Основу работы составляет вторичный анализ статистических данных международных организаций (ООН, национальных статистических служб) и научной литературы по проблемам глобализации и трансформации мирового порядка. Используется метод межстранового сравнения экономических показателей (динамики ВВП, доли в мировом экспорте-импорте, валютных резервов) для выявления изменений в соотношении сил между развитыми и развивающимися странами. Применяется исторический подход для анализа эволюции миропорядка от послевоенного периода до настоящего времени. Теоретическая рамка исследования опирается на работы представителей различных школ – от мир-системного анализа И. Валлерстайна до концепций «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, что позволяет рассматривать проблему с множественных теоретических позиций. Синтез количественных данных и качественного анализа научных концепций, а также вполне корректное применение перечисленных выше методов позволило авторам получить результаты, имеющие

признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, выявлена и статистически обоснована смена экономического лидерства в мировой системе: к 2023 году доля стран Глобального Юга в производстве мирового ВВП достигла 58,8%, а государств БРИКС — 37,4% против 29,3% стран G7, что знаменует переломный момент в глобальной экономической иерархии и разрушение базиса послевоенного миропорядка. Обоснован тезис о том, что кризис либеральной глобализации имеет не случайный, а структурный и системный характер, связанный с изменением соотношения сил между центром и периферией мировой экономики. Показано, что восходящие экономики Глобального Юга стали ключевыми драйверами трансформации мировой системы, что ведет к ослаблению доминирования «золотого миллиарда». Кроме того, установлена причинно-следственная связь между перемещением производственного капитала в развивающиеся страны (стимулированным поиском более выгодных условий ведения бизнеса транснациональными корпорациями) и утратой западными странами роли локомотива глобальной экономики, что привело к структурному кризису либеральной модели глобализации. Наконец, обоснован вывод о том, что наблюдаемые процессы не являются временным кризисом с последующим восстановлением прежнего порядка, а представляют собой необратимую системную трансформацию миропорядка с неизбежным переходом к многополярной или фрагментированной мировой системе, в которой попытки Запада сохранить доминирование посредством санкций и протекционизма лишь ускоряют дезинтеграционные процессы. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Хотя названия некоторых разделов вызывают вопросы (почему, например, раздел «Теоретический дискурс» так назван? почему не выбран более привычный вариант «Теоретическая база исследования», «Концептуальная рамка» и т.д.?) В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность выбранной темы и формулируется цель исследования; - «Теоретический дискурс», где представлен обзор теоретических работ российских и зарубежных исследователей, посвященных системе международных отношений (И. Валлерстайн, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.), кризису мирового порядка (С.О. Елишев, И.В. Ильин, О.Г. Леонова, Н.Г. Осипова, А.Н. Чумаков и др.), процессам в мировой экономике (В.Г. Варнавский, С.Ю. Глазьев, А.В. Кузнецов, А.В. Холопов и др.) и возможным сценариям будущего миропорядка (К.В. Асмолов, К.В. Бабаев, Л.Е. Гринин, В.Н. Розов, Ю.Н. Саямов и др.), что обеспечивает многомерную теоретическую основу исследования; - «Методы исследования», где описывается методология работы, включающая анализ фундаментальных и актуальных исследований по проблемам глобальных изменений, применение общетеоретических методов (научная гипотеза, анализ, синтез, сравнение), статистического анализа данных международных организаций и национальных статистических служб, методов межстранового сравнения социально-экономической динамики и структурных изменений в международной торговле и движении капитала; - «Результаты исследования», где представлен развернутый анализ трансформации мирового порядка через призму изменения экономического баланса сил: показано перемещение производственного капитала в развивающиеся страны, достижение странами Глобального Юга паритета и последующего превосходства над Севером по доле в мировом ВВП (58,8% в 2023 году), рост доли БРИКС в обрабатывающей промышленности до 39% против 33,6% у G7, усиление позиций Китая как ведущей экономики и торговой державы, изменения в валютно-финансовой сфере с укреплением позиций юаня; обосновывается неизбежность трансформации миропорядка на основе объективных экономических факторов, рассматриваются различные научные концепции будущего устройства мира (многополярность, триполярность, минилатерализм, раздвоенная мировая система),

критикуется неэффективность попыток Запада сохранить доминирование через санкционное давление и протекционизм; - «Выводы», где резюмируются результаты проведенного исследования; формулируется основной вывод о том, что происходящие изменения представляют собой не временный кризис, а фундаментальную необратимую трансформацию миропорядка с неочевидными последствиями; констатируется уход в прошлое системы, основанной на правилах мирового меньшинства; признается неизбежность тенденции к многополярности, но маловероятность ее скорой реализации в силу сопротивления западных элит; отмечается снижение роли Европейского Союза и усиление позиций стран Глобального Юга; подчеркивается объективный характер социальных изменений, опирающихся на экономический базис, и возрастающая значимость политики России по укреплению национального суверенитета. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое (не очень большое, но критически важное!) количество стилистических (например, неоднократно встречающаяся ошибка в написании выражения «социально-экономический» с тире [еще и обрамленным пробелами!] вместо дефиса «социально – экономический»; аналогичная проблема в написании других сложных прилагательных и существительных: «военно – политическими», «ученых – глобалистов» и т.д.; или использование плеоназмов вроде крайне перегруженного не несущими никакого смысла подробностями предложения «В качестве методологической основы проведенного авторами исследования выступили фундаментальные труды и недавно опубликованные работы известных зарубежных и российских философов, социологов, политологов, экономистов, специалистов в области международных отношений, авторы которых с различных ракурсов анализируют происходящие в современном мире глобальные изменения мирового порядка» (приведенное предложение можно было сократить как минимум вдвое без ущерба той информации, которую оно несет); или повтор одних и тех же слов в соседних и иногда даже в одном и том же предложении (дериваты слова «глобальный» употребляются в тексте 135 (!) раз, производные слова «миропорядок» – 30 раз); и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Граница глобального неравенства проходили по оси...», «Стремление США... ускоряют...»; или пропущенные запятые в предложениях «Не все элиты и социальные группы, в том числе в силу ментальных особенностей и сложившегося традиционного социального порядка позитивно восприняли перемены...»; или пропущенные слова, следствием чего оказывается утрата смысла, как в предложении «Это привело к интенсификации процессов межгосударственного перемещения капитала в форме прямых производственных и созданию современных промышленных предприятий в развивающихся странах»; или ошибка в написании слова «дезынтеграции»; но самая главная проблема, вынудившая рецензента рекомендовать статью к доработке – имеющийся в тексте повтор одного и того же предложения «Стремление США сохранить и даже укрепить доминирование в области политики при утрате экономического лидерства ускоряют процессы дезинтеграции» [причем, в одном случае слово «дезинтеграции» написано верно, а в другом – с ошибкой]; и др.) ошибок, что и стало основной причиной рекомендации статьи к доработке. Хотя в целом статья написана более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Но публиковать текст с повторяющимися фрагментами нельзя, это серьезное нарушение академических норм. Библиография насчитывает 32 наименования и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счет использования источников на иностранных языках. Исследуемая авторами тема проблематизируется далеко не только на русском языке, а актуальность используемых ими переводов уже не может не вызывать вопросов. В любом случае, выбранная тема диктует необходимость

рассмотрения источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе теоретической рамки исследования. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих высоко оценивать ее публикационные перспективы, следует отметить тщательную эмпирическую проработку основных тезисов, а также широту теоретического кругозора. В статье представлен обширный массив конкретных статистических данных с точными цифрами и временными периодами (например, динамика доли стран G7 и БРИКС в мировом ВВП с 1992 по 2023 год, изменение структуры мирового экспорта-импорта, валютные резервы Китая), что превращает исследование из абстрактных рассуждений о кризисе глобализации в доказательный анализ структурных экономических сдвигов, подтверждающий объективность происходящих трансформаций. Кроме того, авторы привлекают для анализа работы представителей различных научных школ и направлений – от классиков мир-системного анализа и теории глобализации до современных российских исследователей международных отношений, что позволяет рассмотреть проблему трансформации миропорядка в множественных интерпретациях (деглобализация, минилатерализм, триполярность, раздвоенная система) и избежать односторонности в выводах.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Однако текст имеет относительно небольшое количество, но критически важных недостатков, нуждающихся в устранении. Прежде всего, речь идет о повторе фрагмента текста, а также о грамматических ошибках. В целом, полученные авторами результаты будут интересны исследователям в области международных отношений, политологам, специалистам по мировой экономике, изучающим процессы глобализации и ее трансформации. Материал представляет ценность для преподавателей вузов, читающих курсы по геополитике, международной политической экономии, истории международных отношений. Статья может быть полезна аналитикам государственных структур и экспертным центрам, занимающимся вопросами внешней политики и внешнеэкономической стратегии России в условиях формирования многополярного мира. Представленные данные и выводы заинтересуют широкий круг специалистов, исследующих проблематику глобального Юга, БРИКС, трансформации западоцентричной модели мироустройства. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает изменение соотношения экономических сил между странами глобального Севера и Юга в период с 1990-х годов по 2023 год и влияние этих изменений на трансформацию сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений. Научная актуальность работы определяется необходимостью осмысления текущих процессов перераспределения

глобальной экономической и политической власти, которые сопровождаются ростом международной напряженности, санкционными войнами и попытками пересмотра устоявшихся механизмов регулирования мирохозяйственных связей. Практическая значимость статьи состоит в предоставлении оснований для разработки государственной политики, направленной на укрепление национального суверенитета, особенно для стран вроде России, в условиях перехода к многополярному миру, а также в помощи политикам и экспертам в концептуализации сценариев глобальных трансформаций для минимизации рисков и использования возможностей для справедливого развития. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий внешнеэкономической политики государств, стремящихся к укреплению национального суверенитета в условиях формирующегося многополярного миропорядка, а также при прогнозировании траекторий развития международных экономических и политических отношений. Методология исследования описана в работе довольно странно. Например, авторы статьи отнесли к «общенаучным методам» не только анализ и синтез, сравнение и аналогию (хотя зачем перечислять эти методы, осталось загадкой), но и «научную гипотезу», которая, разумеется, никаким методом (даже общенаучным!) не является. Научная гипотеза – это предположение, которое требует проверки в процессе исследования, а не метод, который является инструментом этого исследования. На будущее авторам нужно учесть этот момент и более строго подходить к рефлексии и аргументации своего теоретико-методологического выбора. Описывать «общенаучные методы» в научных публикациях вообще не принято – это лишняя информация, подразумеваемая сама собой. И конечно же, не стоит к методам относить любые красивые слова и выражения вроде «научная гипотеза». А вот конкретные методы, которые использовались в процессе исследования, нужно раскрывать как можно более подробно, не ограничиваясь отписками вроде «активно [почему "активно"? это в данном случае плеоназм – рец.] применялись методы анализа актуальной статистической информации». Вот здесь как раз нужно прояснять, какие именно методы анализа применялись, ведь методов статистического анализа довольно много. Далее. Почему «в качестве методологической основы» авторы используют не конкретные подходы и методы, а «фундаментальные труды и недавно опубликованные работы»? Как научная работа, какой бы важной и значимой она ни была, может выступать «методологической основой»? Разумеется, это такое же некорректное выражение для описания методологии (которым, к сожалению, иногда учат студентов), как и гипотеза в роли метода. Если резюмировать довольно сумбурное авторское описание теоретико-методологической базы исследования, то получится следующее. Авторы применяют междисциплинарный подход, сочетающий методы макроэкономического анализа, сравнительной политологии и социологии международных отношений. Основу эмпирической базы составляет вторичный статистический анализ данных (преимущественно частотный анализ описательной статистики) о динамике мирового ВВП, структуре международной торговли, объемах прямых иностранных инвестиций и изменениях в валютно-финансовой системе за период с 1990-х годов по 2023 год. Используется метод межстранового сравнения экономических показателей (динамики ВВП, доли в мировом экспорте-импорте, валютных резервов) для выявления изменений в соотношении сил между развитыми и развивающимися странами. Исследование также опирается на контент-анализ документов международных организаций и концептуальный анализ существующих теоретических концепций глобализации, представленных в работах И. Валлерстайна, Э. Гидденса, С. Хантингтона и российских исследователей. Методологически работа тяготеет к политико-экономическому структурализму, рассматривающему глобальные процессы через призму конфликта интересов между центром и периферией мировой

системы. Тем не менее, вполне корректное применение перечисленных методов позволило авторам получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленном переломном моменте в соотношении экономических сил: исследование описывает достижение странами Глобального Юга экономического паритета с промышленно развитыми государствами в 2007 году и последующее увеличение их доли в мировом ВВП до 58,8% к 2023 году, при этом доля БРИКС в глобальном производстве обрабатывающей промышленности впервые превысила показатель G7, достигнув 39,0% против 33,6%. В этом контексте установлено, что кризис современного мирового порядка обусловлен не только геополитическими конфликтами, но и внутренними противоречиями самой модели либеральной глобализации, что подтверждает ее системный характер. Выявлены также конкретные эмпирические индикаторы смещения центра мировой экономической активности в сторону стран Глобального Юга (доля в ВВП, торговых потоках, валютных резервах), что позволяет зафиксировать реальное перераспределение экономической мощи. Кроме того, в процессе работы определена причинно-следственная связь между перераспределением экономической власти и институциональным кризисом: авторы демонстрируют, что утрата промышленно развитыми странами экономического лидерства при сохранении ими контроля над институтами глобального регулирования создает структурное противоречие, которое проявляется в росте санкционного давления, торговых войн и попытках сдерживания развития конкурентов, что в совокупности ускоряет разрушение сложившейся системы международных отношений. Наконец, по результатам исследования концептуализирован переход от мультилатерализма к минилатерализму как форма фрагментации глобального порядка: на основе анализа различных теоретических сценариев трансформации миропорядка (от триполярного мира К.В. Асмолова и К.В. Бабаева до концепции раздвоенной мировой системы Д. Лэйна) исследование обосновывает тезис о том, что современный кризис представляет собой не временное замедление глобализации, а переход к новому этапу, характеризующемуся усилением региональных форм интеграции и ослаблением универсальных механизмов регулирования. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и репрезентирует основные аспекты проведенного исследования. Хотя некоторые из авторских решений могут вызывать вопросы (например, зачем традиционный раздел «Теоретическая база исследования» назван «Теоретическим дискурсом»? авторы не проводят различия между дискурсом и концептуальной научной базой? они следуют новым интеллектуальным модам, где гипотеза – это метод, а дискурс – это научная теория? а зачем они следуют этим модам?) В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность выбранной темы, ставится научная проблема и формулируется цель исследования; - «Теоретический дискурс», где представлен обзор научной литературы, структурированный по трем тематическим блокам: фундаментальные теории мирового порядка и глобализации, исследования кризиса современной системы международных отношений и работы, посвященные анализу сдвигов в мировой экономике и возможных сценариев будущего развития; - «Методы исследования», где довольно сумбурно описывается применяемый авторами методологический инструментарий; - «Результаты исследования», где содержится развернутый анализ эмпирических данных, демонстрирующих изменение соотношения экономических сил между Севером и Югом: авторы последовательно рассматривают динамику производства мирового ВВП, роль Китая как ведущего мирового производителя и экспортера, изменения в структуре международной торговли и валютно-финансовых отношениях, включая рост использования юаня в международных расчетах, а также обсуждают различные теоретические концепции будущего

миропорядка (многополярность, деглобализация, минилатерализм, триполярный мир); - «Выводы», где резюмируются итоги проведенного исследования, формулируется основной вывод о необратимой трансформации существующего миропорядка, подчеркивается маловероятность быстрого формирования равноправного многополярного мира из-за сопротивления стран «золотого миллиарда», анализируется ослабление конкурентных позиций Европейского Союза и отмечается растущее значение политики укрепления национального суверенитета для России в контексте глобальных изменений. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, ошибочное написание выражения «социально-экономический» с тире вместо дефиса «социально – экономический»; и др.) и грамматических (например, несогласованное предложение «Теоретической основой данного исследования выступают труды российских и зарубежных ученых, посвященных анализу...»; или пропущенная запятая при перечислении фамилий авторов «В.Д. Миловинова Н.В. Аскер-Заде»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 36 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе теоретической рамки исследования. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, следует отметить широкую эмпирическую базу, привлеченную для анализа, а также междисциплинарный характер исследования. Авторы представили результаты серьезной аналитической работы и подкрепили свои выводы конкретными статистическими данными: в статье приводятся точные цифры изменения долей стран в мировом ВВП, в производстве обрабатывающей промышленности, в международной торговле за длительный период (с 1990-х годов по 2023 год). Особенно сильным является анализ экономического подъема Китая с конкретными показателями его доли в производстве различных товаров, что позволило авторам не просто декларировать тезис о смещении экономической власти на Восток, но и количественно его обосновать. Кроме того, исследование выгодно отличается тем, что не ограничивается рассмотрением чисто экономических показателей, а связывает изменения в структуре мирового производства с политическими, институциональными и социальными трансформациями. Авторы показывают, как экономические сдвиги влияют на валютно-финансовую систему, на политику санкций, на формирование новых интеграционных объединений и на кризис международных институтов регулирования, что создает целостную картину происходящих в мире изменений и позволяет понять глубинные механизмы трансформации глобального порядка.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны исследователям, работающим в области международных отношений, мировой экономики и глобальной социологии, а также специалистам государственных органов, занимающимся вопросами внешнеэкономической политики и стратегического планирования. Материал может быть полезен преподавателям и студентам программ по международным отношениям, политологии и мировой экономике, поскольку содержит актуальные данные о текущих трендах глобального развития. Работа также представляет интерес для аналитиков и экспертов, специализирующихся на проблематике многополярности, трансформации глобального управления и перспектив развития незападных центров силы в современной мировой системе. Представленный материал соответствует тематике

журнала «Социодинамика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации при условии устранения высказанных замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают изменения в соотношении экономической мощи между странами Глобального Севера и Юга в период с 1990-х годов по 2024 год, выраженные через показатели ВВП, структуру международной торговли, прямые иностранные инвестиции и трансформацию валютно-финансовой системы. Научная актуальность работы обусловлена текущим кризисом либеральной глобализации, проявляющимся в разрушении международных институтов, росте протекционизма и обострении противоречий между Севером и Югом, что требует анализа для понимания динамики мировых изменений на фоне событий до 2024 года. Исследование обращается к масштабной проблеме перераспределения глобальной экономической и политической власти в ситуации, когда страны БРИКС+ впервые в постколониальной истории превзошли государства G7 по совокупному производству ВВП и продукции обрабатывающей промышленности, что порождает потребность в научном осмыслении новой конфигурации международных отношений. Практическая значимость заключается в предоставлении основ для разработки политики суверенного развития стран, включая Россию, путем оценки сценариев многополярности и рекомендаций по преодолению зависимости от западных структур, что может помочь в формировании более справедливого международного порядка. Результаты исследования могут применяться также при разработке стратегий внешнеэкономической политики государств и прогнозировании сценариев реконфигурации глобального политического и экономического порядка в условиях нарастающей геополитической напряженности и фрагментации мировой экономики на региональные кластеры. Фактически применяемая методология статьи базируется на вторичном анализе официальной экономической статистики международных организаций и национальных статистических служб за тридцатилетний период. Авторы используют метод межстрановых сравнений макроэкономических показателей для демонстрации изменений в соотношении экономической мощи между двумя группами государств: промышленно развитыми странами Севера и развивающимися странами Юга. Применяется дескриптивный статистический анализ временных рядов, позволяющий проследить динамику долей различных государств и их объединений в мировом ВВП, международной торговле и валютных резервах. Теоретическую рамку исследования составляет политико-экономический структурализм, использующий концепцию «центр-периферия» И. Валлерстайна для интерпретации наблюдаемых экономических трансформаций как следствия конфликта интересов между доминирующими и зависимыми элементами мировой системы. Вполне корректное применение перечисленных выше методов позволило авторам получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, получены количественные данные о моменте достижения экономического паритета между Глобальным Севером и Югом (2007 год) и

последующего превышения доли развивающихся стран в мировом ВВП до 58,8% к 2023 году, что позволяет зафиксировать завершение эпохи безусловного экономического доминирования промышленно развитых государств, существовавшего на протяжении всего послевоенного периода. Выявлено, что ключевым фактором кризиса либерального мирового порядка стало изменение экономического баланса сил в пользу стран Глобального Юга, что подрывает прежнюю иерархию мировой экономики. Кроме того, в процессе работы установлена специфическая последовательность экономических и политических процессов, при которой утрата экономического лидерства странами G7 не сопровождается автоматической утратой политического влияния, что создает разрыв между экономическим базисом и политической надстройкой глобального порядка и порождает фазу обостренной конфликтности в международных отношениях. Наконец, по результатам исследования обоснован тезис о неоднородности процесса трансформации мирового порядка, который характеризуется не линейным переходом от однополярности к многополярности, а фрагментацией на региональные кластеры взаимодействия («минилатерализм»), где различные группы государств формируют собственные подсистемы экономических и политических отношений, не обязательно интегрированные в единое глобальное пространство. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы:

- «Введение», где описывается проблемная ситуация, связанная с кризисом сложившегося после Второй мировой войны мирового порядка, который базировался на доминировании коллективного Запада и игнорировании интересов развивающихся стран, что привело к углублению глобального неравенства, росту бедности и обострению противоречий между Севером и Глобальным Югом;
- «Теоретическая база исследования», где представлен обзор релевантной научной литературы, охватывающей работы зарубежных и российских исследователей, посвященные анализу системы международных отношений, причинам кризиса сложившегося миропорядка, изменениям в мировой экономике и возможным сценариям трансформации глобальных политических и экономических структур;
- «Методы исследования», где описывается методологическая база работы, включающая системный и структурно-функциональный анализ, междисциплинарный подход, сочетающий макроэкономический анализ с методами сравнительной политологии и социологии международных отношений, а также вторичный статистический анализ данных о мировом ВВП, международной торговле, прямых инвестициях и валютно-финансовой системе за период с 1990-х годов по 2024 год;
- «Результаты исследования», где демонстрируется изменение соотношения экономической мощи между странами G7 и государствами БРИКС+, обосновывается тезис о том, что экономическое ослабление Запада является глубинной причиной кризиса современного миропорядка, анализируются различные теоретические концепции будущего мироустройства, включая многополярность, триполярность, минилатерализм и альтернативные сценарии развития глобальной системы;
- «Выводы», где резюмируются итоги проведенного исследования, утверждается неизбежность принципиальной трансформации сложившегося социально-экономического и политического порядка, констатируется, что формирование многополярного равноправного мира как тенденция является объективным процессом, однако в ближайшей перспективе маловероятным из-за сопротивления стран «золотого миллиарда»; подчеркивается усиление конкурентных позиций стран Глобального Юга и возрастающая значимость политики России, направленной на укрепление национального суверенитета.

Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, повторы одних и тех же слов в одном предложении «В 2007

году страны Глобального Юга достигли..., а ... их доля в производстве глобального ВВП достигла...»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 36 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе научной литературы по проблематике работы. Рецензируемая статья имеет несколько ключевых достоинств, позволяющих рекомендовать ее к публикации. Прежде всего, работа опирается на обширный массив эмпирических данных из официальных источников, охватывающих три десятилетия глобальных экономических трансформаций, что позволяет авторам подкреплять теоретические положения конкретными количественными показателями, такими как изменение долей G7 и БРИКС в мировом ВВП с 45,5% и 16,7% в 1992 году до 29,3% и 37,4% в 2023 году соответственно, или сведения о росте доли Китая в мировом экспорте с 1,8% до 14,4% за период 1990–2022 годов, что придает аргументации высокую степень фактологической обоснованности. Кроме того, авторы представили широкий спектр теоретических перспектив на трансформацию мирового порядка, включая концепции многополярности, триполярности, минилатерализма и радикальные сценарии Дэвида Лэйна о возможности формирования «раздвоенной мировой системы» или даже «глобализированного социализма», что демонстрирует способность к объективному изложению альтернативных точек зрения без навязывания единственно верной интерпретации происходящих процессов, хотя и с явной авторской позицией, выраженной в финальных разделах работы.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны для исследователей в области международных отношений, мировой экономики и политической социологии, специализирующихся на проблемах глобализации и трансформации мирового порядка. Материал окажется полезен аналитикам, работающим в сфере внешнеэкономической политики и стратегического прогнозирования, поскольку содержит систематизированные данные об изменении экономического баланса сил между основными группами государств. Публикация заинтересует специалистов по странам БРИКС, исследователей китайской экономики и ученых, изучающих процессы регионализации международных экономических отношений, а также может использоваться в образовательных целях при преподавании курсов по современной мировой политике и глобальной экономике. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Карпов Г.А. Семья и брак в современной Великобритании // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76667 EDN: GIZMID URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76667

Семья и брак в современной Великобритании

Карпов Григорий Алексеевич

доктор исторических наук

старший научный сотрудник, Институт Африки, Российская академия наук

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

[Статья из рубрики "Семья и общество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76667

EDN:

GIZMID

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2025

Дата публикации:

16-11-2025

Аннотация: В современных западных странах происходит глубокая трансформация социальной сферы, одним из ключевых направлений которой является изменение института семьи и брака. В статье анализируются основные тенденции и факторы, определяющие развитие семейных и брачных отношений в Великобритании наших дней. На основе значительного корпуса статистических данных проведён комплексный анализ динамики числа браков и разводов, структуры домохозяйств, состава и количества семей. Особое внимание уделено росту популярности гражданского партнёрства как альтернативы традиционному браку, а также распространению инфантильных установок среди британской молодёжи. Автор отмечает увеличение нагрузки на социальный сектор, связанное с уходом за пожилыми людьми и ослаблением традиционных семейных связей, что отражает общие процессы социальной модернизации. Методологическая база исследования опирается на статистический и сравнительный методы анализа, что позволило выявить тенденции ключевых социальных изменений.

Результаты исследования показывают, что крепкий моногамный брак в Великобритании постепенно утрачивает своё значение. Ему на смену приходят гражданское партнёрство, сожительство, совместное проживание без юридической фиксации отношений и одиночный образ жизни. Для молодых британцев создание полноценной многодетной семьи становится редким явлением, при этом многие из них предпочитают сохранять зависимость от родителей. Сокращение числа регистрируемых браков сопровождается ростом числа разводов, снижением рождаемости и уменьшением средней численности семей. В то же время в среде этнических и религиозных меньшинств, прежде всего выходцев из Южной Азии и Африки, сохраняются традиции крепкого брака, многодетности и заботы о старших поколениях, что оказывает заметное влияние на общие демографические процессы.

Ключевые слова:

семья, брак, гражданское партнёрство, Великобритания, демография, рождаемость, развод, домохозяйство, социальные изменения, инфантилизация

Введение

Соединенное Королевство вместе с другими западными странами проходит в наши дни этап коренной перестройки института семьи и брака. Изменяется состав семей, количество браков и разводов, теряют актуальность религиозные формы брачного союза, частью истории становится многодетность. Набирают популярность новые формы взаимоотношений – сожительство и гражданское партнерство.

Новые социальные реалии нашли отражение в опросных листах последней общенациональной переписи 2021 г. Был внедрен вопрос о том, совпадает ли пол опрашиваемого лица, зафиксированный при рождении, с идентифицируемым полом. Добровольно можно было указать свою сексуальную ориентацию и гендерную принадлежность, чем не преминули воспользоваться 92,5% опрашиваемых. Из них 89,4% указали, что они натуралы (гетеросексуалы), остальные отметили приверженность нетрадиционным отношениям^[1]. При этом только 0,5% участников переписи на вопрос о совпадении пола при рождении с идентифицируемым полом ответили «нет» (в возрастной группе от 16 до 24 лет таковых был 1%)^[2].

В британском обществе широко распространяется атеизм. Религиозная церемония сопровождала заключение брака в 2019 г. у 18,7% пар, а в 2020 г. – 15% (что является самым низким показателем за всю предыдущую историю наблюдений). По данным переписи 2021 г., 46,2% респондентов обозначили себя в качестве христиан, 6,5% – мусульман, 1,7% – индуистов, а 37,2% – атеистов^[3].

В целом наблюдается трансформация всей социальной ткани британского государства, что не осталось без внимания со стороны исследователей. В фокусе внимания зарубежных ученых находится проблематика восприятия семьи и брака различными этническими группами Великобритании^[4], влияние финансовых метрик на семейные и поведенческие паттерны молодых британцев^[5], изменение структуры семьи на длительном историческом промежутке и отражение этих процессов в публичной сфере^[6]. Отмечалось, в частности, положительное воздействие полноценной семьи на жизнь,

здоровье и благополучие детей по сравнению со всеми остальными формами брака и альтернативных взаимоотношений^[7]. Отечественные эксперты указывали на значительную роль семьи в процессе социализации подрастающего поколения западных стран^[8], трансформацию роли женщины в британской семье вкупе с современной тенденцией активного участия мужчин в домашних делах^[9], особое внимание уделялось эволюции семейной политики страны^[10]. Между тем, в российской историографии наблюдается некоторый дефицит работ по части анализа именно долгосрочных трендов развития семейной сферы Соединенного Королевства на основе статических данных. В настоящей статье автор делает попытку заполнить данный пробел.

Браки и разводы

Моногамная семья была фундаментом общественной структуры европейских государств на протяжении многих веков. В современной Великобритании данный институт уходит в прошлое. Жители страны сегодня создают примерно столько же новых семей, сколько создавали 100 лет назад – 200-300 тыс. в год. Количество разводов, между тем, выросло многократно – с нескольких тысяч в год столетие назад до 130-140 тыс. к 2010-2020-м гг.^[11]

Сегодня фактически распадается каждая вторая семья. Невелика средняя продолжительность брака – 10-12 лет. Тон здесь пока задает старшее поколение. Среди молодых пар (кто живет в браке менее 30 лет) средняя продолжительность брака составляет всего семь лет^[12]. На 1 тыс. взрослых жителей, не состоящих в браке, в 1991 г. в Англии и Уэльсе приходилось 39,3 брака среди мужчин и 33,2 брака среди женщин в год, в 1995 г. – 34,7 и 29,4, в 2001 г. – 27,4 и 23,7, в 2005 г. – 26,4 и 23,3, в 2011 г. – 23,4 и 21,3, в 2015 г. – 22,2 и 20,4, в 2019 г. – 19,1 и 17,8, соответственно^[13].

Сокращается доля полноценных семейных союзов. Если в 2013 г. женатые пары составляли 67,4%, просто сожительствующие – 15,9%, неполные семьи – 16,3%, гражданские пары – 0,3%, то в 2023 г. уже 65%, 17,6%, 16,3% и 1%^[14]. Пропорция одиноко живущих лиц стабильно высока в старших возрастных группах и среди людей детородного возраста (25–44 года) – почти 20%. В 2013 г. в возрастной группе 65 лет и старше 46,9% людей вели одинокий образ жизни, от 45 до 64 лет – 31,8%, от 25 до 44 лет – 18,8%, от 16 до 24 лет – 2,5%. К 2023 г. эти цифры не сильно изменились – 50,3%, 29,4%, 17,5% и 2,8%^[15]. Среди неполных семей преобладают мамы-одиночки, в 2013 г. таковых было 86,5% против 13,5% одиноких отцов, в 2023 г. – 85% и 15%, соответственно^[16].

Уменьшается количество молодых людей, проживающих в браке. В 1991 г. в возрастной группе 25–44 года семейную жизнь вели 5,1 млн женщин и 4,6 млн мужчин, в 2001 г. – 4,4 млн и 3,8 млн, в 2011 г. – 3,9 млн и 3,4 млн, в 2021 г. – 3,5 млн и 2,9 млн. В процентном отношении к общему числу лиц этой возрастной категории данные еще более презентабельны, в 1991 г. – 70,8% (женщины) и 65% (мужчины), в 2001 г. – 56,9% и 50,6%, в 2011 г. – 50,9% и 44,4%, в 2021 г. – 44,4% и 39,1%. Причем этот тренд будет усугубляться, потому что если обратиться к возрастной группе 20–24 года, то ситуация там выглядит еще более негативно, наблюдается многократное уменьшение семейных людей, в 1991 г. – 22,9% (девушки) и 11,1% (молодые люди), в 2001 г. – 11,2% и 4,7%, в 2011 г. – 7,6% и 3,1%, в 2021 г. – 3,7% и 1,5%, соответственно^[17].

Женатая молодежь в Соединенном Королевстве превратилась в исключительное явление. Традиционный семейный союз вытесняется гражданским партнерством и парами, не регистрирующими никаких отношений. Но это относится главным образом к коренному населению. Приезжие реже ведут одиночный образ жизни, браки среди них прочнее, а доля семейных людей заметно выше, чем среди местных жителей. В социальном плане они так же более активны, в их семьях примерно в полтора раза реже встречается проживание родителей со взрослыми детьми, чем у британцев, - 3,38% против 5,57%, с одним ребенком-иждивенцем (от одного или обоих родителей) - 6,07% против 16,96%, соответственно [\[18\]](#).

Показатели браков и разводов по религиозным и этническим группам не соотносятся на 100%. В 2021 г. среди лиц старше 16 лет никогда не состояли в браке и не вступали в гражданское партнерство 21,4% бангладешцев, 31,7% китайцев, 24,2% индийцев, 20,9% пакистанцев, 36,8% африканцев, 38,7% британцев, 45,1% представителей смешанных этнических групп. По данным на 2021 г., расторгали браки и разрывали гражданские партнерства (лица старше 16 лет) 2,9% бангладешцев, 6,1% китайцев, 4,6% индийцев, 4,5% пакистанцев, 9,9% африканцев, 9,5% британцев [\[19\]](#).

По данным на 2021 г. в Англии и Уэльсе в браке состояло 35% выходцев из стран ЕС, 53% мигрантов из неевропейских стран и 42% уроженцев Великобритании, одиноких лиц, никогда не состоявших в браке или гражданском партнерстве, - 27%, 20% и 27%, соответственно [\[20\]](#).

Гражданское партнерство

Гражданское партнерство выступает альтернативой официальному браку и распространено главным образом среди людей среднего и старшего возраста, а также лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Общее количество регистраций данной семейной формы в пределах 10 тыс. в год (по Англии и Уэльсу в 2021 г. - 6,7 тыс., в 2022 г. - 6,8 тыс.). Примерно каждый шестой (в 2021 г. - 16,3%, около 1 тыс. ежегодно) такой союз создается однополыми парами, преимущественно мужскими - 58% [\[21\]](#).

По данным на 2022 г., 24,2% разнополых и 19% однополых гражданских партнерств были созданы людьми старше 65 лет, 25,1% и 20% - представителями возрастной группы от 55 до 64 лет, 16,6% и 17,2% - 45-54, 14% и 18,3% - 35-44, 17,4% и 21% - 25-34, 2,8% и 4,4% - младше 25 [\[22\]](#). Большая часть таких союзов создаются теми, кто ранее никогда официально зарегистрированных отношений не имел. Например, в 2022 г. среди пар противоположного пола - 21,2%, где оба партнера ранее состояли в браке, один партнер никогда не состоял - 23,7%, оба никогда не состояли - 55,1%, среди женских пар - 7,3%, 29,7% и 63%, среди мужских пар - 2,9%, 18,9% и 78,2%, соответственно [\[23\]](#).

Как и любая другая форма брачных отношений гражданское партнерство может быть расторгнуто. В 2007 г. было расторгнуто 40 таких однополых союзов, а всего - 80, в 2008 г. - 166 и 332, в 2009 г. - 329 и 658, в 2010 г. - 485 и 970, в 2011 г. - 663 и 1 326, в 2012 г. - 809 и 1 618, в 2013 г. - 974 и 1 948, в 2014 г. - 1 061 и 2 122, в 2015 г. - 1 211 и 2 422, в 2016 г. - 1 313 и 2 626, в 2017 г. - 1 217 и 2 434, в 2018 г. - 927 и 1 854, в 2019 г. - 916 и 1 832, в 2020 г. - 671 и 1 342, в 2021 г. - 680 и 1 360, в 2022 г. - 512

и 1 024, соответственно^[24]. Такая статистика подтверждает не только рост значимости и распространенности нетрадиционных отношений по стране, но и общую недолговечность и нестабильность подобного рода союзов.

Характерный тренд – это создание однополых семей лицами, кто в среднем моложе на 5–7 лет, по сравнению с теми, кто вступает в традиционные браки. Старшие возрастные группы (70 лет и старше) практически не заключают однополые союзы. Например, по данным на 2021 г., в Англии и Уэльсе в однополых браках состояло 65,7 тыс. мужчин (в возрастной категории 25–45 лет – более 50%, 32,2 тыс.), в разнополых – 10,7 млн (в возрастной категории 25–45 лет – 3 млн)^[25].

За 10 лет, с 2011 г. по 2021 г. значительно выросло число людей, не состоящих вообще ни в каких отношениях. В 2011 г. в возрастной группе 16 лет и старше 15,7 млн человек (треть всего населения – 34,6%) никогда не состояли в браке и не регистрировали гражданское партнерство, в 2021 г. – уже 18,4 млн человек (37,9%). Численность лиц, состоящих в браке или гражданском партнерстве, между тем, за этот же период существенно не выросла, а пропорционально даже снизилась, 21,3 млн человек (46,8%) в 2011 г. против 21,6 млн человек (44,6%) в 2021 г. В тоже время людей, живущих в статусе развода или расторжения гражданского партнерства, стало больше, в 2011 г. – 4,1 млн человек (9%), в 2021 г. – 4,4 млн человек (9,1%)^[26].

Динамика численности женатых людей, тех, кто состоял в браке или находился в гражданском партнерстве, но развелся, также негативна. В 1991 г. 26,3% взрослых людей (старше 16 лет) не состояли в браке и не регистрировали гражданское партнерство, 58,4% состояли в браке и в гражданских правоотношениях, 6,2% были разведены или прекратили гражданские отношения, 9,1% были вдовами или вдовцами. В 2001 г. – 30,1%, 53,3%, 8,2% и 8,4%, в 2011 г. – 34,6%, 49,4%, 9% и 7%, в 2021 г. – 37,9%, 46,9%, 9,1% и 6,1%, соответственно^[27].

Состав семей

Британские семьи по своему составу смещаются в сторону малодетных, бездетных и неполных. Сокращается среднее количество членов семей и домохозяйств. К примеру, в 2004 г. только 58% детей были зачаты женатыми парами, 35% – лицами, не состоящими в официальных отношениях, 7% новорожденных были зарегистрированы матерями-одиночками, никогда не состоявшими в браке. Больше всего рождений вне брака было в Уэльсе (51%), меньше всего – в Северной Ирландии (35%). В 1996 г. в стране насчитывалось 16,5 млн семей, из которых 6,6 млн не имели детей, а ещё 2,4 млн состояли только из одного родителя (2 млн матерей-одиночек и 356 тыс. отцов-одиночек). Через 20 лет, в 2016 г., из 18,8 млн семей бездетными были 8 млн, а ещё 2,9 млн семей состояли из родителей-одиночек (2,4 млн – матерей, 404 тыс. – отцов)^[28]. Увеличилась численность людей, проживающих в неполных семьях – с 6,3 млн (в семьях матерей-одиночек – 5,5 млн человек, отцов-одиночек – 861 тыс. человек) в 1996 г. до 7,4 млн (в семьях матерей-одиночек – 6,5 млн, отцов-одиночек – 965 тыс.) к 2016 г.^[29]

Полные семьи с большим количеством (три и более) детей уходят в прошлое. В 1996 г. насчитывалось 949 тыс. таких семей, к 2016 г. их число уменьшилось до 765 тыс. За тот же период, количество семей, имеющих одного ребёнка, сократилось с 2 млн до 1,9 млн, двух детей – с 2,2 млн до 2,1 млн. В два с лишним раза выросло число сожительствующих (не оформляющих семейные отношения) пар с детьми. В 1996 г. таких

союзов было 539 тыс. (276 тыс. имело одного ребёнка, 185 тыс. – двух, 78 тыс. – трёх и более), в 2016 г. – 1 262 тыс. (634 тыс. – с одним ребёнком, 449 тыс. – с двумя, 178 тыс. – с тремя и более)^[30].

Вместе с уменьшением числа многодетных семей сокращается и численность проживающих в таких семьях детей. В 1996 г. в многодетных семьях насчитывалось 3,1 млн детей, в семьях с двумя детьми – 4,6 млн, в семьях с одним ребёнком – 2 млн, а в 2016 г. – только 2,5 млн, 4,3 млн и 1,9 млн детей. Общее количество детей, проживающих в полноценных семьях, снизилось за два десятилетия примерно на 1 млн. Существенно выросла численность детей в неполных семьях и сожительствующих парах. В 1996 г. в неполных семьях проживало 2,7 млн детей, в сожительствующих парах – 0,9 млн, в 2016 г. – уже 3 млн и 2,1 млн, соответственно^[31].

Закономерным образом снизилась и средняя численность людей в домохозяйствах, – с 2,42 человека в 1996 г. до 2,39 в 2016 г. Общее количество домохозяйств за этот период увеличилось с 23,7 млн до 27 млн^[32]. Однако, примерно четверть домохозяйств современной Великобритании состоят из одного человека, половина из которых приходится на одиноких людей в возрасте 65 лет и старше. В 1996 г. таких домохозяйств насчитывалось 6,6 млн (из людей старше 65 лет – 3,1 млн), в 2016 г. – 7,6 млн (старше 65 лет – 3,6 млн)^[33].

Пенсионеры

В 2010 г. численность людей, находящихся на государственном пенсионном обеспечении (12,2 млн человек, 20% населения), стала больше, чем численность молодых людей младше 16 лет (11,8 млн человек, 18% населения)^[34]. С тех пор разрыв между этим возрастными группами только увеличивается, что вместе с уменьшением роли семьи приводит к тому, что забота о возрастных гражданах перекладывается на социальную сферу страны.

В 2011 г. 45,5% постояльцев домов престарелых в возрастной категории 65–74 года получали сестринский уход против 54,5%, кто такой уход не получал, в 2021 г. соотношение было уже 52% и 48%, среди 75–84-летних пенсионеров – 45,4% и 54,6% в 2011 г. против 52,6% и 47,4% в 2021 г., среди тех, кто старше 85 лет – 40,3% и 59,7% в 2011 г. против 47,1% и 52,9% в 2021 г.^[35] В абсолютных цифрах речь идет о сотнях тысячах человек, кому требуется дополнительная забота на ежедневной основе.

Традиционно для развитых стран в домах престарелых пенсионерок проживает приблизительно в два раза больше, чем пенсионеров. В 2011 г. по всей возрастной группе (65 лет и старше) на уходе в этих специализированных учреждениях находилось 7,4% женщин и 4,2% мужчин, за десятилетие ситуация не сильно изменилась, в 2021 г. – 6,1% и 3,3%. При этом основная доля такого сервиса приходится на старшие возрастные группы, например, в 2011 г. в домах престарелых проживало 24,5% женщин и 13,4% мужчин старше 90 лет, в 2021 г. – 20,9% и 10,1%, соответственно^[36].

Дома престарелых берут на себя также основную нагрузку по уходу за пожилыми инвалидами. В 2021 г. среди пенсионеров, проживающих в домах престарелых, доля инвалидов со значительными ограничениями составляла 71,7%, а незначительными –

18,7%, оставшиеся пенсионеры относились к лицам без инвалидности^[37]. Практически 100% обитателей домов престарелых – это представители собственно британского населения – 97% с сестринским уходом и 97,9% без сестринского ухода. Среди мигрантов поддерживаются традиция заботы о пожилых людях в рамках семьи, силами родственников^[38].

Демография и религия

Перепись 2021 г. продемонстрировала существенный рост численности жителей Британских островов. Население Англии и Уэльса выросло с 56 млн человек в 2011 г. до 59,6 млн человек в 2021 г., рост за десятилетие составил 6,3% (на 3,6 млн человек), что и в относительных, и в абсолютных цифрах является рекордом. Население Великобритании превысило 67 млн человек, достигнув в 2022 г. численности 67,6 млн, на осень 2024 г. – не менее 69,2 млн^[39]. Главный источник этого роста – не классическая моногамная британская семья, как было в прошлые периоды, а мигранты и их потомки.

С формальной точки зрения демография выглядит позитивно. По данным на 2019 г., рождение происходит в среднем каждые 39 секунд, смерть – каждые 52 секунды, чистый прирост составляет примерно один человек в минуту, каждые три минуты – прибывает один мигрант. Однако пропорция британского населения уменьшается. В 2001 г. к белым британцам относили себя не менее 89,7% жителей страны, в 2011 г. – только 82,8%, а на рубеже 2021-2022 гг. – лишь 76,8%. Доля жителей азиатского происхождения (прежде всего, из Индии, Пакистана и Бангладеш) в 1981 г. составляла 2,4%, в 1991 г. – 3,5%, в 2001 г. – 4,39%, в 2011 г. – 6,9%, в 2021 г. – 8,6%, а лиц, имеющих африканские корни (выходцев из стран Африки и Карибского бассейна) – 1,3%, 1,7%, 1,95%, 3% и 3,7%, соответственно. С 2001 г. фиксируется «смешанная» («Mixed / British Mixed») этническая категория – 1,15%, которая в 2011 г. составляла уже 2%, а в 2021 – превысила 2,7%. Процент остальных этнических меньшинств увеличился с 0,4% в 1981 г. до 2% в 2021 г. К началу 2020-х гг. страна, как минимум, на четверть перестала быть британской. Приблизительно 15–16 млн человек (включая мигрантов из ЕС), проживающих сейчас в стране, не идентифицируют себя с собственно британским населением.

В религиозном плане мы можем наблюдать схожую тенденцию роста разнообразия и параллельно с этим – числа атеистов. В 2011 г. в столице Великобритании проживало 1,7 млн человек (27,7% от общего населения Лондона), не ассоциирующих себя ни с одной из мировых религий, в 2021 г. их насчитывалось уже 2,4 млн (40,2%), христиан – 4 млн (48,7%) и 3,6 млн (40,7%), индусов – 412 тыс. (5%) и 453 тыс. (5,1%), мусульман – 1 млн (12,6%) и 1,3 млн (15%), сикхов 126 тыс. (1,5%) и 144 тыс. (1,6%), соответственно^[40]. Тренд увеличения относится, прежде всего, к мусульманам (в своем большинстве – это выходцы из Пакистана и Бангладеш), у христиан (преимущественно это британцы, коренное население страны) наблюдается обратная тенденция – сокращение в абсолютных и относительных цифрах.

Религиозные сдвиги даже несколько опережают демографию, к 2021 г. христианство в Великобритании (когда-то – одном из оплотов протестантизма) уже перестало быть абсолютно доминирующей религией. В 2001 г. на принадлежность к христианству

указывало 71,58% жителей страны, исламу – 2,71%, индуизму – 0,95%, сикхизму – 0,57%, иудаизму – 0,45%, буддизму – 0,26%, атеизму – 23,18%, в 2011 г. – 59,49%, 4,41%, 1,32%, 0,68%, 0,43%, 0,41%, 0,42%, 32,84%, в 2021 г. – 46,53%, 5,97%, 1,59%, 0,79%, 0,41%, 0,43%, 0,58%, 43,66%, соответственно^[41].

По данным на 2021 г., никогда не состояли в браке и не создавали гражданское партнерство среди буддистов (лица старше 16 лет) – 34,9%, христиан – 35,4%, индуистов – 23%, иудеев – 30,1%, мусульман – 22,9%, сикхов – 23,5%, представителей других религий – 39,5%, атеистов – 41,2%. Статистика по разводам еще более показательна, по ситуации на 2021 г., расторгали браки и гражданские партнерства (лица старше 16 лет) 10,9% буддистов, 9,1% христиан, 3,7% индуистов, 7,9% иудеев, 5,6% мусульман, 5,2% сикхов, 13,3% представителей других религий, 10,7% атеистов, соответственно^[42].

Характерно, что представители Юго-Восточной Азии чаще других мигрантов сообщали об отсутствии религиозной принадлежности. В частности, по данным на 2021 г., процент таких лиц среди выходцев из Китая в Англии и Уэльсе составлял 71,4%, из Японии – 57,7%, Новой Зеландии – 57,7%, Гонконга – 51,7%, Австралии – 53,1%, Чехии – 49,1%, Канады – 45,5%, Франции – 42%, Вьетнама – 42,3%, Швеции – 41,2%^[43]. Самыми религиозным были приезжие из Бангладеш – 94,9%, Сомали – 94,8%, Пакистана – 94,8%, Эритреи – 94,7%, Шри Ланки – 94,2%, Индии – 93,8%, Ганы – 93,8%, Нигерии – 93,6%, Афганистана – 93,4% и Судана – 93,3%^[44].

Таким образом, мы видим, что представители всех мировых религий растут численно (относительно и абсолютно), кроме христиан. Вероятно, к середине XXI в. ислам станет доминирующей религией на Британских островах. Данные демографические тренды оказывают непосредственное влияние на семейную сферу, корректируя средние показатели по стране. Очевидно, что традиции крепкого моногамного брака утрачивает, прежде всего, местное британское население. Мигранты и их потомки демонстрируют стабильные семейные паттерны.

Инфантилизация

Параллельно с падением популярности традиционной моногамной семьи в Соединенном Королевстве наблюдается общая инфантилизация населения. Сформировалась социальная группа «взрослые дети» («Adult children»), лица, которые, как правило, не создают семьи и гражданские партнерства, не имеют длительного постоянного места работы. Они либо учатся, либо путешествуют, либо поглощены праздностью.

В 2021 г. в возрастной группе 22-64 года наблюдалось 1,8% студентов, 3,5% пенсионеров, 3,7% безработных, 3,8% предающихся разным другим занятиям, 5,2% инвалидов или находящихся на длительном больничном, 6,4% присматривали за семьей или домом, 12,4% были самозанятыми и только 2/3 (63,2%) были официально трудоустроены^[45]. Высок процент молодых людей (16-24 года), кто не учится, не работает и не повышает квалификацию. В 2010-х гг. в среднем их доля среди молодежи составляла 11,8%^[46]. Растет численность молодых людей (в возрасте 20–34 года), живущих с родителями. В 2013 г. доля таких юношей была 32%, а леди – 20%, в 2023 г. – 34,4% и 23,2%, соответственно. Девушки в этом отношении более активны и чаще

готовы к самостоятельной жизни, чем их сверстники противоположного пола [47].

Снижение порога социальной ответственности подтверждает и статистика по внебрачным (и даже внепартнерским, за рамками гражданского сожительства) зачатиям. В целом по всем возрастным группам число таких зачатий выросло в среднем с 73,4 случаев на 1 тыс. зачатий в 2011 г. до 75,1 случаев в 2021 г. По основным чадородным возрастным группам данные изменения более показательны, 25-29 лет – с 99,1 до 107,5, 30-34 года – с 98,9 до 130,2, 35-39 лет – с 64,8 до 88,3, 40 лет и старше – с 18 до 30,5, соответственно [48].

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, что в сфере семьи и брака современное британское общество претерпевает кардинальные изменения, которые не имели аналогов в новейшей истории страны.

Традиционный крепкий моногамный брак уходит в прошлое, ему на смену приходит гражданское партнерство, сожительство, совместное проживание без формальной фиксации каких бы то ни было отношений, одинокая жизнь. Этим новым трендам подвержена в первую очередь британская молодежь в возрасте до 25 лет, в среде которой создание полноценной семьи становится все более и более редким явлением, в относительных цифрах – считанные проценты.

Сокращение числа регистрируемых браков идет параллельно с многократным ростом количества разводов, уменьшением числа членов семей и домохозяйств, падением рождаемости, распространением инфантильного образа жизни как среди молодежи, так и среди лиц среднего возраста. В Великобритании 2010-2020-х гг. полноценная моногамная многодетная семья превратилась в исключительное явление. В нашем столетии британское общество демонстрирует тенденцию к росту индивидуализма и социальной изоляции, что особенно заметно в сравнении с мигрантами и их потомками. В среде этнических и религиозных меньшинств, прежде всего, из Южной Азии и Африки, поддерживаются традиции крепкого брака, многодетности, заботы о подрастающем поколении и пожилых родственниках, что находит самое непосредственное отражение в демографических процессах.

Библиография

1. Gender identity, England and Wales: Census 2021. United Kingdom Census 2021. Office for National Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/genderidentity/bulletins/genderidentityenglandandwales/census2021> (дата обращения: 08.11.2025).
2. Sullivan A. What the Census reveals about trans people in Britain // The Spectator. 2023. 29 January.
3. Office for National Statistics. Religion, England and Wales: Census 2021: The religion of usual residents and household religious composition in England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021> (дата обращения: 08.11.2025).
4. Berrington A. Expectations for family transitions in young adulthood among the UK second generation // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 89. № 1. С. 913-

935. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1539276.

5. Berrington A., Eibich P., Palumbo L. Assessing the parental SES gradient in young Britons' partnership expectations, attitudes and its potential mediators // *Advances in Life Course Research*. 2024. Vol. 61. № 1. С. 1-19. DOI: 10.1016/j.alcr.2024.100630. EDN: WNIFPG.

6. Families in Britain. The impact of changing family structures and what the public think. Ipsos MORI, Policy Exchange, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2016/09/families-in-britain-apr-09.pdf> (дата обращения: 08.11.2025).

7. Robson K. Changes in Family Structure and the Well-Being of British Children: Evidence from a Fifteen-Year Panel Study // *Child Indicators Research*. 2010. Vol. 3. № 1. С. 65-83. DOI: 10.1007/s12187-009-9057-3. EDN: HBIPNH.

8. Алексеенко И.В., Грасс Т.П., Петрищев В.И. Семья как институт социализации в Великобритании, США и в Новой Зеландии // *Человек и образование*. 2009. № 1. С. 182-187.

9. Богданова Т.В. Семья в Британии: к вопросу о социальных ролях женщин и детей // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*. 2012. № 4. С. 55-63. EDN: PLUDOV.

10. Капранова Л.Д. Семейная политика Великобритании // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 2. С. 93-111. EDN: KPFMVV.

11. Annual data: Marriages, Civil Partnerships, Divorces and Civil Partnership Dissolutions (numbers and rates). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls> (дата обращения: 09.11.2025).

12. Divorces in England and Wales: 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/divorce/bulletins/divorcesinenglandandwales/2022/pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

13. Marriage rates decreased by more than half in 2020 and were lower than divorce rates. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/marriagesinenglandandwalesprovisional/2020/b60e66b8&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

14. Family type as a percentage of all families living in households, UK, 2013 and 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/f1b24acc&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

15. Percentage spread of one-person households across different age groups, UK, 2013 and 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/f57d079d&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

16. Percentages of lone-parent families headed by a mother and by a father, UK, 2013 and 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/c43faffb&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

17. The proportion of adults who are married has decreased for most age groups and increased at older ages. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig3/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

18. Family status by country of birth group, usual residents, 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig8/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

19. Age standardised proportions of adults who have never been married or in a civil partnership have increased across all ethnic groups. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig10/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

20. Living arrangements by country of birth group, usual residents, 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig6/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

21. Civil partnerships in England and Wales: 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

22. Nearly a quarter of people entering opposite-sex civil partnerships in 2022 were aged 65 years and over, an older age profile than those forming same-sex civil partnerships. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/fa87707d&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

23. Most couples entering into a civil partnership in 2022 had both never been in a legally registered partnership. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/4e1e6b3a&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

24. Civil partnership dissolutions in England and Wales: 2022 data tables. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/datasets/civilpartnershipstatisticsunitedkingdomcivilpartnershipdissolutions/current/cpdissolutionsworkbook2022final.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

25. Adults in same-sex legal partnerships have a younger age profile than opposite-sex married adults. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig6/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

26. Legal partnership status, usual residents aged 16 and over, 2011 and 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2200/fig4/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

27. The proportion of adults who are married or in a civil partnership has fallen between 1991 and 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig1/stackedbar/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).

28. Families by family type and presence of children. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesandhouseholds/familiesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls> (дата обращения: 09.11.2025).

29. People in families by family type and presence of children. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesan>

- dhouseholds/familiesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls (дата обращения: 09.11.2025).
30. Families with dependent children by family type and number of dependent children. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesandhouseholds/familiesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls> (дата обращения: 09.11.2025).
31. Dependent children in families by family type. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls> (дата обращения: 09.11.2025).
32. Households by size. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls> (дата обращения: 09.11.2025).
33. Households by type of household and family. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls> (дата обращения: 09.11.2025).
34. Annual Mid-year Population Estimates, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/search/index.html-newquery=Annual+Mid-year+Population+Estimates%2C+2010> (дата обращения: 09.11.2025).
35. Proportion of care home population residing in care homes with and without nursing by 10-year age group, 2021 and 2011, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig04/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
36. Percentage of usual resident population in each five-year age group from age 65 years residing in care homes in 2021 and 2011, by sex, in England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig01/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
37. Disability status of care home resident populations with and without nursing by five-year age groups, 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig07/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
38. Percentage of the usual resident population aged 65 years and over in each high-level ethnic group living in care homes, by 10-year age groups in 2021 and 2011, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig08/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
39. United Kingdom Population 2019. World Population Review. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/united-kingdom> (дата обращения: 09.11.2025).
40. Usual resident population by religion, 2011 and 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
41. Census 2021 main statistics religion tables. Northern Ireland Statistics and Research Agency. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/census-2021-main-statistics-religion-tables> (дата обращения: 09.11.2025).

42. Age standardised proportions of usual residents who are never married or in a civil partnership have reduced across all religious groups. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig9/datadownload.xlsx> (дата обращения: 09.11.2025).
43. Top 10 countries out of top 60 with lowest proportion of residents with a religious affiliation, usual residents, 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/download/table-format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/analysisofsocialcharacteristicsofinternationalmigrantslivinginenglandandwales/census2021/055055f3.json> (дата обращения: 09.11.2025).
44. Top 10 countries out of top 60 with highest proportion of residents with a religious affiliation, usual residents, 2021, England and Wales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/download/table-format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/analysisofsocialcharacteristicsofinternationalmigrantslivinginenglandandwales/census2021/edaa914e.json> (дата обращения: 09.11.2025).
45. Adult children aged 22 to 64 years and usual residents aged 22 to 64 years by economic activity, England and Wales, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/articles/moreadultslivingwiththeirparents/2023-05-10/cf383af0&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).
46. People aged 16 to 24 years NEET as a percentage of all people aged 16 to 24 years, seasonally adjusted, UK, October to December 2012 to October to December 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/bulletins/youngpeoplenotineducationemploymentortrainingneet/february2023/d5418425&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).
47. Household type as a percentage of all households, UK, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023> (дата обращения: 09.11.2025).
48. Conception rates for women outside of marriage or civil partnership by age group, England and Wales, 2011 and 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2021/b79bc710&format=xls> (дата обращения: 09.11.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Семья и брак в современной Великобритании» посвящена сверхактуальной теме - изменениям парадигмы развития института семьи и брачного поведения.

Мы солидарны с автором в том, что «в Европе изменяется состав семей, количество браков и разводов, теряют актуальность религиозные формы брачного союза, частью

истории становится многодетность. Набирают популярность новые формы взаимоотношений – сожительство и гражданское партнерство». Все это подтверждает актуальность исследования.

Научная новизна исследования, по словам автора, заключается в попытке восполнить дефицит исследований «долгосрочных трендов развития семейной сферы Соединенного Королевства на основе статических данных».

Статья содержит результаты переписи населения 2021 года Соединенного Королевства по таким параметрам, как: Браки и разводы, Гражданское партнерство, Состав семей, Демография и религия, Пенсионеры, Инфантилизация.

Авторы приводят конкретные цифры из переписи населения 2021 года Соединенного Королевства по основным демографическим трендам.

В заключении представлены основные выводы, а именно:

1. В сфере семьи и брака современное британское общество претерпевает кардинальные изменения, которые не имели аналогов в новейшей истории страны.
2. Традиционный крепкий моногамный брак уходит в прошлое, ему на смену приходит гражданское партнерство, сожительство, совместное проживание без формальной фиксации каких бы то ни было отношений, одинокая жизнь. Этим новым трендам подвержена в первую очередь британская молодежь в возрасте до 25 лет, в среде которой создание полноценной семьи становится все более и более редким явлением, в относительных цифрах – считанные проценты.
3. Сокращение числа регистрируемых браков идет параллельно с многократным ростом количества разводов, уменьшением числа членов семей и домохозяйств, падением рождаемости, распространением инфантильного образа жизни как среди молодежи, так и среди лиц среднего возраста.
4. В Великобритании 2010-2020-х гг. полноценная моногамная многодетная семья превратилась в исключительное явление. В XXI веке британское общество демонстрирует тенденцию к росту индивидуализма и социальной изоляции, что особенно заметно в сравнении с мигрантами и их потомками. В среде этнических и религиозных меньшинств, прежде всего, из Южной Азии и Африки, поддерживаются традиции крепкого брака, многодетности, заботы о подрастающем поколении и пожилых родственниках, что находит самое непосредственное отражение в демографических процессах.

Библиографический список включает 48 российских и зарубежных источников.

Статья структурирована, изложена хорошим языком.

Вместе с тем, рекомендуем автору доработать статью по нашим замечаниям:

1. Проработать теоретические основы исследования - статья посвящена теме института семьи в Великобритании но нет ссылок на тех исследователей, кто занимался и занимается данной научной проблематикой; - какие теоретические концепции и/или подходы легли в основу исследования.
2. Требуется серьезная доработка теоретико-методологических основ проведенного исследования - важно указать методы исследования, разделив их на общенаучные и специальные.
3. Обязательно в теоретико-методологических основах указать, какие исследования были взяты для сравнения с переписью 2021 года. Почему выбраны именно данные временные промежутки.
4. Следует доработать выводы по каждому из параметров исследования. Блок выводов очень слабый.

Учитывая вышеизложенное, рекомендуем статью «Семья и брак в современной Великобритании» отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная работа выполнена на значимую для мирового сообщества тематику. В частности, вопросы брака, семейных отношений и иные демографические процессы становятся объектом пристального изучения целой плеяды российских и зарубежных ученых. В данной статье приведен обширный аналитический материал, который представляет интерес для сравнительного анализа «семейного вопроса» Великобритании и иных стран, нацеленных на улучшение демографической повестки. Автор предпринимает попытку заполнить дефицит работ в российской историографии по части анализа долгосрочных трендов развития семейной сферы Соединенного Королевства на основе приведенных статических данных. Для этого в работе приводится анализ материалов переписи населения Великобритании, данные с официальных сайтов. Работа частично структурирована согласно параметрам, которые традиционно выступают характерными чертами брачного поведения современного общества: вступление в брак, разводы, гражданское сожительство, состав семьи. Вместе с тем автором выделяются блоки, которые представляют социально-демографические характеристики населения (пенсионеры, религия) или социальные настроения, доминирующие в отдельных возрастных группах (инфантилизация). Такой подход к структуризации работы представляется спорным и неоднородным с точки зрения методологической ценности, однако может отражать авторское видение проблемы исследования.

Несмотря на наличие положительных черт представленного к рассмотрению материала имеется ряд существенных замечаний.

Наиболее слабым местом работы выступает методологическое обоснование. Точнее его отсутствие. В статье отсутствует постановка цели и задач исследования, не определен предмет изучения, отсутствует описание методологических подходов к анализу проблемы. Проблема, как и дизайн исследования в работе не уточнены. Автором не приведена операционализация ключевых понятий, что приводит к размытию в структуре объекта изучения. Какие параметры необходимо выделить для изучения семьи и брака? Почему важно поднимать вопросы мигрантов и религии, а не говорить о репродуктивных установках, возрасте вступления в брак, причинах разводов? Во введении поднимаются вопросы гендерной принадлежности и сексуальной ориентации, но как это влияет на брак автор не уточняет. По своей сути работа напоминает аналитический отчет, а не научную публикацию, что может быть устранено внесением раздела «методология».

Второй недостаток связан с отсутствием опоры на труды современных ученых. В работе не представлен теоретический обзор поднимаемой проблематики, что затрудняет сопоставление аналитических данных по Великобритании с аналоговыми исследованиями российских и зарубежных авторов. В целом список литературы состоит из ссылок на зарубежные сайты, тогда как из научной литературы только 6 источников, 3 из которых 2009, 2010 и 2012 гг.

В целом работа производит впечатление описательной аналитики, а не научной работы.

Требуется усиление теоретического и методологического блоков. Необходима артикуляция авторских выводов, возможность их приложения к современной демографической повестке. Усиление авторской позиции позволит придать практическую значимость проделанной работе, повысит к ней интерес специалистов, а также широкой общественности.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Рагулина М.В. Оленеводство тофов: социально-географические аспекты преемственности практик в период перехода к оседлости // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76341 EDN: GBRMFK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76341

Оленеводство тофов: социально-географические аспекты преемственности практик в период перехода к оседлости

Рагулина Милана Владимировна

доктор географических наук

ведущий научный сотрудник; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

664033, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

✉ milanara@yandex.ru

[Статья из рубрики "Антропология и этногенез"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76341

EDN:

GBRMFK

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является выяснение влияния социально-географических факторов на преемственность трудовых практик в горно-таежном оленеводстве тофов. Этническое хозяйство длительное время было основано на сочетании охоты и транспортного оленеводства, с круглогодичным кочеванием. Показано, что перевод на оседлость и создание коллективных хозяйств побудили изменить и приспособить к новым требованиям способы освоения угодий, трудовые навыки и отношения в этнолокальном сообществе, а также вызвали значительные деформации социальной системы. Цель работы – в выявлении адаптивного характера отношений между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями при переходе к оседлости и коллективизации. Особое внимание уделено административным мерам и неформальными договоренностями, обеспечивающим системную преемственность традиционного природопользования. Методической основой стали концепты социальной адаптации, устойчивости и этносоциальной преемственности. Анализ опирается на полевые интервью и архивные документы. Новизна исследования состоит в интерпретации сохранения тофаларского оленеводства с помощью гибридной

модели, сочетающей советские институты с традиционными практиками. В результате выявлено, что относительная устойчивость системы обеспечивалась неформальными договоренностями, социальной взаимопомощью и сохранением связи оленеводства с охотой. Основные выводы работы свидетельствуют, что начальные цели коренных преобразований саянского оленеводства сталкивались с невозможностью воплощения из-за недостаточного учета системного характера локальных природных и социально-географических контекстов. Сложившаяся система коллективного оленеводства и охотничьего промысла возникла не только благодаря административному принуждению, а представляет также результат компромиссов и уступок советского управления как «географии», так и «этнографии» труднодоступного горного региона. Выработанные коллективные практики и принципы взаимодействия могут иметь значение для реинтродукции и посткризисного развития современного оленеводства в Тофаларии.

Ключевые слова:

олeneводство, тофы, адаптация, кочевники тайги, устойчивое развитие, преемственность, социально-экологическая система, коллективизация, сообщество, неформальные практики

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190018-2.

Введение

Оленеводство в горной тайге – устойчивая, но в то же время достаточно хрупкая система. Под влиянием комплекса изменений оно может попадать в критическое положение даже там, где природный ландшафт идеально соответствует его запросам, что видно на примере саянского региона. Тофалария находится в Нижнеудинском районе Иркутской области, в западной части Восточных Саян. Это территория коренного народа тофа (тофов), численность которого колебалась в пределах 400-700 чел. в XIX – XX вв., а в настоящее время составляет 636 чел. Согласно районированию К. Б. Клокова, регион тофаларского оленеводства входит в южносибирский оленеводческий ареал как часть более крупной зоны горного оленеводства, представленного горнотаежными очагами от Урала до Камчатки [\[1\]](#). Система жизнеобеспечения была основана на сочетании охотничьего промысла и оленеводства и предполагала вертикальную мобильность семейных общин в соответствии с высотной поясностью гор, закономерную посезонную смену стоянок. В течение трёх веков под влиянием внешних вмешательств и внутренних динамических факторов образ жизни и способы освоения угодий менялись, но сохраняли преемственность. Особую роль сыграл перевод на оседлость и коллективизация, объединение в кооперативные промысловые хозяйства [\[2\]](#). Всё это время, вплоть до постсоветских реформ 1990-х гг., оленеводство продолжало играть важнейшую роль в хозяйстве, идентичности, культуре.

Целевая установка работы состоит в том, чтобы выяснить, как практики тофаларского оленеводства менялись под влиянием коллективизации, выявить механизмы компромисса между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями. Мы предполагаем, что устойчивость оленеводства в переходный период обеспечивалась не столько административными мерами, сколько неформальными договоренностями и гибридизацией практик, аналогично другим регионам России [\[3\]](#).

Материалы и методы

В основу положены полевые материалы, литература и документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Интервью с охотниками и оленеводами были записаны в июне 1992 г., в ходе экспедиции Иркутского государственного областного музея в п. Нерха, а также по маршруту перекочевки оленьего стада на высокогорные летние пастбища в Белогорье. В 1930-1960-х гг. в поселке был организован колхоз им. Кирова, самый малочисленный из трех тофаларских колхозов. По данным Л. В. Мельниковой, в 1950-е гг. в нем состояло до 32 домохозяйств, 29 из них тофаларские, а количество колхозников составляло 98 – 112 чел. [\[4, с. 238\]](#). Старшее поколение информантов застало время коллективизации, а более младшие получили этот опыт «из первых рук», со слов участников событий, родителей и старших родственников. Методом сплошного локального исследования проведен полевой опрос с обходом всех домохозяйств п. Нерха силами А. Н. Садового (руководитель экспедиции), О. К. Елиной, М. И. Пугачева и автора.

Программа интервью разработана О. В. Бычковым, она включала вопросы об этапах трансформации жизнеобеспечения, его источниках и промысловой культуре. Все интервью, кроме одного, фрагменты которых приводятся в работе, принадлежат мужчинам — тофам, возраст указан на дату опроса.

В работе применены элементы системного подхода, концепты устойчивости и адаптации оленеводства [\[5;6\]](#). При значительной изменчивости социально-экологических систем критерием их адаптивной жизнеспособности остается функциональность [\[7\]](#). Надежность стратегий межпоколенной передачи знаний обеспечивает успех адаптации сообщества к изменчивым контекстам [\[8\]](#). Оленеводство как социально-экологическая система включает популяцию домашних оленей, экологические ресурсы (продуктивность пастбищ, ландшафтно-экологические условия высокогорной и горной тайги, климатическую контрастность), человека и его социальные общности, структуру, экономическую составляющую (эффективность, доходность, удовлетворение потребностей), а также культурный и институциональный компоненты. Вслед за скандинавской школой адаптивных исследований в оленеводстве, можно принять трактовку устойчивости, которая помещается в адаптивный контекст и заключается в использовании ресурсов сообщества для продуктивного развития в меняющейся и неопределённой среде [\[9\]](#). Акцент на неопределенности подчеркивает важность управления для доступа к активам устойчивости [\[10\]](#).

Пять основных групп факторов, ресурсов, ограничений и капиталов использованы в анализе адаптации и гибкости оленеводческой системы: экономический, социальный, институциональный, человеческий капиталы [\[11\]](#). Коллективизация тофов и перевод на оседлость – первый этап крупных преобразований социально-экологической системы оленеводства, при котором менялось содержание данных факторов, при этом институциональный был ведущим. Практики тофаларского оленеводства интерпретируются через призму взаимной связанности системных блоков и названных капиталов.

Результаты и обсуждение

Коллективизация тофаларского оленеводства изначально предполагала создание крупнотадного хозяйства, однако природно-географические и социальные ограничения привели к серии компромиссов, которые и сформировали новую систему трудовых

практик. Прообразом выработки руководящих указаний стало крупнотадное тундровое оленеводство мясного направления, однако их действие распространялось на все типы оленеводства [12]. Под руководством партии представители административных органов, ветеринарные специалисты и зоотехники должны были коренным образом преобразовать горнотаёжное оленеводство в кратчайшие сроки. Горно-таёжный ландшафт, отсутствие сплошных кормовых угодий и традиционные навыки населения, веками адаптированные к немногочисленным семейным стадам верховых и вьючных оленей, сделали планы власти нереалистичными. Особенно показателен провал объединения поголовья в межколхозное стадо весной 1931 года, когда попытка собрать оленей с горной территории в радиусе 150-350 км привела к массовой гибели животных из-за несвоевременности (процесс совпал с отелом), бесконтрольности (отход от хищников) и неучёта поведенческих особенностей оленей (ГАИО, ф. р-2375, оп. 1, д. 97, л. 31).

В дооседлый период сложилась принципиально иная система хозяйствования. Оленеводство основывалось на небольших семейных стадах по 15-20 голов, находившихся в собственности патронимических семейных групп и их объединений [13; 14]. Кочевые маршруты формировались с учётом вертикальной поясности и центров тяготения родовых охотничьих угодий («тайг»), при этом, как отмечает информант В. (65 лет), «границ четких не было, ... олени у всех были, у каждого — на них все время ездили». Распространенность навыков, их естественная передача внутри сообщества (все члены общины владели основами ухода за оленями), социальные сети взаимной помощи и тесная связь с охотничьим промыслом создавали саморегулирующуюся систему, которая обладала потенциалом восстановления. Об этом свидетельствуют примеры более чем многократного падения поголовья в течение одного десятилетия под влиянием эпизоотий у оленей и эпидемий оленеводов, и относительно быстрого его восстановления. Так, в 1884 г. численность оленей составила 1776, в 1891 г. — 390 [11, с. 33], а в 1912 г. уже 2579 голов [15, с. 323].

Неудачи первых лет коллективизации стимулировали поиск более мягких вариантов. Обследование 1932 года выявило целый ряд кризисных явлений: хищническое использование и отсутствие смены пастбищных угодий, неподготовленность пастухов к масштабным стадам и негуманное содержание (случаи оставления оленей без пищи и воды на привязи до нескольких дней — ГАИО, ф. р-2375, оп. 1, д. 127, л. 37). Ответом стало формирование гибридной модели. Синтез, который возник вопреки первоначальным жестким планам, обеспечил относительную устойчивость системы в новых условиях. Модель переговорного процесса между традиционными и конвенциональными практиками [16] позволяет рассмотреть колхозное оленеводство как результат разнонаправленных компромиссов (Табл. 1).

Таблица 1

Генезис адаптивной системы колхозного оленеводства тофов

Институциональное намерение	Ограничивающие векторы	Частный результат компромисса	Общий результат компромисса
1. Создание крупнотадного мясошкурного	Природный: горный рельеф, мозаичность	Снижение стада до 500-600 голов. Оценка	Замена идеи промышленного оленеводства на

оленоводства /	ландшафтов, нет сплошных пастбищ	оленеемкости и схемы пастбищного оборота	гибридный транспортный вариант;
	Экономический: потеря оленей угрожает продуктивности охотничьего промысла	Создание транспортного стада. Закрепление оленей за охотником. Материальная ответственность за падеж и премии за успехи	компромисс: закрепленные за колхозником олени в общественном стаде. Три стада: транспортное
	Человеческий: традиционные навыки не подходят для больших стад	Приспособление навыков выхаживания телят, ограничение привязывания. Увеличение числа пастухов, их ветеринарное просвещение	(основное, для охоты и перевозки), мясное, племенное. Преимущество дооседлого периода, дополненная научно-
	Культурный: ослабление связи с оленями, небрежное обращение	Закрепление за охотником оленей. Использование родственников как помощников; неформальное обучение	зоотехнической и ветеринарной базой. Сохранение летнего выпаса на высокогорье и отела на привычных местах

Источник: составлено автором

С одной стороны, она базировалась на инновациях: закрепление оленей за конкретными охотниками с материальной ответственностью за их сохранность на период промысла, научно обоснованный пастбищеоборот, разделение колхозного стада на транспортную, откормочную и племенную группы, а с другой — сохранялись традиционные элементы. Это сезонные кочёвки по проверенным маршрутам, учитывающие доколхозные паттерны передвижения из долин (зима) в гольцы (лето), семейная передача навыков, особенно в верховом и вьючном использовании оленей, поиске для него резервных кормов при отсутствии сплошных ягельников, выхаживании оленят, а также неразрывная связь с промысловой деятельностью.

Парадоксальное позитивное восприятие колхозной системы тофами объясняется сохранением ключевых элементов социальной организации. Как свидетельствуют интервью, относительная автономность и минимальное вмешательство внешней администрации позволили сохранить традиционные модели самоуправления. «Начальство свои, тофы... Люди сами себе предоставлены» (информант В.Н., 44 года) —

эта характеристика отражает важнейший компромисс: формальные колхозные структуры частично воспроизводили общинную организацию. Социальная гибкость проявилась особенно ярко при сравнении с постколхозным периодом: «В 1967 г. забрали оленей. Люди стали рабы на охоте» (информант П.В., 66 лет).

Сохранение семейно-родовых связей смягчило переход к оседлости. Трудовые практики, хотя и трансформированные, сохраняли преемственность: пастухи продолжали жить в чумах, изготавливать традиционную упряжь, а летний выпас по-прежнему предполагал участие семей и родственников. Особенно показателен механизм закрепления оленей за конкретными охотниками. В автономной области Коми «столкнувшись с невозможностью полной и быстрой коллективизации, Коммунистическая партия была вынуждена пойти на компромисс с оленеводами, поскольку именно они обеспечивали практические знания, рабочую силу и продукцию. Этот компромисс привел к появлению загадочной категории «личных оленей» (не совсем коллективных, не совсем частных), которых пасли вместе с коллективными или государственными оленями» [\[16, с. 6.\]](#). В Тофаларии по уставу колхозов 1939 г., каждый двор мог иметь в личном пользовании до 200 голов оленей и 1 корову. Однако в 1950 г. цифра была скорректирована до более реалистичных в горной тайге 15 голов [\[4, с. 241\]](#).

Ключевым фактором устойчивости стало сохранение промысловой логики хозяйства [\[17\]](#). «Без оленей — не охотник» (информант П. В., 66 лет) — так традиционно воспринималась неразрывность охоты и оленеводства. Колхозная система, вопреки первоначальному плану начала 1930-х гг., не ликвидировала, а изменила, и в какой-то степени даже укрепила их связь в новых условиях. Этому способствовало создание транспортных стад, неформальные практики вовлечения в оленеводство и доступа к его продукции «На оленстаде без мяса не сидят. Можно охотиться, есть больные олени, или специальный забой» (В.Н., 44 года). Относительная автономность («свои председатели», «охота по большому кругу») и прозрачность распределения продуктов и вознаграждения («все знали, за что получали») воспроизводили общинные принципы прошлого. В результате, как верно отмечает информант В. Н. (44 года), вопреки тому, что жилось трудно, «колхоз был ближе к людям», чем последующие формы организации хозяйства.

Географическая изоляция региона, его труднодоступность, а также гибкое сочетание формальных и неформальных практик содействовало формированию «новой традиционности», где социалистические институты непреднамеренно наполнились досоветским содержанием, адаптированным к оседлому образу жизни с периодами промысловой и оленеводческой мобильности.

Крах колхозной модели в Тофаларии (1965—1967 гг.) выявил глубокие расхождения между административным планированием и экологическими реалиями таёжного хозяйства. Жесткие нормативы по сдаче пушнины и мяса, игнорирующие цикличность биологических ресурсов, привели к катастрофическим решениям: забой транспортных и маточных оленей ради выполнения плана окончательно подорвал благосостояние колхозов. Этот опыт иллюстрирует типовую ошибку жесткой модернизации — подмену адаптивных практик догматическими схемами [\[10\]](#). Возникает противоречие между фрагментированным управлением и устойчивостью, когда политика администрирования бросает вызов локальным культурным ценностям [\[18\]](#). Как показали дальнейшие события (распад КЗПХ в 1990-е), даже кооперативные формы не смогли компенсировать утрату системного знания [\[19\]](#), когда из социально-экологической конструкции выпадают осевые связи, в то время, как экономика страны вступила в полосу турбулентности. Интервью

1990-х годов зафиксировали расхождения в восприятии оленеводства (вопрос о желании взять в собственность оленей). Часть информантов была заинтересована, но недооценивала трудозатраты («Оленей хотел бы иметь, голов 100, а как содержать, что-нибудь придумал бы...». «Оленей бы взял, 5-10, пусть по моей тайге лазят, не отказался бы и от 100 голов»).

Более скептически настроены люди с жизненным опытом, либо занятые в оленеводстве: они сознавали неготовность к изоляции, погружению в жизнь пастуха, поскольку социальные отношения уже перестроены под оседлость (В.Г., 27 лет, пастух: «Оленей? Зачем? Нужно бы тогда совсем жить в тайге!»). Русский штатный охотник, М.А., 60 лет: «Хоть с оленями постоянно охочусь, сам бы не взял. За ними все время смотреть надо, надо в тайге жить». Информант В. Н., 44 года: «Стадо можно взять, ... не делаясь на роды, поселковое, как в колхозе... не надо оленей возвращать семьям, а лучше поселку. Если оленей даже возьмут (отдельные люди — М. Р.), то забьют и съедят. Молодежь на стадо не идет работать, женщины тоже, несколько стариков... остальные не хотят».

Слова «забьют и съедят» оказались пророческими, так и случилось в Нерхе после ликвидации КЗПХ. В период неясности судьбы оленеводства, когда Нерхинское стадо еще насчитывало 320 голов, информант В.Н. предлагал сходный с колхозным принцип содержания оленей, учитывающий реалии оседлости. По такому пути, опираясь на ресурсы социальной солидарности и взаимной помощи, пойдет население другого поселка — Алыгджера. В сложнейших экономических условиях и институциональном хаосе оленей удалось сохранить, сначала благодаря инициативе жителей, а впоследствии — общине «Барбитай» (300–400 голов). В том числе с этим немногочисленным поголовьем связаны надежды реинтродукции оленеводства в Тофаларию.

Заключение

Ключевая проблема преемственности практик оленеводства — разрыв межпоколенческой передачи навыков. При этом, системным дезорганизующим фактором стало не только «нежелание» быть с оленем, его чувствовать и понимать [\[20\]](#), но и отсутствие институциональных условий для этого контакта. Тофаларский олень уникален по степени ориентированности на человека. Выхаживание телят основано на раннем, в первые минуты и часы их жизни, знакомстве с ним, ненасильственном приручении олененка, которое во взрослой жизни облегчит верховую езду, вьючное использование, создаст пространство понимания между человеком и животным, что подчеркивал знаток Тофаларии и краевед М. И. Пугачев [\[21\]](#).

С учетом сказанного, вопрос «возрождения» тофаларского оленеводства непросто. За более чем двадцать лет в охотничьем промысле сформировались «замещающие связи», чему способствовало изменение рыночной конъюнктуры, каналов сбыта, ограничение возможности использования оленя. Традиционные практики «дрейфуют» в сторону культурного символизма, этноидентификационной функции, которую нельзя недооценивать.

Реинтродукция оленеводства нуждается в передаче опыта, как от самих носителей традиции, так и опосредованно, через интерес к семейной истории и памяти, музейным коллекциям, языку, топонимии, интеграции традиционных знаний в образовательные программы и живого контакта с оленями.

Экономическая поддержка в рамках региональных программ и грантов пока не

покрывает потребностей оленеводства, включая современные средства отслеживания, ветеринарные и зоотехнические мероприятия. Вопрос преемственности практик связан с мотивацией молодежи, что возможно через творческий поиск форм туризма и промысла. Устойчивость обеспечивается способностью к быстрой адаптации, приоритетом локальных решений над централизованными и возможностями хорошо ориентироваться в современном цифровом мире.

Современные векторы (государственное субсидирование, этнотуризм, гранты) создают почву для новых «переговорных практик», где олень может стать не только символом, но и залогом успешной адаптации к социокультурной ситуации и колебаниям рынка. Однако, как и в 1930-е гг., успех зависит от умения услышать самих тофов.

Библиография

1. Клоков К. Б. Географическая изменчивость и культурное разнообразие оленеводства в северной России: делимитация территорий с различными типами оленеводства // Пасторализм. 2023. Т. 13. N 1. С. 1-15. <https://doi.org/10.1186/s13570-023-00279-3> EDN: PUIZDU
2. Рагулина М. В. Этноэкономическая трансформация горно-таежного оленеводства в Иркутской области // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23, N 11. С. 86-97. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-23-11-86-97 EDN: KIKEWE
3. Истомин К. В. Постсоветские оленеводы: между семейным и коллективным оленеводством // Регион: Региональные исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2020. Т. 9. N 1. С. 25-52. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0005>. EDN: EIQQDB
4. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1994. 302 с.
5. Хорсткотте Т., Лёф А., Мозн Дж. Понимание адаптационных ландшафтов: картирование сложности принятия решений в оленеводстве // Арктический обзор по праву и политике. 2024. Т. 15. С. 202-230. <https://www.jstor.org/stable/48807504> DOI: 10.23865/arctic.v15.6138 EDN: QWOQAW
6. Вулвулис Н., Гиакумис Т., Хант С., Киоупи В., Петру Н., Соулотис И., Вагела Ч. Системное мышление как парадигмальный сдвиг для устойчивой трансформации // Глобальные изменения окружающей среды. 2022. Т. 75. С. 102544. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102544> EDN: MVUPPR
7. Макиннис М. Д., Остом Е. Рамка социально-экологической системы: первоначальные изменения и продолжающиеся вызовы // Экология и общество. 2014. Т. 19. N 2. С. 30. <http://dx.doi.org/10.5751/ES-06387-190230>
8. Аксельссон-Линковски В., Фьелльстрём А.-М., Сандстрём С., Вестин А., Öстлунд Л., Мозн Дж. Изменение стратегий между поколениями в самском оленеводстве: вызовы сохранения традиций при адаптации к меняющемуся контексту // Человеческая экология. 2020. Т. 48. С. 481-490. <https://doi.org/10.1007/s10745-020-00171-3>. EDN: LHQ TSM
9. Ландауэр М., Расмус С., Форбс Б. С. Что движет управлением оленями в Финляндии к социальным и экологическим критическим точкам? // Региональные изменения окружающей среды. 2021. Т. 21. N 2. С. 32. <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01757-3> EDN: ZHRMQF
10. Рисволь К., Ховельсруд Г. К., Рисет Дж. А. Падая между трещинами управляющих систем: риск и неопределенность в пасторализме на севере Норвегии // Погода, климат и общество. 2022. Т. 14. N 1. С. 191-204. <https://doi.org/10.1175/WCAS-D-21-0052.1> EDN: CFLHJY

11. Бьюкенен А., Рид М. Г., Лидестав Г. Что считается оленеводом? Гендер и адаптивная способность самских оленеводческих сообществ в Швеции // Амбио. 2016. Т. 45. С. 352-362. <https://doi.org/10.1007/s13280-016-0834-1> EDN: WTEIRE
12. Ильин М. С. Сборник постановлений и распоряжений по советскому оленеводству. Пособие для оленеводческих совхозов. М., 1933. 123 с.
13. Петри Б. Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927. 46 с.
14. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: ИМБТ, 2005. 190 с. EDN: TURMOJ
15. Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем: отчёт Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева // Саянская экспедиция. Серия 2. СПб.: Гос. изд-во, 1921. 458 с.
16. Истомин К., Хабек Й.-О., Лаптандер Р., Томердик Х., Хорсткотте Т., Расмус С. Социально-экономические процессы в выбранных сообществах: взаимодействие формальных и неформальных институтов и практик в оленеводстве (Россия и Финноскандия). // CHARTER Deliverable 3.5. 2023. 28 с. https://www.charter-arctic.org/wp-content/uploads/2023/12/CHARTER_deliverable_D3.5_Institutions_final.pdf
17. Кудашкин В. А., Кудашкина О. В. Система коллективных хозяйств у коренных малочисленных народов Иркутской области в 1930–1960 гг. (на примере тофаларов) // Иркутский историко-экономический ежегодник: Сборник статей. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. С. 168-173. DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.14. EDN: HXWJRD
18. Тониоло С., Пиеретто Ч., Кавана Д. Улучшение устойчивости в сообществах: связывание местного уровня с концепцией устойчивого развития // Обзор воздействия на окружающую среду. 2023. Т. 101. С. 107-126. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2023.107126> EDN: AYLLDT
19. Богданов А. С., Вашукевич Ю. Е. Состояние охотхозяйственного производства в Тофаларии в конце XX века // Вестник ИргСХА. 2013. N 56. С. 12-16. EDN: RBYCPF
20. Олер А. Подводя итоги: оленеводство тофалар сегодня // Многообразие домашних хозяйств в Саянских горах: экология на границе России и Монголии. Ланем, 2020. С. 121-140.
21. Пугачев М. И. Год оленевода. 1991. URL: <http://www.tofalaria.ru/history-olenevodstvo.htm> (дата обращения: 25.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Оленеводство считается традиционным занятием тофов (тофаларов), являющихся коренным малочисленным народом Сибири. Тофаларами олени использовались главным образом как верховой и вьючный транспорт, а также как источник молочных продуктов. Предметом рецензируемой статьи является изучение социально-географических аспектов преемственности практик оленеводства тофов в период перехода к оседлости. Автор достаточно четко определяет актуальность исследования, отмечая, что система жизнеобеспечения тофов была основана на сочетании охотничьего промысла и оленеводства и предполагала вертикальную мобильность семейных общин в соответствии с высотной поясностью гор, закономерную сезонную смену стоянок. В

течение трёх веков под влиянием внешних вмешательств и внутренних динамических факторов образ жизни и способы освоения угодий менялись, но сохраняли преемственность. Особую роль сыграл перевод на оседлость и коллективизация, объединение в кооперативные промысловые хозяйства. Всё это время, вплоть до постсоветских реформ 1990-х гг., оленеводство продолжало играть важнейшую роль в хозяйстве, идентичности, культуре.

В связи с этим, основная цель исследования - выяснить, как практики тофаларского оленеводства менялись под влиянием коллективизации, выявить механизмы компромисса между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями.

Методология исследования основана на применении экспедиционного метода с использованием полевых материалов и архивных документов Государственного архива Иркутской области.

Научная новизна исследований заключается в том, что впервые проведен глубокий анализ стратегий межпоколенной передачи знаний и преемственности практик оленеводства тофов в период перехода к оседлости.

Стиль статьи – научный. Структура статьи соответствует требованиям журнала «Социодинамика». В статье автор отмечает, что в дооседлый период тофов оленеводство основывалось на небольших семейных стадах по 15-20 голов, находившихся в собственности патронимических семейных групп и их объединений. Коллективизация тофаларского оленеводства изначально предполагала создание крупностадного хозяйства, однако природно-географические и социальные ограничения привели к серии компромиссов, которые и сформировали новую систему трудовых практик. Прообразом выработки руководящих указаний стало крупностадное тундровое оленеводство мясного направления, однако их действие распространялось на все типы оленеводства. Сохранение семейно-родовых связей смягчило переход к оседлости. Трудовые практики, хотя и трансформированные, сохраняли преемственность: пастухи продолжали жить в чумах, изготавливать традиционную упряжь, а летний выпас по-прежнему предполагал участие семей и родственников. Крах колхозной модели в Тофаларии в 1965–1967 гг. выявил глубокие расхождения между административным планированием и экологическими реалиями таёжного хозяйства. Жесткие нормативы по сдаче пушнины и мяса, игнорирующие цикличность биологических ресурсов, привели к катастрофическим решениям: забой транспортных и маточных оленей.

Объём статьи соответствует требованиям журнала «Социодинамика». В тексте имеются незначительные опечатки, их необходимо исправить. В целом, существенных замечаний по статье не отмечено.

Библиография статьи включает в себя 21 литературный источник на русском языке.

Выводы в статье достаточно обоснованы, автор отмечает, что ключевая проблема преемственности практик оленеводства – это разрыв межпоколенческой передачи навыков. Реинтродукция оленеводства нуждается в передаче опыта, как от самих носителей традиции, так и опосредованно, через интерес к семейной истории и памяти, музейным коллекциям, языку, топонимии, интеграции традиционных знаний в образовательные программы и живого контакта с оленями.

Данная статья может быть интересна и полезна широкому кругу читателей и специалистов по социодинамике малочисленных народов Сибири. Рецензируемая статья рекомендуется к опубликованию в журнале «Социодинамика».

Англоязычные метаданные

The Role of a City-Forming Enterprise in the Social Development of a Modern Resort City (Based on the Example of ZAO Kurort Belokurikha)

Popov Evgeniy Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Sociology and Conflictology; Altai State University

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ popovea@mc.asu.ru

Sytykh Ol'ga Leonidovna

Doctor of Philosophy

Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova str., office 515, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ sytykh@yandex.ru

Sterlyadeva Natal'ya Anatol'evna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Dimitrova str., 66, sq. 520

✉ sterlyadeva@socio.asu.ru

Bondarenko Dmitrii Sergeevich

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova str., 219 block, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ bondarenko.81011@stud.asu.ru

Branitskaya Arina Leonidovna

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Dimitrova str., 66, sq. 520

✉ arina.branitskaya@mail.ru

Demisheva Raiyana Ruslanovna

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Dimitrova str., 66, sq. 520

✉ rayanademisheva@yandex.ru

Lyubarskaya Mariya Aleksandrovna

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 520, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ maria20032301@gmail.com

Cheremisina Mariya Sergeevna

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Dimitrova str., 66, sq. 520

✉ cms.2003@yandex.ru

Prohorov Bogdan Aleksandrovich

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Dimitrova str., 66, sq. 520

✉ prohorovbogdan0806@mail.ru

Koda Egor Aleksandrovich

Altai State University, Institute of Humanities, postgraduate student.

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ kodaegor@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of a city-forming enterprise in the social development of a modern resort city. The key social functions of a city-forming enterprise are identified, as well as the socio-economic significance of such an enterprise within the framework of the life of a modern resort city. The data obtained during the sociological research allowed us to identify both the objective components of the role of a city-forming enterprise in the social development of a modern resort city, and the subjective assessments of the population regarding the role of a city-forming enterprise. Moreover, within the framework of this sociological study, the key social functions of a city-forming enterprise within the framework of the life of a resort city in the Altai Territory will be considered. The city-forming enterprise has a positively symbiotic relationship with the resort city, comprehensively contributing to its social development. The methodological basis of this work is represented by T. Parsons' structural functionalism and a systematic approach. A questionnaire survey of the population was conducted, as well as an expert survey in the form of in-depth interviews with the heads of the city-forming enterprise and representatives of local authorities. The sample totaled 287 respondents, of which 275 were respondents to the questionnaire survey of the population. Belokurikha, and 12 are participants in an expert survey in the form of an in-depth interview. The empirical data obtained became the basis for determining the role of a city-forming enterprise in the social development of a resort city. The author came to the conclusion that a city-forming enterprise creates fundamental conditions for the social development of a city: it creates jobs, finances projects and events of local importance, improves the infrastructure of the urban environment, and increases the tourist attractiveness of the territory in the short, medium and long term. In addition, the city-forming enterprise creates sufficient investment attractiveness of the territory for the comprehensive further development of the city and the urban environment. Further research in this area is necessary, firstly, it is very important to find those universal components of the role of a city-forming enterprise, which will allow extrapolating the methodology of sociological research to other regions, as well as such studies can quickly identify and resolve the social problems of the resort city.

Keywords: Sanatorium-resort institution., Belokurikha, Altai Krai, Social role, Social functions, Structural functionalism, Resort town, City-forming enterprise, Sociology of the city, Monocity

References (transliterated)

1. Balatskii, E. V. Anomal'nye efekty v sotsial'noi srede megapolisov / E. V. Balatskii // Monitoring. 2022. № 1. S. 71-83.
2. Berezin, S. V. Vliyanie gradoobrazuyushchikh predpriyatii na sotsial'no-ekonomicheskoe

- polozhenie monogorodov / S. V. Berezin // Gradoobrazuyushchie predpriyatiya: nazad v budushchee ili vpered v proshloe? : Sbornik tezisov dokladov i statei mezhdunarodnoi interaktivnoi onlain videokonferentsii, Moskva, 10 aprelya 2023 goda / Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu Izdatel'skii Dom "Tret'yakov", 2023. – S. 40-42.
3. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya. – M.: Izdatel'stvo, 2018. – 538 s.
 4. Goncharov, P. A. Formirovanie turisticheskikh zon v regione: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty / P. A. Goncharov // Rossiya molodaya : Sbornik materialov XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, Kemerovo, 21-24 aprelya 2021 goda. – Kemerovo: Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni T. F. Gorbacheva, 2020. – S. 801-804. EDN: XKWUXJ
 5. Krashenninikov, A. V. Sotsial'naya integratsiya v modelyakh gorodskoi sredy / A. V. Krashenninikov // AMIT. 2022. № 4 (45). S. 329-338.
 6. Mikhailov, S. G. Sotsial'naya sreda kak potentsial samorazvitiya cheloveka / S. G. Mikhailov // Teleskop. 2023. № 3. S. 45-49.
 7. Naumova, G. V. Metody izucheniya sotsial'noi sredy monogorodov / G. V. Naumova, O. V. Kolesnik // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2021. № 2. S. 112-117.
 8. Parsons, T. Professiya i sotsial'naya struktura. – M.: Akademicheskii proekt, 2002. – 364 s.
 9. Petrova, S. I. Vzaimosvyaz' lichnosti i sotsial'noi sredy / S. I. Petrova // Simvol nauki. 2024. № 2. S. 81-86. EDN: SMMSIU
 10. Popova, E. Yu. Rol' gradoobrazuyushchikh predpriyatii v reshenii sotsial'nykh problem monogorodov / E. Yu. Popova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. – 2022. – № 4. – S. 113-118.
 11. Prazdnikova, N. N. Naselenie Altaiskogo kraia kak sotsial'naya baza razvitiya turizma i turistskoi deyatel'nosti / N. N. Prazdnikova, E. V. Prazdnikova, O. S. Vinnik // Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri. – 2019. – № 21. – S. 153-162.
 12. Rozova, S. V. Gradoobrazuyushchee predpriyatie kak vazhnaya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo razvitiya regiona / S. V. Rozova, A. G. Boikova // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki. – 2022. – № 4 (31). – S. 77-84. DOI: 10.46573/2409-1391-2022-4-77-84 EDN: PHHCJG
 13. Savel'ev, V. V. Istoricheskie aspekty formirovaniya sanatorno-kurortnoi industrii v Rossii i na Altae / V. V. Savel'ev // Aktual'nye voprosy funktsionirovaniya ekonomiki Altaiskogo kraia : Sbornik statei. – Barnaul : Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2024. – S. 20-33.
 14. Seredina, E. V. Analiz deyatel'nosti kurorta Belokurikha kak turistskogo klastera / E. V. Seredina // Vestnik RMAT. – 2023. – № 3. – S. 34-40.
 15. Seredina, E. V. Puti optimizatsii deyatel'nosti kurorta na primere turistskogo klastera "Belokurikha" (Altaiskii krai) / E. V. Seredina // Kurortno-rekreatsionnyi kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovatsionnye podkhody. – 2024. – № 1. – S. 247-251.
 16. Smirnova, V. V. Sotsial'naya sreda goroda: terminologicheskii aspekt / V. V. Smirnova // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2022. № 4. S. 52-56.
 17. Spenser, G. Osnovaniya sotsiologii. – Moskva: Izdatel'stvo, 2023. – 169 s.

18. Sukhanova, N. E. Aktual'nye problemy organizatsii sotsial'noi sredy turizma / N. E. Sukhanova // Vlast'. 2025. № 3. S. 112-116.
19. Toshchenko, Zh. T. Sotsiologiya zhizni kak teoreticheskaya kontseptsiya / Zh. T. Toshchenko // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2021. № 1. S. 106-116.
20. Ul'yanychev, M. A. Monogoroda kak sotsial'nyi fenomen: osobennosti ikh funktsionirovaniya i razvitiya / M. A. Ul'yanychev // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2023. – № 2 (58). – S. 46-49.
21. Faikov, D. Yu. "Bol'shoi Sarov": o ne samykh ochevidnykh strategiakh razvitiya monogorodov / D. Yu. Faikov, D. Yu. Baidarov // Problemy razvitiya territorii. – 2022. – T. 26, № 1. – S. 10-26. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2 EDN: AQGGZD
22. Khaisanova, A. I. Gradoobrazuyushchie predpriyatiya. Ekologicheskii krizis v monogorodakh / A. I. Khaisanova // Psikhologicheskie i pedagogicheskie aspekty nauchnogo stanovleniya lichnosti : sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 13 marta 2023 goda. – Ufa: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Aeterna", 2023. – S. 196-198.
23. Khapaeva, A. A. Perspektivnye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodov-kurortov / A. A. Khapaeva // Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh. – 2022. – № 9-2. – S. 185-189.
24. Kharlamov, S. V. Kul'turno-istoricheskoe nasledie agrarnykh territorii kak turisticheskii resurs Altaiskogo kraya / S. V. Kharlamov, N. F. Kharlamova // Kul'tura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii. – 2020. – № 1 (4). – S. 41-44. DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-41-44 EDN: VKZLAQ
25. Chistova, M. V. Perspektivnoe territorial'noe planirovanie – zalog uspeshnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya kurortnoi territorii / M. V. Chistova, G. E. Kontsevich // Gumanizatsiya obrazovaniya. – 2023. – № 3. – S. 56-62.

Social portrait of the self-employed (based on materials from sociological research in the city of Barnaul)

Zamyatina Ol'ga Nikolaevna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

Russia, Altai Territory, Barnaul, Dimitrova str., 66kab, sq. 520d

✉ olga_zamjtina@mail.ru

Pustovalova Elena Valer'evna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ pustovalova@mail.asu.ru

Kolegaeva Elizaveta Aleksandrovna

Student; Department of Regional Economics and Management; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Central district, Socialist ave., 68

✉ liza.lizochka03@mail.ru

Zheldakova Arina Vladimirovna

Student; Department of Sociology and Conflictology; Altai State University

66kab Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, Russia, sq. 520

✉ arina.zheldakova@gmail.com

Maslov Vladislav Sergeevich

Student; Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ agutsyarutsrfao@mail.ru

Perin Sergei Aleksandrovich

Student; Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ Ssaynirov@mail.ru

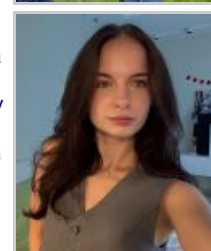

Tsodikova Yana Igorevna

Student; Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ ytsodikova@bk.ru

Ahmedova Angelina Rustamovna

Student; Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ axmedovaangelina@mail.ru

Grigor'ev Danil Igorevich

Graduate Student; Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ dani145.05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the social portrait of self-employed citizens using the city of Barnaul as an example. The relevance of the topic is determined by the rapid growth of the number of self-employed individuals in Russia and their increasing role in forming a flexible labor market, while regional aspects of this social group remain under-researched. The subject of the study encompasses the socio-demographic characteristics, material conditions, professional trajectories, and motivational factors of self-employed residents of Barnaul. The aim of the work is to create a comprehensive social portrait of this group, identify its specifics, and determine the key factors influencing the success of professional activities within this status. The empirical basis was a sociological study that provided representative data for analysis and verification of theoretical propositions. The main method of data collection was surveying. The sample consisted of 100 respondents – residents of Barnaul with official self-employed status. The survey allowed for the gathering of representative quantitative data for constructing the social portrait. The scientific novelty of the research lies in the empirical construction of a comprehensive social portrait of the self-employed within the specific regional context of Barnaul. Key findings

indicate that the typical representative of this group is a person aged 30-40 (51%) with a higher education (55%), in an unregistered relationship (44%), and having a work experience of 1 to 3 years in self-employment (55%). It has been established that the leading motivations for choosing self-employment are not so much economic necessity as the desire for self-realization through a favored activity (63%) and the value of autonomy – the ability to work with a flexible schedule (55%) and remotely (62%). A direct correlation has been identified between the duration of status, income level, and psychological satisfaction. The results of the work have practical significance for regional authorities and employment services in developing targeted programs to support and stimulate self-employment, as well as for educational institutions in terms of developing soft skills that are critically important for success in independent professional activities.

Keywords: Socio-demographic characteristics, Motivation, Labor market, Barnaul, Sociological research, Professional autonomy, Social portrait, Self-employment, Flexible employment, Regional aspect

References (transliterated)

1. Akhmatova D.R., Kabakova V.M. Analiz posledstviy vvedeniya spetsial'nogo nalogovogo rezhima dlya samozanyatykh grazhdan. – M.: Delo, 2019. – 60 s.
2. Baitemirov D.T. Faktory razvitiya rynka samozanyatosti // Vestnik universiteta "Turan". – 2018. – № 1(77). – S. 246-252. EDN: YVINGD
3. Varakosova V.V. Pravovoi status samozanyatykh grazhdan // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2022. – № 4. – S. 88-93.
4. Kamarova T.A. Ponyatiya, vidy i formy nestandartnoi zanyatosti: normativno-pravovaya osnova ikh primeneniya // Human Progress. – 2015. – T. 1, № 1. – S. 14-30. EDN: VASJWJ
5. Karpenko M.P., Lapshov V.A., Kibakin M.V. Sotsial'nyi portret studenta negosudarstvennogo vuza. – M.: Delo, 2020. – 71 s.
6. Kirisheva A.V., Kiselitsa E.P. Spetsial'nyi nalogovyi rezhim dlya samozanyatykh grazhdan: praktika i perspektivy razvitiya // Simvol nauki. – 2023. – № 1. – S. 92-98.
7. Koroleva E.V. Samozanyatost' naseleniya kak faktor snizheniya urovnya bezrabotitsy v strane // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2008. – № 12 (3). – S. 111-122.
8. Pustynnikova D.S. Analiz nalogovogo rezhima dlya samozanyatykh grazhdan // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2023. – № 1. – S. 45-49.
9. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. – M.: Politizdat, 1992. – S. 359-366.
10. Sotsial'nyi portret naseleniya: metodologiya, osnovnye kharakteristiki / pod red. P.O. Ermolaeva, E.P. Noskova, M.R. Zainullina, A.I. Kuptsova, A.M. Nagimova. – Kazan': Artifakt, 2014. – 92 s.
11. Stepanova Yu.O. Samozanyatost' v Rossiiskoi Federatsii // Voprosy studencheskoi nauki. – 2019. – № 6(34). – S. 18-25.
12. Shevchuk A.V. Granitsy avtonomii: fenomen "zavisimoi" samozanyatosti // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2010. – № 3. – S. 36-50. EDN: PBDSPH
13. Schor J.B. After the gig: how the sharing economy got hijacked and how to win it back. – University of California Press, 2020. – 240 p.
14. Wood A.J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy // Work, Employment and Society. –

Trends in the Formation of a New Social Order

Dekhanova Natalia Gennad'evna

PhD in Sociology

Associate professor, Department of Sociology of State Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p.33, office 503

✉ ndehanova@mail.ru

Kholodenko Yurii Aleksandrovich

PhD in Economics

Associate Professor; Department of Sociology of Public Administration; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p.33, office 503

✉ hol.u@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the identification of trends in global social changes in the context of the transformation of the world's socio-economic and political order. The authors have designated the established world order following the Second World War and the "Cold" War as the object of their study, noting that it is currently undergoing a profound crisis. The authors carefully examine various aspects of the chosen topic, such as the causes of this crisis of the "rules-based order," including the ideology of neocolonialism, the deepening of global inequality, and the dysfunction of international regulatory institutions. Special attention is given to the analysis of the loss of moral leadership and economic dominance by the collective West, as well as the fundamental shift in the economic balance of power between the Global North and the Global South, driven primarily by the rise of BRICS countries, especially China. The methodological foundation of the research is based on the fundamental works of Russian and foreign scholars. Throughout the work, general theoretical methods such as analysis and synthesis were used, as well as cross-country analyses of relevant statistical information from international organizations and secondary analyses of empirical studies by the UN. The main conclusions of the conducted research are the assertions that the modern world is witnessing not merely a crisis but a fundamental transformation of the established socio-economic order. The rules-based world order, created by a global minority to maintain hegemony, is becoming a thing of the past. A significant contribution of the authors to the study of the topic is the justification of the thesis that the destructive attempts by the West to maintain dominance through sanctions only accelerate the collapse of this system. The novelty of the research lies in demonstrating the objective nature of these social changes, which rely on a solid economic foundation: the West's definitive loss of economic leadership and the strengthening of the competitive positions of Global South countries, which seek to create a more just and equal world order. The authors argue for the significance of the modern policies of the Russian state aimed at strengthening national sovereignty, including in the sphere of economic development.

Keywords: Social stratification, Value system, Social transformation, Deglobalization, Neoliberalism, Neocolonialism, Global competition, Global inequality, World-system, Global social changes

References (transliterated)

1. Vallerstain I. Posle liberalizma / Per. s angl. Pod red. B. Yu. Kagarlitskogo. M.: Editorial URSS, 2003.
2. Giddens E. Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004.
3. Grem T. Perestroika mirovogo poryadka // Rossiya v global'noi politike. 2025. T. 23. № 2. S. 23-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-23-34 EDN: ZMLMXF
4. Rozov V. N. Vozmozhno li pravovoe samoogranichenie zapadnoi gegemonii? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 1. S. 102-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-102-112 EDN: NMTTAM
5. Fukuyama F. Konets istorii? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (data obrashcheniya: 10.09.2025)
6. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii? // Politicheskie issledovaniya. 1994. № 1. S. 33. EDN: EQVQMD
7. Elishev S. O. Osmyslenie sushchnosti "Bol'shoi Igry" klassikami russkoi shkoly geopolitiki (Okonchanie) // Vestnik MGU. Ser. Sotsiologiya i politologiya. 2025. № 1. S. 21-43. DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-21-43 EDN: ABJLMQ
8. Il'in I. I., Leonova O. G. Formiruyushchiesya tendentsii global'nykh politicheskikh protsessov // Vestnik MGU. Ser. Globalistika i geopolitika. 2023. № 3. S. 3-19.
9. Komolov O. O. Deglobalizatsiya: novye tendentsii i vyzovy mirovoi ekonomike // Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. 2021. T. 18. № 2. S. 34-47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47 EDN: ZCLMIZ
10. Loktionov V. I. Fragmentatsiya global'nogo sotsial'nogo kapitala // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 7. S. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14 EDN: TJYBES
11. Mart'yanov V. S. Shans Rossii na obnovenie global'noi sovremennosti // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. № 1. S. 56-67. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-56-67 EDN: FVLPGG
12. Osipova N. G. Neravenstvo v epokhu globalizatsii: sushchnost', instituty, regional'naya spetsifika i dinamika // Vestnik MGU. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2014. № 2. S. 119-141. EDN: SFMMNT
13. Chumakov A. N. Globalizatsiya ili deglobalizatsiya? // Vek globalizatsii. 2023. № 3. S. 19-34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02 EDN: UJAYDK
14. Varnavskii V. Globalizatsiya i strukturnye sdvigi v mirovom proizvodstve // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. № 1. S. 25-33. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33 EDN: YWWRGH
15. Glaz'ev S. Yu. O vyzovakh ekonomicheskomu razvitiyu Rossii i EAES v usloviyakh strukturnykh izmenenii Mir-Sistemy // Vek globalizatsii. 2024. № 4. S. 3-19. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.01 EDN: FSPDSQ
16. Zagashvili V. S. Mirovaya trgovlya v usloviyakh krizisa globalizatsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. T. 68. № 11. S. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-5-14 EDN: CLOMVT
17. Kuznetsov A. V. Mekhanizmy mezhdunarodnykh finansovykh otnoshenii v usloviyakh krizisa globalizatsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. T. 68. № 12. S. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-5-13 EDN: LEJXLN
18. Nogeira Batista P. Al'ternativnye valyuty i platezhnye sistemy: BRIKS i ne tol'ko // Rossiya v global'noi politike. 2025. T. 23. № 1. S. 46-64. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-46-64 EDN: SAAEBA

19. Kholopov A. V. Rezervnye valyuty: peremeny vozmozhny? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 9. S. 5-15. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-5-15 EDN: IRAUDT
20. Asmolov K. V., Babaev K. V. Trekhpolyarnyi mir i blokovye treugol'niki v Vostochnoi Azii // Rossiya v global'noi politike. 2024. T. 22. № 3. S. 165-181. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181 EDN: IRHZPK
21. Biryukova O. V. Transformatsiya paradigmy trgovoi politiki: teoreticheskii i institutsional'nyi aspekty // Voprosy ekonomiki. 2024. № 10. S. 142-155. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-142-155 EDN: RQMWSE
22. Vong N. Neizvedannym kursom v epokhu velikikh peremen // Rossiya v global'noi politike. 2024. T. 22. № 5. S. 72-79. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-72-79 EDN: SXZUBG
23. Grinin L. E. Uskorenie rekonfiguratsii Mir-Sistemy v svyazi s SVO i vozmozhnye stsennariy budushchego // Vek globalizatsii. 2023. № 3(47). S. 90-115. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.07 EDN: RIW WRT
24. Mal'tsev A. A., Chichilimov S. V. Ukorenenie neoproteksionizma v mirovoi ekonomike XXI veka // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 4. S. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14 EDN: AYTOQY
25. Milovidov V. D., Asker-Zade N. V. Proteksionizm 2.0: novaya real'nost' epokhi globalizatsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. № 8. S. 37-45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45 EDN: NLEJDE
26. Lein D. Imperializm: vchera i segodnya // Rossiya v global'noi politike. 2025. T. 23. № 5. S. 45-58.
27. Sayamov Yu. N. Globalizatsiya i deglobalizatsiya: dve storony odnoi medali // Vek globalizatsii. 2025. № 1. S. 39-49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03 EDN: VABIAK
28. Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. Global'nye sotsial'nye izmeneniya: riski dlya «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya» // Sotsiodinamika. 2024. № 1. S. 41-52. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.69248 EDN: LCDQHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69248
29. Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. Global'nye sotsial'nye izmeneniya: riski dlya «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya» // Sotsiodinamika. 2024. № 1. S. 41-52. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.69248 EDN: LCDQHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69248
30. Leonova O. G. Deglobalizatsiya versus globalizatsiya // Vek globalizatsii. 2024. № 2. S. 3-19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01 EDN: ICPMUP
31. Evstaf'ev D. G. Shagnut' za porog global'nogo mira // Rossiya v global'noi politike. 2023. T. 21. № 2. S. 8-21. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21 EDN: SJQIJN
32. Balans sil'nykh: dolya razvivayushchikhsya stran v mirovom VVP prevysit 60% k 2026 godu. – Izvestiya. 16.01.2024. URL: <https://iz.ru/1634618/maria-kolobova/balans-silnykh-dolia-razvivaiushchikhsya-stran-v-mirovom-vvp-prevysit-60-k-2026-mu> (data obrashcheniya: 10.09.2025)
33. Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // International Affairs. 2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-019-00219-7> (data obrashcheniya 04.11.2025)
34. Lamy P., Köhler-Suzuki N. Deglobalization is Not Inevitable: How the World Trade Organization Can Shore up the Global Economic Order // Foreign Affairs. 2022. June 9. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-06-09/deglobalization-not->

inevitable (data obrashcheniya 04.11.2025)

35. Witt M.A. De-globalization: Theories, predictions, and opportunities for international business research // Journal of International Business Studies. 2019. Vol. 50. Pp. 1053-1077. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-019-00219-7> (data obrashcheniya 04.11.2025) DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7 EDN: PGNYEO
36. Livesey F. Unpacking the Possibilities of Deglobalisation // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. No. 11. Pp. 177-187.

Family and marriage in modern Britain

Karpov Grigory

Doctor of History

Senior Researcher, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences

123001, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

Abstract. In modern Western countries, a deep transformation of the social sphere is taking place, one of the key directions of which is the change in the family and marriage. The article analyzes the main trends and factors that define the development of family and marital relationships in contemporary Britain. Based on a significant corpus of statistical data, a comprehensive analysis of the dynamics of marriages and divorces, household structures, and the composition and number of families is conducted. Special attention is given to the rising popularity of civil partnerships as an alternative to traditional marriage, as well as the spread of infantilism among British youth. The author notes the increasing burden on the social sector related to caring for the elderly and the weakening of traditional family ties, reflecting the general processes of social modernization. The methodological basis of the research relies on statistical and comparative methods of analysis, which made it possible to identify trends in key social changes. The results of the research show that strong monogamous marriage in the UK is gradually losing its significance. It is being replaced by civil partnerships, cohabitation, unregistered living together, and single living. For young Britons, the establishment of a complete multi-child family is becoming a rare phenomenon, while many prefer to remain dependent on their parents. The decline in registered marriages is accompanied by an increase in divorces, a decrease in birth rates, and a reduction in the average number of family members. At the same time, among ethnic and religious minorities, primarily immigrants from South Asia and Africa, traditions of strong marriage, large families, and caring for the elderly persist, significantly influencing overall demographic processes.

Keywords: infantilization, social change, household, divorce, fertility, demography, United Kingdom, civil partnership, marriage, family

References (transliterated)

1. Gender identity, England and Wales: Census 2021. United Kingdom Census 2021. Office for National Statistics. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/genderidentity/bulletins/genderidentityenglandandwales/census2021> (data obrashcheniya: 08.11.2025).
2. Sullivan A. What the Census reveals about trans people in Britain // The Spectator. 2023. 29 January.

3. Office for National Statistics. Religion, England and Wales: Census 2021: The religion of usual residents and household religious composition in England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021> (data obrashcheniya: 08.11.2025).
4. Berrington A. Expectations for family transitions in young adulthood among the UK second generation // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 89. № 1. S. 913-935. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1539276.
5. Berrington A., Eibich P., Palumbo L. Assessing the parental SES gradient in young Britons' partnership expectations, attitudes and its potential mediators // Advances in Life Course Research. 2024. Vol. 61. № 1. S. 1-19. DOI: 10.1016/j.alcr.2024.100630. EDN: WNIFPG.
6. Families in Britain. The impact of changing family structures and what the public think. Ipsos MORI, Policy Exchange, 2009. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2016/09/families-in-britain-apr-09.pdf> (data obrashcheniya: 08.11.2025).
7. Robson K. Changes in Family Structure and the Well-Being of British Children: Evidence from a Fifteen-Year Panel Study // Child Indicators Research. 2010. Vol. 3. № 1. S. 65-83. DOI: 10.1007/s12187-009-9057-3. EDN: HBIPNH.
8. Alekseenko I.V., Grass T.P., Petrishchev V.I. Sem'ya kak institut sotsializatsii v Velikobritanii, SShA i v Novoi Zelandii // Chelovek i obrazovanie. 2009. № 1. S. 182-187.
9. Bogdanova T.V. Sem'ya v Britanii: k voprosu o sotsial'nykh rolyakh zhenshchin i detei // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki. 2012. № 4. S. 55-63. EDN: PLUDOV.
10. Kapranova L.D. Semeinaya politika Velikobritanii // Aktual'nye problemy Evropy. 2009. № 2. S. 93-111. EDN: KFPMVV.
11. Annual data: Marriages, Civil Partnerships, Divorces and Civil Partnership Dissolutions (numbers and rates). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/data-sets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablesummer2016final.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
12. Divorces in England and Wales: 2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/divorce/bulletins/divorcesinenglandandwales/2022/pdf> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
13. Marriage rates decreased by more than half in 2020 and were lower than divorce rates. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/marriagesinenglandandwalesprovisional/2020/b60e66b8&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
14. Family type as a percentage of all families living in households, UK, 2013 and 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/f1b24acc&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
15. Percentage spread of one-person households across different age groups, UK, 2013 and 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/f57d079d&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).

16. Percentages of lone-parent families headed by a mother and by a father, UK, 2013 and 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023/c43faffb&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
17. The proportion of adults who are married has decreased for most age groups and increased at older ages. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig3/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
18. Family status by country of birth group, usual residents, 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig8/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
19. Age standardised proportions of adults who have never been married or in a civil partnership have increased across all ethnic groups. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig10/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
20. Living arrangements by country of birth group, usual residents, 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig6/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
21. Civil partnerships in England and Wales: 2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/pdf> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
22. Nearly a quarter of people entering opposite-sex civil partnerships in 2022 were aged 65 years and over, an older age profile than those forming same-sex civil partnerships. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/fa87707d&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
23. Most couples entering into a civil partnership in 2022 had both never been in a legally registered partnership. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/civilpartnershipsinenglandandwales/2022/4e1e6b3a&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
24. Civil partnership dissolutions in England and Wales: 2022 data tables. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/datasets/civilpartnershipstatisticsunitedkingdomcivilpartnershipdissolutions/current/cpdissolutionsworkbook2022final.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
25. Adults in same-sex legal partnerships have a younger age profile than opposite-sex married adults. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig6/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
26. Legal partnership status, usual residents aged 16 and over, 2011 and 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2200/fig4/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).

27. The proportion of adults who are married or in a civil partnership has fallen between 1991 and 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig1/stackedbar/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
28. Families by family type and presence of children. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesandhouseholdsfamiliesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
29. People in families by family type and presence of children. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesandhouseholdsfamiliesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
30. Families with dependent children by family type and number of dependent children. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/datasets/familiesandhouseholdsfamiliesandhouseholds/current/familieshouseholds2016.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
31. Dependent children in families by family type. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablesummer2016final.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
32. Households by size. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablesummer2016final.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
33. Households by type of household and family. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablesummer2016final.xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
34. Annual Mid-year Population Estimates, 2010. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/search/index.html-newquery=Annual+Mid-year+Population+Estimates%2C+2010> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
35. Proportion of care home population residing in care homes with and without nursing by 10-year age group, 2021 and 2011, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig04/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
36. Percentage of usual resident population in each five-year age group from age 65 years residing in care homes in 2021 and 2011, by sex, in England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig01/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
37. Disability status of care home resident populations with and without nursing by five-year age groups, 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig07/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
38. Percentage of the usual resident population aged 65 years and over in each high-level

- ethnic group living in care homes, by 10-year age groups in 2021 and 2011, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2272/fig08/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
39. United Kingdom Population 2019. World Population Review. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/united-kingdom> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 40. Usual resident population by religion, 2011 and 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/censusareachanges/data/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 41. Census 2021 main statistics religion tables. Northern Ireland Statistics and Research Agency. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/census-2021-main-statistics-religion-tables> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 42. Age standardised proportions of usual residents who are never married or in a civil partnership have reduced across all religious groups. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2227/fig9/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 43. Top 10 countries out of top 60 with lowest proportion of residents with a religious affiliation, usual residents, 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/download/table-format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/analysisofsocialcharacteristicsofinternationalmigrantslivinginenglandandwales/census2021/055055f3.json> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 44. Top 10 countries out of top 60 with highest proportion of residents with a religious affiliation, usual residents, 2021, England and Wales. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/download/table-format=xlsx&uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/analysisofsocialcharacteristicsofinternationalmigrantslivinginenglandandwales/census2021/edaa914e.json> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 45. Adult children aged 22 to 64 years and usual residents aged 22 to 64 years by economic activity, England and Wales, 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/articles/moreadultslivingwiththeirparents/2023-05-10/cf383af0&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 46. People aged 16 to 24 years NEET as a percentage of all people aged 16 to 24 years, seasonally adjusted, UK, October to December 2012 to October to December 2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/bulletins/youngpeoplenotineducationemploymentortrainingneet/february2023/d5418425&format=xls> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 47. Household type as a percentage of all households, UK, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 48. Conception rates for women outside of marriage or civil partnership by age group, England and Wales, 2011 and 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator->

uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2021/b79bc710&format=xls (data obrashcheniya: 09.11.2025).

Reindeer herding of the Tofalars: socio-geographical aspects of the continuity of practices during the transition to sedentism

Ragulina Milana Vladimirovna

Doctor of Geography

Leading Researcher; V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS

664033, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Ulan Batorskaya str., 1

✉ milanara@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is to determine the influence of socio-geographical factors on the continuity of labor practices in the mountain-taiga reindeer husbandry of the Tofalars. The ethnic economy has long been based on a combination of hunting and transport reindeer husbandry, with year-round nomadism. It has been shown that the transition to settled life and the establishment of collective farms prompted changes and adaptations in the ways of utilizing lands, labor skills, and relationships within the ethno-local community, as well as caused significant distortions in the social system. The aim of the work is to identify the adaptive nature of the relationships between traditional skills and new institutional requirements during the transition to sedentarism and collectivization. Special attention is paid to administrative measures and informal agreements that ensure systemic continuity of traditional resource management. The methodological basis consists of concepts of social adaptation, resilience, and ethno-social continuity. The analysis is based on field interviews and archival documents. The novelty of the research lies in the interpretation of the preservation of Tofalar reindeer husbandry through a hybrid model that combines Soviet institutions with traditional practices. As a result, it has been found that the relative stability of the system was ensured by informal agreements, social mutual assistance, and the preservation of the connection between reindeer husbandry and hunting. The main conclusions of the work indicate that the initial goals of the indigenous transformations of the Sayans' reindeer husbandry faced the impossibility of realization due to the insufficient consideration of the systemic nature of local environmental and socio-geographical contexts. The established system of collective reindeer husbandry and hunting arose not only due to administrative coercion but also represents the result of compromises and concessions from Soviet management, reflecting both the "geography" and "ethnography" of a hard-to-reach mountainous region. The developed collective practices and principles of interaction may be significant for the reintroduction and post-crisis development of contemporary reindeer husbandry in Tofalaria.

Keywords: collectivization, socio-ecological systems, continuity, sustainable development, taiga nomads, adaptation, Tofalar people, reindeer herding, community, informal practices

References (transliterated)

1. Klovov K. B. Geograficheskaya izmenchivost' i kul'turnoe raznoobrazie olenevodstva v severnoi Rossii: delimitatsiya territorii s razlichnymi tipami olenevodstva // Pastoralizm. 2023. T. 13. N 1. S. 1-15. <https://doi.org/10.1186/s13570-023-00279-3> EDN: PUIZDU

2. Ragulina M. V. Etnoekonomicheskaya transformatsiya gorno-taezhnogo olenevodstva v Irkutskoi oblasti // Agrarnyi vestnik Urala. 2023. T. 23, N 11. S. 86-97. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-23-11-86-97 EDN: KIKEWE
3. Istomin K. V. Postsovetskie olenevody: mezhdru semeinym i kollektivnym olenevodstvom // Region: Regional'nye issledovaniya Rossii, Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. 2020. T. 9. N 1. S. 25-52. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0005>. EDN: EIQQDB
4. Mel'nikova L. V. Tofy: istoriko-etnograficheskii ocherk. Irkutsk: Vost.-Sib. izd-vo, 1994. 302 s.
5. Khorstkotte T., Lef A., Moen Dzh. Ponimanie adaptatsionnykh landshaftov: kartirovanie slozhnosti prinyatiya reshenii v olenevodstve // Arkticheskii obzor po pravu i politike. 2024. T. 15. S. 202-230. <https://www.jstor.org/stable/48807504> DOI: 10.23865/arctic.v15.6138 EDN: QWOQAW
6. Vulvulis N., Giakumis T., Khant S., Kioupi V., Petru N., Soulotis I., Vagela Ch. Sistemnoe myshlenie kak paradigmal'nyi sdvig dlya ustoichivoi transformatsii // Global'nye izmeneniya okruzhayushchei sredy. 2022. T. 75. S. 102544. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102544> EDN: MVUPPR
7. Makinnis M. D., Ostom E. Ramka sotsial'no-ekologicheskoi sistemy: pervonachal'nye izmeneniya i prodolzhayushchiesya vyzovy // Ekologiya i obshchestvo. 2014. T. 19. N 2. S. 30. <http://dx.doi.org/10.5751/ES-06387-190230>
8. Aksel'sson-Linkovski V., F'ell'strem A.-M., Sandstrem S., Vestin A., Östlund L., Moen Dzh. Izmenenie strategii mezhdru pokoleniyami v samskom olenevodstve: vyzovy sokhraneniya traditsii pri adaptatsii k menyayushchemusya kontekstu // Chelovecheskaya ekologiya. 2020. T. 48. S. 481-490. <https://doi.org/10.1007/s10745-020-00171-3>. EDN: LHQTSM
9. Landauer M., Rasmus S., Forbs B. S. Chto dvizhet upravleniem olenyami v Finlyandii k sotsial'nym i ekologicheskim kriticheskim tochkam? // Regional'nye izmeneniya okruzhayushchei sredy. 2021. T. 21. N 2. S. 32. <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01757-3> EDN: ZHRMQF
10. Risvol' K., Khovel'srud G. K., Riset Dzh. A. Padaya mezhdru treshchinami upravlyayushchikh sistem: risk i neopredelennost' v pastoralizme na severe Norvegii // Pogoda, klimat i obshchestvo. 2022. T. 14. N 1. S. 191-204. <https://doi.org/10.1175/WCAS-D-21-0052.1> EDN: CFLHJY
11. B'yukenen A., Rid M. G., Lidestav G. Chto schitaetsya olenevodom? Gender i adaptivnaya sposobnost' samskikh olenevodcheskikh soobshchestv v Shvetsii // Ambio. 2016. T. 45. S. 352-362. <https://doi.org/10.1007/s13280-016-0834-1> EDN: WTEIRE
12. Il'in M. S. Sbornik postanovlenii i rasporyazhenii po sovetskomu olenevodstvu. Posobie dlya olenevodcheskikh sovkhozov. M., 1933. 123 s.
13. Petri B. E. Olenevodstvo u karagas. Irkutsk, 1927. 46 s.
14. Rassadin I. V. Khozyaistvo, byt i kul'tura tofalarov. Ulan-Ude: IMBT, 2005. 190 s. EDN: TUPMOJ
15. Solov'ev D. K. Sayanskii promyslovo-okhotnichii raion i sobolinyi promysel v nem: otchet Sayanskoi ekspeditsii Departamenta zemledeliya, rabotavshei v 1914–1916 gg. pod nachal'stvom starshego spetsialista po promyslovoi okhote D. K. Solov'eva // Sayanskaya ekspeditsiya. Seriya 2. SPb.: Gos. izd-vo, 1921. 458 s.
16. Istomin K., Khabek I.-O., Laptander R., Tomerdik Kh., Khorstkotte T., Rasmus S. Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy v vybrannykh soobshchestvakh: vzaimodeistvie formal'nykh i neformal'nykh institutov i praktik v olenevodstve (Rossiya i

- Finnoskandiya). // CHARTER Deliverable 3.5. 2023. 28 s. https://www.charter-arctic.org/wp-content/uploads/2023/12/CHARTER_deliverable_D3.5_Institutions_final.pdf
17. Kudashkin V. A., Kudashkina O. V. Sistema kollektivnykh khozyaistv u korennykh malochislennykh narodov Irkutskoi oblasti v 1930–1960 gg. (na primere tofalarov) // Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: Sbornik statei. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 168-173. DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.14. EDN: HXWJRD
 18. Toniolo S., Pieretto Ch., Kavana D. Uluchshenie ustoichivosti v soobshchestvakh: svyazyvanie mestnogo urovnya s kontseptsiei ustoichivogo razvitiya // Obzor vozdeistviya na okruzhayushchuyu sredu. 2023. T. 101. S. 107-126. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2023.107126> EDN: AYLLDT
 19. Bogdanov A. S., Vashukevich Yu. E. Sostoyanie okhotkhozyaistvennogo proizvodstva v Tofalarii v kontse KhKh veka // Vestnik IrGSKhA. 2013. N 56. S. 12-16. EDN: RBYCPF
 20. Oler A. Podvodya itogi: olenevodstvo tofalar segodnya // Mnogoobrazie domashnikh khozyaistv v Sayanskikh gorakh: ekologiya na granitse Rossii i Mongolii. Lanem, 2020. S. 121-140.
 21. Pugachev M. I. God olenevoda. 1991. URL: <http://www.tofalaria.ru/history-olenevodstvo.htm> (data obrashcheniya: 25.03.2025).